

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ И ПЕРСПЕКТИВНЫХ ЗАДАЧ СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Сборник научных трудов по итогам
Первой Международной научной конференции,
посвященной 100-летию С.С. Алексева
(Екатеринбург, 14 ноября 2024 г.)



Российская Академия Наук



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ



Уральское отделение Российской академии наук
Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук
Институт государства и права Российской академии наук

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ И ПЕРСПЕКТИВНЫХ ЗАДАЧ СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Сборник научных трудов по итогам
Первой Международной научной конференции,
посвященной 100-летию С.С. Алексеева
(Екатеринбург, 14 ноября 2024 г.)

Главный редактор
В.Н. Руденко



Российская Академия Наук



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ



Екатеринбург – 2024

УДК 321.01:340:340.12:303.446.4
Ф 56

Сборник научных трудов подготовлен и опубликован в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», п. 6.1.1 Соглашения о предоставлении из федерального бюджета гранта на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технического развития между Министерством науки и высшего образования Российской Федерации и федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук
№ 075-15-2024-639 от 12 июля 2024 г.

Рекомендовано к изданию Ученым советом Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (протокол № 9 от 25.11.2024)

Главный редактор

В.Н. Руденко – вице-президент РАН, председатель Уральского отделения РАН, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор

Ответственные редакторы:

А.Н. Савенков – директор Института государства и права РАН, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

В.С. Мартыанов – директор Института философии и права УрО РАН, доктор политических наук, доцент

Рецензенты:

О.И. Зазнаев – доктор юридических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет

В.Н. Сыров – доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет

Ф 56 **Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права** : сб. науч. трудов по итогам Первой Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию С.С. Алексеева (Екатеринбург, 14 ноября 2024 г.) / гл. ред. В.Н. Руденко; УрО РАН, ИФиП УрО РАН, ИГП РАН. Екатеринбург : ИФиП УрО РАН, 2024. 240 с.

ISBN 978-5-6043262-1-3

Сборник научных трудов подготовлен по итогам Первой Международной научной конференции «Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права» (г. Екатеринбург, 14 ноября 2024 г.). В трудах авторов сборника разработаны различные теоретико-методологические аспекты совершенствования общегражданского российского нарратива, формирования консолидирующей идентичности, исторического и культурного единства российской нации. Особое внимание уделено вопросам трансформации российской историографической модели политико-правовых знаний и апробации результатов исследования конституционно-правовых и ценностно-институциональных механизмов, обеспечивающих воспроизводство и сплочение российской нации в условиях вызовов многополярного мира. Издание содержит научно-практические предложения и экспертные рекомендации для специалистов, федеральных, государственных и муниципальных органов законодательной и исполнительной власти, заинтересованных учреждений и организаций в сфере публичного права, философии права, политических наук и историографии наук об обществе.

УДК 321.01:340:340.12:303.446.4

© УрО РАН, 2024
© Институт философии и права УрО РАН, 2024
© Институт государства и права РАН, 2024
© Авторы статей, текст, 2024

ISBN 978-5-6043262-1-3

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие главного редактора	5
--------------------------------------	---

Ценности философии права: контексты переосмысления

<i>Руденко В.Н.</i> С.С. Алексеев: от философии права к Конституции Человека	9
<i>Казанцев М.Ф.</i> С.С. Алексеев: от гражданского права к теории права и возрождению цивилистики	20
<i>Мартьянов В.С.</i> Разоблачение короля: фальсификация западного мейнстрима	36
<i>Фишман Л.Г.</i> Модерн и традиция – ложное противостояние?	53
<i>Шавеко Н.А.</i> Традиционные российские ценности: проблемы определения и обоснования их перечня	64
<i>Го Л.</i> Преобразование и реконструкция: традиционные российские ценности и российская модернизация	77

Перспективы развития историографии и современного публичного права

<i>Кодан С.В.</i> Историография в юриспруденции: междисциплинарные пространства взаимодействия	85
<i>Руденко В.В.</i> Политика памяти в документах стратегического планирования Российской Федерации	96
<i>Панкевич Н.В.</i> Российская государственность и западный стратегический нарратив: идентичность против риторического принуждения	112
<i>Аникин Д.А.</i> Геноцид советского народа: траектории правовой культуры и исторической политики	128

Балакаев В.Д. «Бороться и искать»: в поисках права на национальную идентичность в общем международном праве	147
--	-----

**Междисциплинарная интеграция публичного права
и социальных наук: проблемы и решения**

Лобовиков В.О. Естественное государство – фильтр на двузначной булевой алгебре естественного права	159
Белоусов А.Б. «Сплоченная масса ненависти»: концепция пропаганды Гарольда Лассуэлла	175
Головашина О.В. Педагогические идеалы и школьные практики: идеи Э. Дюркгейма для воспитания гражданина в современной России	194
Рой О.М. Территориальная идентичность российского общества: от поместной раздробленности к гражданскому согласию	211
Цзян Т. Опыт Китая по позитивному взаимодействию между общественным мнением и законодательством.....	227

Научно-методические и экспертные рекомендации по итогам работы Первой Международной научной конференции «Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права» (Екатеринбург, 14 ноября 2024 г.)	233
--	-----

Информация об авторах	238
------------------------------------	-----

Предисловие главного редактора

14 ноября 2024 года в Екатеринбурге на площадке Уральского отделения РАН состоялась Первая Международная научная конференция «Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права». Организаторами конференции выступили Институт философии и права УрО РАН, Институт государства и права РАН и Уральское отделение РАН.

Конференция проводилась в рамках первого года реализации научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», выполняемого на базе Института государства и права РАН.

Заявленная проблематика представляется особо актуальной на современном этапе развития российского государства. Он связан с укреплением научного и культурного суверенитета России в меняющемся глобальном мире. Многие некритично заимствованные вовне социальные теории на поверку оказались кривыми идеологическими зеркалами, которые нуждаются в критическом пересмотре или полной отмене. Многие интеллектуальные иллюзии и утопии постсоветского периода развеялись, усилив запрос на возврат к отечественным научным достижениям, истории, культуре и аутентичным ценностям, оказавшимся в тени поверхностных идеологических конструкторов.

Изменение требований к качеству и оригинальности политических и правовых знаний диктуют необходимость переосмысления как существующих теорий и практик публичного права, философии права, политической теории, так и теоретических аспектов, в основе которых лежат устаревшие и идеологически нагруженные модели. Историографическая проблематика становится предметом активного научного анализа, предполагающего обновление исторического и идейно-ценностного представления современно-го российского общества о самом себе.

В рамках конференции обсуждались следующие вопросы и направления:

- Историографические проблемы применения цивилизационного подхода в политико-правовых исследованиях;
- Модели реконструкции политико-правовых знаний и методы их анализа;
- Механизмы политико-правового регулирования ценностей и институтов, обеспечивающих эффективное воспроизводство и социальное сплочение российской нации;
- Особенности и противоречия становления в публичной сфере общегражданского нарратива;
- Развитие российской политико-правовой культуры;
- Идеологические искажения в существующих историографических моделях и методы защиты исторической правды.

Непосредственной целью данной конференции была разработка теоретико-методологического комплекса проблем совершенствования общегражданского российского нарратива, связанного с формированием консолидирующей идентичности, исторического и культурного единства суверенной нации.

В работе конференции приняли участие более 70 исследователей из научно-исследовательских организаций и высших учебных заведений, в том числе Института государства и права РАН, Института философии и права УрО РАН, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Уральского государственного юридического университета, Российского университета дружбы народов, Института философии НАН Беларуси (г. Минск), Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН, Фуданьского университета (г. Шанхай) и др.

Непосредственное участие в работе конференции приняли ученые из Республики Беларусь (заместитель директора по научной работе Института философии НАН Беларуси, кандидат философских наук, доцент А.Ю. Дудчик) и Китайской Народной Республики (делегация из двух человек во главе с научным руководителем Школы марксизма, доктором философии, профессором Фуданьского университета Го Лишуан).

Конференция была проведена в формате трех пленарных сессий, каждую из которых вел отдельный модератор. Первая сессия помимо научных докладов включала торжественные мероприятия, посвященные 100-летию выдающегося российского правоведа, члена-корреспондента РАН С.С. Алексева. В ходе мероприятий была проведена презентация книги: С.С. Алексеев. Возвышение права: (к 100-летию со дня рождения) / Рук. проекта А.Н. Савенков; ред.-сост. и авт. вступ. ст. М.Ф. Казанцев и В.Н. Руденко; авт. вступ. ст. П.В. Крашенинников. – Москва : Ин-т государства и права РАН, 2024. – 800 с. – (Научный проект «Российская академия наук: выдающиеся ученые-правоведы. XX век»).

Затем состоялось первое торжественное вручение памятной медали и нагрудного знака, учрежденных Институтом философии и права УрО РАН в ознаменование 100-летия С.С. Алексеева, выступившего в 1988 году директором-организатором этого института. Лауреатами памятной медали стали ученые, в том числе ученики С.С. Алексеева. Медаль и нагрудный знак были также вручены Музею С.С. Алексеева «Восхождение к праву», музею Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, Уральскому филиалу Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации.

Пленарные сессии были посвящены следующим направлениям:

- «Ценности философии права: контексты переосмысления»
- «Историография и перспективы развития современного публичного права»
- «Междисциплинарная интеграция современного публичного права: проблемы и решения».

Важной составной частью конференции стал молодежный семинар «Историографические проблемы в свете применения цивилизационного подхода». В семинаре приняли участие около 30 молодых исследователей из академических институтов и вузов. Наибольший интерес и дискуссии вызывали доклады, осмысляющие способы и принципы законодательного регулирования традиционных ценностей и защиты исторической правды.

Плотный график проведения конференции в пленарном формате полностью себя оправдал, все докладчики выступили перед всеми остальными участниками. Это позволило всесторонне рассмотреть поставленные в докладах проблемы и обосновать исследовательские позиции по обозначенным на конференции направлениям.

Наибольший интерес в ходе обсуждений вызвали следующие проблемы:

- Обобщение идейного вклада выдающегося российского правоведа С.С. Алексеева в философию права, гражданское право и теорию права;
- Обновление проблемного поля философии государства с опорой на вклад отечественных и зарубежных ученых в разработку понимания сущности и назначения государства;
- Консолидация в правовом поле Российской Федерации понятия «политика памяти», фиксируемого в значимо количестве документов стратегического планирования;
- Теоретико-методологические проблемы соотношения Модерна и Традиции, России и Запада, а также баланс традиционных и современных ценностей в современном российском обществе;
- Новые подходы к историографии в юриспруденции, связанные с междисциплинарными пространствами взаимодействия;

– Негативное влияние западного стратегического нарратива на российскую государственность и способы противодействия ему;

– Актуализация «забытого вклада» российского государственоведения в разработку понятий «верховная власть» и «суверенитет».

Обзор существующих историографических подходов к политико-правовой мысли в отечественной и западной литературе показал, что сложившаяся структура и содержание политико-правовых знаний не соответствует потребностям современной России и не всегда выдерживает критерии научной достоверности. Конференция всем своим ходом подтвердила своевременный выбор научной проблематики для обсуждения. В Российской Федерации обновление теоретико-методологических оснований социальных наук и противодействия внешним деструктивным идеологическим влияниям становится предметом все более активной научной дискуссии.

Проведенная в Екатеринбурге конференция стала важным научным заделом для дальнейшего обеспечения эффективной трансформации отечественного социального знания в контексте экзистенциальных задач современного российского общества в условиях внешних и внутренних вызовов. В докладах конференции зафиксирован ряд значимых результатов, касающихся как возможности создания верифицированной системы политико-правовых знаний, так и культурной специфики становления в публичной сфере общегражданского российского нарратива.

Конференция подтвердила тот факт, что любой интеллектуальный суверенитет может и должен опираться прежде всего на собственную историческую, теоретическую и эмпирическую базу. Доклады участников конференции убедительно показали, что традиции отечественной философской, правовой и политической мысли являются недостаточно изученными и зачастую откровенно недооцененными, в том числе в качестве инструментов и моделей решения актуальных социальных проблем.

По итогам работы конференции в представленном сборнике опубликована резолюция Первой Международной научной конференции «Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права», включающая научно-практические предложения и экспертные рекомендации для специалистов, федеральных, государственных и муниципальных органов законодательной и исполнительной власти, заинтересованных учреждений и организаций.

С уважением ко всем авторам и читателям,
академик РАН **В. Н. Руденко**

Ценности философии права: контексты переосмысления

УДК 321:342

Виктор Николаевич Руденко
Институт философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: rudenkovn@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1802-2198
SPIN-код: 2836-8813

С.С. Алексеев: от философии права к Конституции Человека

Аннотация. Статья посвящена философским взглядам Сергея Сергеевича Алексеева – выдающегося российского правоведа и организатора науки. В ней сделан акцент на проблематике свободы, основанной на законе. В достижении этой свободы мыслитель видел предназначение права. В статье раскрываются ключевые философские взгляды и идеи С.С. Алексеева, обусловившие его концепцию общего права и видение проблем конституционализма в России. Во-первых, он один из первых в мире и первый в отечественной науке глубоко и системно проанализировал взгляды И. Канта по вопросам права и доказал наличие целостной кантовской правовой доктрины. Во-вторых, в развитие кантовских идей С.С. Алексеев показал и обосновал ценность права в современном обществе. Для этого он глубоко переосмыслил и, по существу, вновь ввел в научный оборот категории «чистое право» и «право человека». В-третьих, С.С. Алексеев обосновал и развил либералистский подход к праву. Этот подход проявляется в идее права человека как объективного права, в разрешительном характере самого права, в необходимости развития правового общества. В статье также показана органическая связь философских идей С.С. Алексеева и его представлений о конституционном процессе. В связи

с этим раскрывается содержание сформулированной С.С. Алексеевым концепции Конституции Человека.

Ключевые слова: свобода, предназначение права, право человека, кантовская правовая доктрина, Конституция Человека

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Сергей Сергеевич Алексеев является великим отечественным юристом второй половины XX – начала XXI столетий. Но его по праву можно считать и выдающимся философом права. Вполне закономерно, что именно он выступил директором-организатором Института философии и права Уральского отделения Академии наук СССР (ныне Уральского отделения РАН). На теоретических семинарах института любые проблемы юриспруденции обсуждались с активным участием философов (Казанцев, Руденко 2024: 20-21).

Большинство правовых теоретических произведений С.С. Алексеева имеет серьезное философское обоснование. Философский фундамент присущ как общей теории права, так и отдельным теоретическим трудам по проблемам общих дозволений и общих запретов, вопросам государства и права, основам конституционного строя, работам общемировоззренческого характера.

Философские взгляды С.С. Алексеева претерпели существенную эволюцию с конца 1980-х до конца 1990-х гг. Это была эволюция от классических марксистских философских представлений, согласно которым экономический базис общества определяет надстройку, составными частями которой является государство и право в их классовом понимании, к более общим и глубинным воззрениям на происхождение и сущность права, базирующимся на наследии немецкой классической философии, прежде всего на трудах Иммануила Канта¹. В постсовет-

¹ К наиболее известным философским работам С.С. Алексеева следует отнести: Самое святое, что есть у Бога на земле : Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху / С.С. Алексеев. Москва :

ский период научного творчества ученый обратился к общим проблемам бытия человека и наличия разума во вселенной.

Само собой разумеется, что философское осмысление действительности у С.С. Алексеева самым тесным образом связано с проблемами права. Преодолевая марксистскую догматическую парадигму «базиса и надстройки», С.С. Алексеев в своем наиболее философском, на наш взгляд, произведении «Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху»² стремится обнаружить основания права в противоречивом человеческом разуме и человеческой свободе. Вслед за И. Кантом он показывает, что человек – единственное разумное существо, способное действовать свободно. Но история свободы как дело рук человеческих начинается со зла из-за злоупотребления собственным разумом. Человеческое своеволие ведет к величайшей свободе, а значит к постоянному антагонизму между всеми членами общества. Наиболее отвратительными чертами этого антагонизма являются неблагодарность, зависть, злорадство (Алексеев 1998: 37-44), ведущие к насилию и незаконности. По существу, С.С. Алексеев солидаризируется здесь с Кантом в том, что величайшая свобода есть атрибут общества и она должна наличествовать в нем. Но с оговоркой – наличествовать при определении и сохранении границ этой свободы, сопряженной со свободой других (Алексеев 1998: 44). В таком случае право есть антитеза насилию, антитеза всеразрушающему праву силы. Причем, как это ни парадоксально, право есть безальтернативная антитеза. Образным выражением данного парадокса выступает гипотетическая ситуация, когда весь народ состоял бы из дьяволов:

Норма, 1998. 410 с.; Философия права // Собрание сочинений : в 10 т. [+ Справоч. том] / С.С. Алексеев. Москва : Статут, 2010. Т. 7. С. 9–320; Вселенная и человек. Попытка понимания (фрагменты) // Там же. Т. 9. С. 260–267; Отдельные философские заметки // Там же. Т. 9. С. 268–278; Восхождение к праву : Поиски и решения // Там же. Т. 6. С. 8–553; Два имени // Там же. Т. 9. С. 8–22.

² «Самое святое, что есть у Бога на земле» – самое значимое философское произведение С.С. Алексеева. Именно в нем он наиболее ярко проявился как философ. Эта книга вышла в 1998 г. Через 15 лет издана повторно. Вошла в том 5 Собрания сочинений. Иммануил Кант – любимый философ Сергея Сергеевича. И связанную с Кантом книгу он считал своим любимым научным детищем.

стремление к самосохранению влечет необходимость верховной власти права (Алексеев 1998: 44).

Таким образом объективная логика развития человеческого общества подводит его к правовому состоянию и неизбежности права, главными функциями и назначением которого в восходящем развитии человеческого рода является «определение и сохранение границ» свободы (Алексеев 1998: 46). Назначение права в кантовском его понимании, которое импонирует С.С. Алексееву, состоит в том, чтобы «определить каждому свое и оградить его от посягательств каждого другого, когда центром правового регулирования становится определяемое правом и защищаемое законом свое» (Алексеев 1998: 47). Свобода, основанная на законе – вот в чем смысл и предназначение права. Эти фундаментальные кантовские идеи выражают суть философских исканий и, в конечном итоге, мировоззренческих взглядов самого Сергея Сергеевича. И в данном случае необходимо отметить следующие заслуги С.С. Алексеева в области философии.

Во-первых, он первый в отечественной науке глубоко и системно проанализировал взгляды И. Канта по вопросам права и показал, что философия права Канта является одним из неотъемлемых и определяющих элементов органической системы философских воззрений немецкого мыслителя, несколько не уступающим этической проблематике. Одновременно наряду с немногими исследователями в мире С.С. Алексеев выявил и обосновал наличие кантовской правовой доктрины. Ко времени написания книги «Самое святое, что есть у Бога на земле...» созвучные идеи получили обоснование в работах К. Риттера (Ritter 1971), Г. Штольца (Stolz 1972), Ф. Каульбаха (Kaulbach 1982), В. Буша (Busch 1979), Б. Людвига (Ludwig 1988), В. Керстинга (Kersting 1984) (Аронсон 2015: 7). Но было немало противников данного подхода. Примечательно, что и в наши дни теоретические доводы в пользу наличия рафинированной концепции права И. Канта, лежащей в основе моральных и других законов общества, остаются малоизученными в обширной кантовской литературе. В силу чего новые книги по теме могут восприниматься как первопроходческие³.

³ Так, в одном из комментариев к книге Эрика Уоткинса «Кант о законах» утверждается, что данная книга является первым моногра-

Между тем С.С. Алексеев приводит веские аргументы в пользу наличия кантовской философии права и ее значения для современной эпохи. Кратко охарактеризовав критический метод философа, выработанный в ходе известного «коперникского переворота» в философии, произошедшего в конце XVIII столетия, С.С. Алексеев опровергает тезис об отсутствии, неосновательности или размытости по иным сюжетным линиям фундаментальных философских представлений Кеннберга мыслителя по правовой проблематике. Вопреки бытующим в философской среде подобного рода оценкам, характеризующим высказывания Канта по правовым вопросам как попутные, С.С. Алексеев обосновывает прямо противоположную посылку, а именно приводит доводы в пользу того, что философия права стала исходной точкой для последующего написания кантовской «Критики чистого разума» и других его ставших классическими произведений. При этом немецкий философ проявляет себя как знаток тонкостей юридической терминологии и римского права. Не воплощенная в специальном обобщающем труде философия права Канта не только латентно присутствует в трех его «Критиках», но, как показывает С.С. Алексеев, представлена в явном виде в целой серии специальных работ. Им основательно охарактеризованы эти труды Канта через три временных и содержательных слоя (Алексеев 1998: 28-30), что представляет большой интерес для читателя. Как резюмирует С.С. Алексеев, в статьях и трактатах Канта «содержится разработанная цельная философская концепция права, в которой реализовались его представления о мироздании, разуме, истории и перспективах развития человеческого рода, идеалы либеральной цивилизации...» (Алексеев 1998: 30). Недооцененная и не осмысленная в достаточной мере до настоящего времени правовая составляющая кантовской философии приобретает огромное значение для развития современного общества, в котором ценность права является приоритетом.

Во-вторых, в развитие кантовских идей С.С. Алексеев показал и обосновал ценность права в обществе и, особенно,

фическим исследованием, полностью посвященным кантовской теории права в целом (Абаси 2020).

на современном этапе его развития. Для этого он глубоко переосмыслили, по существу, вновь ввел в научный оборот категории «чистое право» и «право человека». «Чистое право» С.С. Алексеев рассматривает в качестве содержания права, важнейшего продукта чистого разума и высшего выражения духовной культуры. «В реальной, практической жизни людей, общества существует только один институт, который в сфере регулирования (управления) способен... сделать разум соответствующим самым высоким показателям, т.е. чистым. Это – право...» (Алексеев 1998: 177-178). Таким образом, данная категория представляет своего рода священный идеальный образ, который должен стать образцом для практического действия, для воплощения фундаментальных принципов права в развитии общества. «Право человека» («право людей») является, по Алексееву, взаимосвязанной с «чистым правом» категорией, характеризующей право в гражданском обществе наряду с такими институциональными образованиями, как государство, религиозные институты, объективированные формы духовной жизни, науки, искусства. «Право человека», иными словами – явление объективного права, связанного с законом и правосознанием, существующее в качестве институционального образования, центрированного на общественной ценности человека и обеспечивающего его свободу (Алексеев 1998: 82, 211-221).

В-третьих, и здесь мы подошли к главному: в философских трудах С.С. Алексеева рефреном звучит основная идея – в праве доминирующее значение имеет феномен свободы (Алексеев 1998: 218). Право – это обитель свободы (Алексеев 1998: 54), оно – регулятор границ свободы людей, соотношенной со свободой всех «других» (Алексеев 1998: 129). Последовательно проводя эту философскую идею, С.С. Алексеев признает в Канте мыслителя, давшего наиболее глубокое философское обоснование современному либерализму (Алексеев 1998: 110). С либерализмом и идеей свободы сам Сергей Сергеевич связывает перспективы развития современного общества – демократического и правового. На многих страницах своих произведений он акцентирует внимание на «современных либеральных цивилизациях» (Алексеев 1998: 78-79, 112), «цивилизационно-либеральном развитии» (Алексеев 1998: 178), а современный исторический этап развития общества характеризует в каче-

стве «либеральной эпохи в жизни людей» или «эпохи либеральной цивилизации» (Алексеев 1998: 184, 215-217, 220, 240, 257, 331)⁴. С.С. Алексеев ярко характеризует современную эпоху как эпоху либеральных цивилизаций в параграфе 2 «Почему Кант?» главы 1 своего труда «Самое святое, что есть у Бога на земле...». Отвечая на сформулированный им вопрос «Почему Кант?», автор произведения очерчивает особенности времени жизни И. Канта и дает характеристику новой эпохи, в которую человечество вступило после французской революции. Тем самым философия права Канта анализируется С.С. Алексеевым не столько в контексте немецкой классической философии, сколько в глобальном эпохальном европейском и мировом ее значении. С.С. Алексеев показывает значимость идей Канта для прошлой и современной либерально-ориентированной мысли. В отношении права она проявляется в идее права человека как объективного права, в разрешительном характере самого права, в необходимости развития правового общества.

В этой связи философские интересы ученого концентрируются на проблемах правового состояния общества – он размышляет о грядущем «всеобщем правовом обществе» на уровне мирового сообщества (Алексеев 1998: 259-263). Большое внимание уделяется вопросам культуры свободы, возвышения правового статуса гражданина посредством постепенного перехода от правового обеспечения его субъективных прав к всеобъемлющему объективному праву человека (Алексеев 1998: 253-258). Выработанная философская методология реализуется им и при разработке сугубо юридической тематики: не случайно он уделяет большое внимание вопросам договорного права, проблематике дозволительного правового регулирования. Примечательно, что дозволительное право он считает одним из признаков либеральных цивилизаций и именует его правом современного гражданского общества (Алексеев 1998: 240)⁵.

⁴ Об этом же С.С. Алексеев многократно упоминает в своей фундаментальной работе «Восхождение к праву», в других книгах и статьях.

⁵ Созвучные идеи были выражены С.С. Алексеевым и ранее, в 1989 году: общедозволительный порядок «является прямым и органичным выражением ныне расширяющейся глубокой социальной свободы, воплощающегося в ней на новом уровне общечеловеческого и общедозволительного начала» (Алексеев 1989: 132).

В настоящее время либерализм, неолиберализм и последователи либеральной политики в нашей стране часто подвергаются критике. В либерализме усматривают причину неудач в социальной и экономической сферах общества. Представляется все же, что либеральные идеи ничем себя не дискредитировали. Зачастую порочна практика реализации этих идей, фундированная на субъективной их интерпретации, на что, кстати, обращал внимание и сам С.С. Алексеев. Он отмечал, что либеральные ценности, представления о них понесли в нашем Отечестве потери. *«Самая существенная и горестная из таких потерь – утрата в представлениях людей приоритетного значения главной, исходной категории свободы – права и ответственности человека с а м о м у решать свои дела и свою судьбу»* (Алексеев 1998: 351). Более того, свободная активность человека получила уродливое выражение – вылилась в стремление к обогащению любой ценой, а в сфере государственного строительства нашла воплощение в номенклатурно-клановой системе отношений, представляющей собой антипод либеральной модели правления. Подобного рода оценку практики реализации идеи верховенства права, утверждения права как абсолютной социальной ценности, права человека и иных своих философских идей С.С. Алексеев сохранил до конца своей жизни. Об этом он с горечью писал в своей работе «Крушение права» (Алексеев 2010). Как и предполагал ученый, судьба либеральных ценностей в России долгое время будет оставаться неопределенной с возможным попятным движением. Однако он был убежден в прочном правовом устройстве страны в будущем (Алексеев 1998: 357-361).

Либералистские по своей сути идеи С.С. Алексеева сохраняют свою актуальность и в наши дни. Идеи С.С. Алексеева и других юристов с либеральными взглядами находят воплощение в трактовке современного конституционализма, суть которого состоит в следующем: *«Конституционализм – это совокупность взаимосвязанных концепций, принципов и практик, организующих и тем самым ограничивающих власть правительства с целью предотвратить деспотизм»* (Шайо, Уитц 2021: 16). Данная трактовка конституционализма находит выражение в современных конституциях и, что важно, в теоретических моделях конституционного устройства, закре-

плюющихся в правосознании и в практике государственного строительства множества стран мира. Документальное оформление и нормативное закрепление современной конституционализм находит в текстах конституций, воплощающих в себе идеал «Конституции свободы»⁶. В странах Восточной Европы и в России потребность в достижении обозначенного идеала артикулировалась на исходе XX столетия, когда пришло понимание того, что если реализуются принципы конституционализма, «установившиеся отношения образуют такую систему ограничений, при которой на первом плане стоит обеспечение свободы граждан» (Шайо 2001: 12). В этом смысле С.С. Алексеева можно рассматривать как провозвестника идеи конституции свободы в России. В терминологии самого юриста и философа – Конституции Человека. В развитие принципов конституционализма С.С. Алексеев обосновывает неприемлемость реализации в конституции принципа приоритета общества и власти над личностью, что было свойственно всем советским конституциям (Алексеев 2009: 7-8). Он выступает за принципиальное упорядочивание государственной власти и за развитие института и культуры прав человека (Алексеев 2009: 18). Глубинный смысл своей концепции Конституции Человека он видит в том, чтобы *«человек с его высоким достоинством и неотъемлемыми правами возвысился над властью и это определило бы существо и развитие всей государственно-правовой жизни»* (Алексеев 2009: 17-18). Выявлению и обоснованию путей реализации этой концепции мыслитель посвятил многие годы своей жизни.

Таким образом, философские идеи С.С. Алексеева, в том числе его концепт права человека, нашли воплощение в общих представлениях о конституционализме, путях развития конституционного процесса в нашей стране. Это свидетельствует о многогранности личности ученого, органической взаимосвязи фундаментальных философских и правовых представлений в его мировоззрении.

⁶ Данная модель в явном виде представлена в фундаментальной работе венгерских исследователей Андраша Шайо и Ренаты Уитц (см.: Шайо, Уитц 2021).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев С.С. 1989. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. Москва : Юрид. лит. 286 с.

Алексеев С.С. 1998. Самое святое, что есть у Бога на земле : Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. Москва : Норма. 410 с.

Алексеев С.С. 2009. У истоков Конституции России : Субъективные заметки. Екатеринбург : Ин-т частного права. 64 с.

Алексеев С.С. 2010. Крушение права. Полемические заметки // Алексеев С.С. Собрание сочинений : в 10 т. [+ Справоч. том]. Москва : Статут. Т. 7. С. 497–514.

Аронсон Д.О. 2015. Кант: трансцендентальное обоснование принципов права : дис. ... канд. филос. наук. Москва. 175 с.

Казанцев М.Ф., Руденко В.Н. 2024. Возвышение права – миссия С.С. Алексеева : к 100-летию выдающегося правоведа // Государство и право. № 6. С. 7–32. DOI 10.31857/S1026945224060011

Шайо А. 2001. Самоограничение власти : (краткий курс конституционализма) : пер. с венгер. Москва : Юристъ. 292 с.

Шайо А., Утцц П. 2021. Конституция свободы. Введение в юридический конституционализм. Москва : Ин-т права и публич. политики. 580 с.

Abaci U. 2020. Eric Watkins, “Kant on Laws”, Cambridge University Press, 2019, 297 pp. : review, 15.02.2020. URL: <https://ndpr.nd.edu/reviews/kant-on-laws/> (дата обращения: 10.10.2024).

Viktor N. Rudenko

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. E-mail: rudenkovn@yandex.ru

S.S. Alekseev: from Philosophy of Law to the Human Constitution

Abstract: The article is dedicated to the philosophical views of Sergei Sergeevich Alekseev, an outstanding Russian legal scholar and organiser of science. In particular, the discussion considers the question of lawful freedom and Alekseev’s understanding of the purpose of law in achieving this freedom. The article discusses Alekseev’s key philosophical views and ideas, which determined his general theory of law and understanding of the problems of constitutionalism in Russia. Alekseev’s deep and systematic analysis of Kant’s views on legal issues and demonstration of a holistic Kantian legal doctrine have a pre-eminent position in Russian legal science and an important global dimension. In developing Kant’s ideas, Alekseev substantiated the value of law in modern society. To this end, he deeply rethought – in essence, reintroducing

into scientific circulation – the categories of “pure right” and “human rights”. Thus, Kant’s legal theory underpins Alekseev’s advancement of a liberalist approach to law, which is manifested in the idea of human rights as objective rights, in the permissive nature of the law itself, and in the need to develop a rule-of-law society. The article also shows the organic connection between Alekseev’s philosophical ideas and his notions about the constitutional process, which are expressed in his formulation of the concept of the Human Constitution.

Keywords: freedom; purpose of law; human rights; Kantian legal doctrine; Human Constitution

Михаил Федорович Казанцев

Институт философии и права

Уральского отделения РАН,

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: kazan.m@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3492-2815

ResearcherID: AAQ-4861-2021

SPIN-код: 6652-0214

С.С. Алексеев: от гражданского права к теории права и возрождению цивилистики

Аннотация. В статье раскрывается значение для отечественного правоведения выдающегося ученого и организатора науки, правоведа, философа, мыслителя, публициста, писателя, государственного деятеля, доктора юридических наук, профессора, члена-корреспондента Российской академии наук Сергея Сергеевича Алексеева (1924–2013). Упор делается на двух главных для ученого областях правоведения – гражданском праве и теории права. Прослеживается в развитии исследовательский путь правоведа от советского гражданского права и марксистско-ленинской теории права к поиску новых подходов в теоретическом постижении права и возрождению цивилистики. Показывается, что главная заслуга Алексеева-теоретика советского периода – создание полной, системной, детально структурированной общей теории права, нашедшей воплощение в завершенном виде в двухтомной «Общей теории права» (1981–1982). Научная ценность его теоретико-правовых исследований постсоветского периода заключена прежде всего в результатах поиска новых подходов к праву, полученных при рассмотрении права как объективной реальности, в самой материи которого заложена специфическая логика, целеустремленная к свободе человека, его неотъемлемым правам, их обеспечению, при понимании права в высших его значениях как права человека, при характеристике права с мировоззренческих позиций, как феномена Разума и высоких истинно человеческих начал. Заслуги Алексеева-цивилиста в том, что он сыграл поистине выдающуюся роль в возрождении частного права, цивилистики в России, в создании Гражданского кодекса Российской Федерации (именно он инициировал подготовку проекта нового Гражданского кодекса, он же осуществлял общее стратегическое и научное руководство разработкой проекта кодекса, по-

мимо того, он принимал непосредственное участие в подготовке проекта кодекса в составе рабочей группы и, наконец, он взял на себя идеологическое и организационное обеспечение продвижения кодекса от проекта к действующему закону в органах государственной власти).

Ключевые слова: Алексеев Сергей Сергеевич, система общетеоретических правовых знаний, теория права, аналитическая теория права, инструментальная теория права, гражданское право, частное право, цивилистика, право собственности

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Век правоведа. В год столетия Сергея Сергеевича Алексеева (1924–2013) – доктора юридических наук, профессора, члена-корреспондента Российской академии наук, почетного доктора (*honoris causa*) Университета Париж XII Валь-де-Марн, заслуженного деятеля науки РСФСР, участника Великой Отечественной войны – самое время окинуть взором творческий путь ученого, попытаться осмыслить его значение для отечественного правоведения.

Масштаб личности С.С. Алексеева в первую очередь определяется тем, что он – выдающийся ученый-правовед, лидер отечественной юридической науки последней трети XX – первого десятилетия XXI в., ученый с мировым именем, чьи фундаментальные идеи в области теории и философии права, конституционализма, частного права существенно обогатили и продвинули вперед науку, сформировали профессиональное мировоззрение многих тысяч юристов, способствовали становлению современной правовой системы в нашей стране и, воплотившись в законах, благотворно повлияли на жизнь людей.

Кроме того, С.С. Алексеев – организатор науки (основатель Института философии и права Российской академии наук и Исследовательского центра частного права при Президенте Российской Федерации) и государственный деятель (председатель Комитета Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка, председатель Комитета

конституционного надзора СССР, член Президентского совета). И еще он – публицист и писатель¹.

Но прежде всего С.С. Алексеев ученый – правовед и философ. С.С. Алексеевым опубликовано более 500 произведений по проблемам теории государства и права, гражданского, конституционного права и философии права, в том числе свыше 80 книжных изданий (не считая учебников и других работ, написанных в составе авторского коллектива). Его труды получили широкое признание и являются выдающимся вкладом в развитие юридической науки. Более 10 книг издано за рубежом.

В правоведении главными, можно сказать, родными для С.С. Алексеева являются гражданское право (частное право, цивилистика) и теория права (с выходом на философию права). Им он отдал более 60 лет своей жизни (с 1949 по 2013 г.).

Далее прослеживается в развитии исследовательский путь правоведа от советского гражданского права и марксистско-ленинской теории права к поиску новых подходов в теоретическом постижении права и возрождению цивилистики.

Гражданское право – начало. В мае 1949 г. студент 4-го курса Свердловского юридического института Сергей Алексеев был рекомендован руководством вуза для поступления в аспирантуру московского Института права Академии наук СССР (так тогда назывался Институт государства и права Российской академии наук) по теории государства и права. Но обстоятельства сложились так², что учеба в московской аспирантуре сорвалась. Казалось бы, неудача. Но нет. Вот как об этом пишет спустя многие десятилетия сам Сергей Сергеевич: «...неудача, связанная с перспективой поехать в аспирантуру в Москву, как это бывает иной раз в жизни, обернулась небывалой удачей: я остался в своем родном институте, сразу же был принят в аспирантуру по гражданскому праву, вошел в состав мощного коллектива специалистов по гражданскому праву под руководством Бориса Борисовича Черепяхина. И это во многом определило мою последующую жизнь, скажу больше – мою судьбу» (Алексеев 2012: 15).

¹ Подробнее о биографии С.С. Алексеева, гранях его деятельности см.: (Казанцев, Руденко 2024).

² По свидетельству самого С.С. Алексеева, не хватило денег на билет в Москву (Алексеев 2012: 15).

На кафедре гражданского права Свердловского юридического института им были защищены кандидатская диссертация об акцептной форме расчетов (Алексеев 1951) и докторская – о предмете гражданского права (Алексеев 1959b) (соответственно, в 1952 и 1960 гг.).

Кроме монографии о предмете гражданского права (по которой защищалась докторская диссертация), у С.С. Алексеева (в сущности, еще молодого ученого) за короткое время вышли (причем в главном юридическом издательстве страны!) еще две книги по гражданско-правовой тематике: «Гражданская ответственность за невыполнение плана железнодорожной перевозки грузов» (Алексеев 1959a) – его самая первая опубликованная монография – и «Гражданское право в период развернутого строительства коммунизма» (Алексеев 1962) – отклик на XXI съезд КПСС, провозгласивший вступление Советского Союза в период развернутого строительства коммунизма.

Как видим, на рубеже 1950–1960 гг. С.С. Алексеев взял стремительный разгон в советской гражданско-правовой науке. И в самое это время он делает крутой поворот – к теории права. И поворот этот не был случаен.

Теория права – продолжение. Интерес к теории права у С.С. Алексеева зародился еще в студенческие годы. Однако в силу ранее описанных обстоятельств путь в науку он начал с гражданского права. И только после перехода в 1961 г. на кафедру теории государства и права, причем сразу на должность заведующего кафедрой, С.С. Алексеев смог в полную силу заняться теорией права.

Уже в первые годы обнаружил себя фирменный алексеевский подход к освоению теории права, определяющими чертами которого стали основательность, системность и масштабность. Наряду с глубокой монографической разработкой отдельных теоретико-правовых проблем (Алексеев 1961; Алексеев 1966; Алексеев 1971), С.С. Алексеев пишет полную, детализированную «Общую теорию социалистического права», публиковавшуюся в 4 выпусках (Алексеев 1963–1966). До этого в Советском Союзе одним автором не создавалась столь объемная (почти 900 страниц) общая теория права, о чем свидетельствует библиография по теории государства и права за 1917–1968 гг. (Кулажников 1969).

Спустя пять лет С.С. Алексеев развил успех двухтомником «Проблемы теории права» (Алексеев 1972–1973), который на долгие годы стал наиболее востребованным и цитируемым изданием по общей теории права, да и, пожалуй, вообще самым популярным юридическим изданием.

Наконец, еще через десять лет он выпускает двухтомную же «Общую теорию права» (Алексеев 1981–1982). Это масштабное, фундаментальное произведение представляет собой результат разработки С.С. Алексеевым общей теории права за двадцатилетний период³. И, как выяснилось позже, оно, по сути, подытожило развитие общей теории права всей советской эпохи.

Поиск новых подходов к теоретическому познанию права. После смены эпох, а точнее по завершении «хождения во власть», С.С. Алексеев вернулся к интенсивной научной работе, в том числе к теоретическому постижению права, но уже на новом витке.

Начиная с 1993 г. выходит целая серия книг С.С. Алексеева, в которых он ищет и от книги к книге развивает новые подходы к общетеоретическому осмыслению права: «Теория права» (Алексеев 1993), «Философия права» (Алексеев 1997), «Самое святое, что есть у Бога на земле» (Алексеев 1998), «Право. Азбука, теория, философия» (Алексеев 1999b), «Право на пороге нового тысячелетия» (Алексеев 2000a), «Теория права: поиск новых подходов» (Алексеев 2000b). Серию завершила монография «Восхождение к праву» (Алексеев 2001), которая стала итогом всей многолетней работы С.С. Алексеева по теоретическим проблемам права (о ней еще пойдет речь в статье).

Чтобы оценить вклад С.С. Алексеева в теорию права, прежде надо сказать о его видении системы общетеоретических правовых знаний. Представления об этой системе наиболее интенсивно развивались им в постсоветский период поиска новых подходов к общетеоретическому осмыслению права и в итоговом виде сложились в монографии «Восхождение к праву». В компактном обобщенном изложении они таковы.

Целостная система общетеоретических правовых знаний состоит из двух звеньев – общей теории права и философии

³ Сюда следует добавить еще несколько монографий и множество научных статей по различным проблемам теории права, которые упомянуть здесь нет возможности из-за нехватки места.

права. Общая теория права включает два уровня – аналитическую общую теорию права и инструментальную общую теорию права. Оба эти уровня общетеоретических правовых знаний не конкурируют друг с другом, не перекрывают друг друга. Каждый из них занимает свою нишу, свое достойное место в системе общей теории права, каждый по-своему, но в одинаковой мере важен для решения практических задач и для постижения права, его особенностей и секретов. Философия права представляет собой наиболее высокую по науковедческому уровню ступень теоретического осмысления права, но при этом не является уровнем (аспектом) общей теории права. Таким образом, теоретическое познание права осуществляется на трех последовательных уровнях: во-первых, на уровне аналитической общей теории права; во-вторых, на уровне инструментальной общей теории права; в-третьих, на уровне философии права.

Аналитическая общая теория права раскрывает элементы, атомы догмы права как системы юридических норм, их внутреннее строение, формы, действие и фиксирует эти «элементарные частицы» права как нормативного явления в единых для всех юридических дисциплин понятиях. По своему науковедческому профилю аналитическая общая теория права остается в рамках юридического позитивизма, догмы права (отторгая с точки зрения строго научных подходов существующие в теории позитивного права крайности, в том числе претензии быть некой конечной философией реальной юридической материи – то, на что претендует кельзенская концепция нормативизма).

Инструментальная общая теория права основана на инструментальном подходе и призвана с опорой на качество определенности права, на весь комплекс правовых средств освещать более глубокие пласты правовой материи (в связи и в динамике всех ее элементов), ее специфическую логику и особенности как институционального образования, ее структуру, свойства, механизмы, функционирование, направления и типы правового воздействия на жизнь общества. Инструментальная общая теория права представляет собой новую, наиболее высокую ступень правовой науки в общетеоретической плоскости, вплотную примыкающую к вершине теоретических знаний по правоведению – к философии права.

Философия права характеризуется как область знаний о праве в жизни людей, в человеческом бытии, призванная дать мировоззренческое объяснение права, раскрыть его смысл и предназначение для людей, каждого человека, обосновать его под углом зрения сути человеческого бытия, существующей в нем системы ценностей. Философия права как составная часть правоведения – это завершающее звено целостной системы общетеоретических правовых знаний, где реализуются и развиваются на философском уровне данные предшествующих ступеней, в особенности данные о специфической логике права, и на этой основе разрабатывается собственная философско-правовая проблематика (Алексеев 2010: 80–82, 309–310).

Выделяя *периоды научно-теоретического творчества С.С. Алексеева* и преломляя их сквозь призму его вышеописанных представлений о трехуровневом теоретическом осмыслении права, можно сказать, что советский период (1950–1991) был посвящен разработке аналитической общей теории права (которая по временной привязке является советской теорией права⁴), а постсоветский (1992–2013) – помимо того, также инструментальной общей теории права и философии права.

Главная заслуга Алексеева-теоретика в советский период состоит, думается, в создании полной, системной, детально структурированной общей теории права, нашедшей воплощение сначала в вышедшей в 4 выпусках «Общей теории социалистического права» (Алексеев 1963–1966), затем в двухтомных «Проблемах теории права» (Алексеев 1972–1973) и, наконец, в двухтомной «Общей теории права» (Алексеев 1981–1982). Научная ценность этой алексеевской теории права не утрачена по сию пору, а следовательно, ее значимость простирается за пределы советской эпохи. Ее завершающая версия – двухтомная «Общая теория права» является вершиной развития теории права советского времени.

Научная ценность теоретико-правовых исследований Алексеева постсоветского периода заключается прежде всего в результатах поиска новых подходов к праву, которых он достиг при рассмотрении права как объективной реальности, в самой материи которого заложена специфическая логика, целеу-

⁴ О феномене советской теории права см.: (Алексеев 2010: 38–42).

стремленная к свободе человека, его неотъемлемым правам, их обеспечению; при понимании права в высших его значениях как права человека; при характеристике права с мировоззренческих позиций как феномена Разума и высоких истинно человеческих начал.

Означенные результаты наиболее завершенное и развернутое отражение нашли в полномасштабной теоретической научной монографии «Восхождение к праву. Поиски и решения» – главном научном труде С.С. Алексеева, который является итогом более чем пятидесятилетней работы ученого, то есть, практически всей его жизни, и не только по теоретическим проблемам права, но, по словам самого автора, итогом всей его научной, педагогической, самоподготовительной и литературно-публицистической деятельности. Вслед за первым изданием книги (Алексеев 2001) в 2002-м году вышло ее второе, переработанное и дополненное издание, в редакции которого монография в 2010 году вошла в Собрание сочинений С.С. Алексеева (Алексеев 2010). В концентрированном и частично уточненном виде основные идеи монографии были изложены автором в 2011 г. в докладе «Право – предназначение» (Алексеев 2011).

На страницах итоговой книги С.С. Алексеев ведет восхождение к праву на трех последовательных уровнях его познания: начинается на уровне аналитической общей теории права, иными словами, на уровне догмы права; развивается на уровне инструментальной общей теории права; завершает на уровне философии права.

На уровне инструментальной общей теории права (остановимся здесь только на этом уровне) Алексеев ведет поиск новых подходов к праву и, реализуя их, формулирует новые идеи в научном осмыслении права. Наиболее значимые из них в сжатом изложении (Алексеев 2010: 77, 91, 92, 99-101, 229, 232, 241, 281, 288; Алексеев 2011: 5-6, 9-11, 18, 23) таковы.

Ключевое звено новых подходов к праву – инструментальная теория. Суть идеи инструментального подхода в праве в том, что: во-первых, весь спектр фактических данных юридических знаний остается в сфере права, дело лишь в том, что эти данные не ограничиваются одними юридическими нормами, а охватывают все многообразие правовых (именно правовых!) явлений,

выступающих в качестве инструментов правовой регуляции; во-вторых, эта «инструментальная» фактура права ближайшим образом опирается на главное качество права – качество определенности, способность придавать таковую всей социальной жизни (главным образом в виде юридических конструкций) и, что не менее существенно, дать обществу альтернативу тому состоянию «грядущей и, увы, наступающей анархии», которое выражено в насилии и произволе; в-третьих, инструментальная трактовка права является исходной основой для характеристики уникальных особенностей правовой материи, ряда ее принципиально новых характеристик и прежде всего своеобразной логики права, которая придает основательный социальный смысл отмеченным выше качествам права, опирающимся на его качество определенности.

Право – объективная реальность. Исходный, принципиально важный пункт истинно научного понимания права заключается в том, что действующее право, именуемое позитивным, – это не просто и не только мысль. Не просто известные идеи и воля, суждения о должном и возможном поведении, не только порой произвольные решения властей о том, «кто» и «что» вправе делать и «как» поступать. Позитивное право – это факт, то есть внешняя реальность, строгая объективная данность. Такая реальность, объективная данность, которая каждый момент существует и действует как явление нашего бытия, нечто обособленное и внешнее для каждого человека и для всех социальных институтов, для общества в целом.

Юридическая материя. Право имеет свое тело как своеобразную материю со своими свойствами, своей жизнью, логикой существования и развития. Материю – не в грубо материалистическом понимании, т. е. не в значении вещественных, зримых предметов (хотя в праве есть и такая сторона – законы, другие правовые источники, документы), а в значении социальной, во многом «незримой» реальности. Центральным звеном правовой материи (в силу самой ее природы) являются субъективные права.

Право как форма. При всей исключительной важности в жизни человеческого сообщества экономического, политического, нравственного, иного фактического содержания законов, юридических норм, в области юриспруденции первостепенное

значение принадлежит форме, притом форме внутренней (которая в основном и образует своеобразную юридическую материю).

Логика права. Характеристика права как логической системы не исчерпывается тем, что оно как никакое иное социальное явление воплощает в самой своей органике требования и правила формальной логики и подчиняется математическим методам. Ему присуща и своя, особая логика – логика права. Логика права – это математического типа специфические закономерности права как своеобразной объективной реальности, касающиеся юридических норм и вместе с тем всей материи права.

Юридические конструкции. Юридические конструкции являясь собой наиболее развитой уровень правовой материи. Юридические конструкции, являющиеся результатом типизации в праве, и образуют основное содержание «тела» права в более или менее развитой юридической системе. Именно здесь, в юридических конструкциях, и раскрывается своеобразие права как объективной реальности, состоящей именно во внутренней форме, т.е. в структурной организации его содержания.

Исходное начало науки. Только при признании того, что предметом юридических знаний являются не сами по себе акты власти, не требования той или иной идеологии, не какие-то иные фантомы, а твердая объективная реальность – только при признании этого возможна действительная, истинная наука, имеющая дело с реальными фактами окружающей нас действительности. То есть такая же в принципе наука, как все иные отрасли знаний. Да к тому же наука, призванная практически и теоретически осваивать такие реальные факты действительности, которые в той или иной мере выражают известные идеальные, гуманитарные начала и ценности. Такой («естественно-технический» и, одновременно, гуманитарный) характер правоведения придает ему высокосignимый науковедческий статус.

Главный вывод Алексева, сделанный им в результате восхождения к праву, исполнен внутренней силой и убежденностью мыслителя и в то же время в контексте последних событий в мире звучит тревожно и провидчески. *У человечества нет*

иного пути и иного способа решения глобальных проблем и трудностей, грозящих тяжкими, катастрофическими последствиями для человеческого рода, как поставить в самый центр жизни людей современное право, повсеместно, непоколебимо признать его верховенство. Только оно, право, способно противостоять вполне возможной катастрофе, которая грозит человечеству в обстановке грядущей анархии, вольницы, ненасытного и изощренного потребительства, притом, увы, в условиях, казалось бы, близкого всеобщего процветания (Алексеев 2010: 522; Алексеев 2011: 66).

К возрождению цивилистики. К гражданско-правовой тематике С.С. Алексеев вернулся только ближе к 1990-м гг. – сначала как законодатель (в бытность председателем комитета по законодательству Верховного Совета СССР), а после оставления государственных должностей – как ученый, но опять-таки в немалой степени в контексте законопроектных работ. В это время из-под пера С.С. Алексеева, в частности, вышли «Гражданское право в современную эпоху» (Алексеев 1999а), «Частное право» (Алексеев 1999с.), «Право собственности. Проблемы теории» (Алексеев 2006, 2007, 2008). Это были исследования уже не по советскому гражданскому праву, а в духе времени – разработки по частному праву, цивилистике.

Наиболее крупной (не только по размеру) своей цивилистической работой постсоветского периода Алексеев считал книгу по теории права собственности (неслучайно она в течение трех лет вышла тремя изданиями с переработкой и дополнениями и включена в собрание сочинений). В этой книге ученый, по его словам, «предпринял попытку положить в основу рассмотрения вопросов собственности философские положения, которые связывают наше миропонимание с человеком, его разумом и свободной волей, и с этих позиций обосновать взгляд на собственность (право собственности) как на в е л и к о с в е р ш е н и е человечества и одновременно как на остро проявившуюся в последние годы т р а г е д и ю ч е л о в е ч е с к о г о б ы т и я» (Алексеев 2006, 2007, 2008: 5 – по изд. 2008 г.).

Заслуги Алексеева перед цивилистикой заключены не только в написании научных трудов. Он сыграл поистине выдающуюся роль в возрождении частного права, цивилистики в России. Продуманность и четкость, с какой С.С. Алексеев действовал на этом поприще, впечатляет. Судите сами:

во-первых, была разработана стратегия в виде утвержденной Указом Президента Российской Федерации программы «Становление и развитие частного права России». Научным руководителем программы стал сам С.С. Алексеев;

во-вторых, созданы организации-исполнители – Исследовательский центр частного права при Президенте Российской Федерации, Российская школа частного права, Институт частного права;

в-третьих, к выполнению программы привлечены квалифицированные ученые, из числа которых особо следует выделить Станислава Антоновича Хохлова и Александра Львовича Маковского;

в-четвертых, заложены законодательные основы в виде нового Гражданского кодекса Российской Федерации.

Вклад С.С. Алексеева в создание Гражданского кодекса Российской Федерации колоссален, уникален и многогранен: именно он инициировал подготовку проекта нового Гражданского кодекса; он же осуществлял общее стратегическое и научное руководство разработкой проекта кодекса; помимо того, он принимал непосредственное участие в подготовке проекта кодекса в составе рабочей группы; и, наконец, он взял на себя идеологическое и организационное обеспечение продвижения кодекса от проекта к действующему закону в органах государственной власти.

Конечно, С.С. Алексеев больше известен как теоретик права. И сам он, скорее всего, позиционировал себя прежде всего как теоретика. Но при всем при том главным делом своей жизни он считал (и затвердил это письменно) «возрождение правовой науки, гонимой в сталинское время, – цивилистики».

Заключение. В конце жизни, подводя ее итог, Сергей Сергеевич Алексеев в своих неопубликованных записках написал:

«Возможно – главное, по моему разумению, из того, что мне удалось сделать в жизни (может быть, наиболее значимое все же о собственности, 2006?). И это – не научные звания и титулы, и тем более – не должности и посты, которые мне довелось занимать в краткую и такую бурную пору жития в столице. И даже не какие-то реальные дела того времени (хотя, в общем-то, на ниве государственных дел мне довелось быть у истоков и собственного парламентского законодательства – есть даже

день и час, 31 июля 1989 г., когда стали творить законы с а м и «без политбюро», сделать первые шаги конституционного правосудия – в Комитете конституционного надзора и быть зачинщиком создания основополагающих законов страны – Конституции, Гражданского кодекса).

Главное – в том, что к концу жизни удалось выйти на важнейшую, верю – ключевую, грань понимания важнейшего института общества – права. И что, быть может, рано или поздно должно породить «взрывной эффект» в науке. А еще, быть может, скажется, возьмусь предположить, на судьбе людей, людского будущего. (А чуть позже, в 2006 г., еще на одну грань – право собственности, где конструкции оказались только намеченными)» (Алексеев 1996–2007: 17).

Для Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук С.С. Алексеев имеет особую значимость как основатель и первый директор Института. Институт тоже сыграл свою роль в судьбе С.С. Алексеева. Ведь московский взлет его карьеры как государственного деятеля, выдающаяся роль в создании Конституции и Гражданского кодекса стали возможными после избрания народным депутатом СССР, в которые он был выдвинут от Академии наук СССР как директор Института философии и права его коллективом – единогласно. Институт благодарен Сергею Сергеевичу и чтит его память.

...История вынесет свой вердикт позже. Но, думается, уже сейчас видно: Сергей Сергеевич Алексеев – самая масштабная личность в отечественном правоведении последнего столетия⁵. И потому Алексеева без преувеличения можно назвать великим правоведом (что уже делается и устно, и печатно), а последнее столетие – веком Алексеева.

⁵ О чем свидетельствует, в частности, уже довольно обширная литература об ученом (см., напр.: *Тарасов Н.Н.* Служение праву. С.С. Алексеев (заметки на полях биографии) // Цивилистические записки : Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Москва, 2004. С. 3–14; Юрист, философ, гражданин : Четыре интервью к 80-летию чл.-корр. РАН С.С. Алексеева / подгот. и провела И. Фан // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, 2004. Екатеринбург, 2005. Вып. 5. С. 31–63. Интервью с Переваловым В.Д., Руденко В.Н., Гонгалом Б.М., Орловым Г.П.; Алексеев Сергей Сергеевич : Правовед, мыслитель, публицист : Биобиблиография : К 85-летию со дня рождения ученого / М.Ф. Казанцев, В.Н. Руденко,

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев С.С. 1951. Акцептная форма расчетов между социалистическими организациями по советскому гражданскому праву : Дис. ... канд. юрид. наук / науч. рук. Б.Б. Черепахин. Свердловск, 1951. 347 с.

Алексеев С.С. 1959а. Гражданская ответственность за невыполнение плана железнодорожной перевозки грузов. Москва. 176 с.

Алексеев С.С. 1959б. Предмет советского социалистического гражданского права. Свердловск. 336 с.

Алексеев С.С. 1961. Общие теоретические проблемы системы советского права. Москва. 188 с.

Алексеев С.С. 1962. Гражданское право в период развернутого строительства коммунизма. Москва. 284 с.

Алексеев С.С. 1963–1966. Общая теория социалистического права : (Курс лекций) : Учеб. пособие : [В 4 вып.]. Свердловск. Вып. 1 : Введение. Сущность социалистического права. 1963. 266 с.; Вып. 2 : Нормы права и правоотношения. 1964. 228 с.; Вып. 3 : Правовые акты. 1966. 212 с.; Вып. 4 : Применение права. Наука права. 1966. 204 с.

Е.М. Сурина. Екатеринбург, 2009. 466 с.; *Лукьянин В.П.* «Неисправимый приверженец вечных правовых ценностей» // Вершины уральской науки / В.П. Лукьянин. Екатеринбург, 2013. С. 148–197; *Маковский А.* Исследовательский центр частного права – центр имени С.С. Алексеева // Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации. 25 лет. Москва, 2016. С. 253–263; *Крашенинников П.В.* Романтик права Сергей Алексеев // 12 апостолов права / П.В. Крашенинников. Изд. 2-е. Москва : Статут, 2016. С. 187–203; *Семитко А.П.* С.С. Алексеев – мыслитель-правовед: этапы жизненного и творческого пути // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 4 (58). С. 72–80; Наш Сергей Сергеевич : Антология устных рассказов / Музей С.С. Алексеева «Восхождение к праву» ; Урал. гос. юрид. ун-т. Екатеринбург, 2019. 268 с.), а также фильмы о нем (см., напр.: Линия права. Сергей Алексеев : Документальный фильм : Фильм второй документальной диалогии «А был ли мальчик?» / автор сценария и режиссер-постановщик Сергей Мартыянов. Свердловская киностудия. 2008. 26 минут; Кинопроект-трилогия «Эпоха Сергея Сергеевича Алексеева». Фильм первый «Восхождение к праву» / автор идеи и сценария Сергей Степанов, постановка, съемка, монтаж – Роман Исаков. 2019. 93 минуты). Исследования научного творчества и биографии С.С. Алексеева занимают заметное место в историографии юридической науки, что не удивительно, поскольку историографическое отражение ученого напрямую зависит от масштаба его вклада в науку и масштаба его личности.

Алексеев С.С. 1966. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. Москва. 188 с.

Алексеев С.С. 1971. Социальная ценность права в советском обществе. Москва. 224 с.

Алексеев С.С. 1972–1973. Проблемы теории права : Курс лекций : В 2 т. Свердловск. Т. 1 : Основные вопросы общей теории социалистического права. 1972. 396 с.; Т. 2 : Нормативные юридические акты. Применение права. Юридическая наука (правоведение). 1973. 402 с.

Алексеев С.С. 1981–1982. Общая теория права : Курс в 2 т. Москва. Т. 1. 1981. 360 с.; Т. 2. 1982. 360 с.

Алексеев С.С. 1993. Теория права. Москва. 224 с.

Алексеев С.С. 1996–2007. Страницы моей жизни. О пережитом. Фрагменты. Екатеринбург (Свердловск) – СПб. 1996–2007 // Архив Н.С. Алексеевой и И.С. Алексеевой. 35 л. Подлинник на бумажном носителе набран на компьютере; не опубликован.

Алексеев С.С. 1997. Философия права. История и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. Москва. VI, 330 с.

Алексеев С.С. 1998. Самое святое, что есть у Бога на земле : Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. Москва. VI, 410 с.

Алексеев С.С. 1999а. Гражданское право в современную эпоху (Заметки и постановка проблемы). Екатеринбург. 36 с.

Алексеев С.С. 1999б. Право : Азбука. Теория. Философия : Опыт комплексного исследования. Москва. 712 с.

Алексеев С.С. 1999с. Частное право : Науч.-публицист. очерк. Москва. 160 с.

Алексеев С.С. 2000а. Право на пороге нового тысячелетия : Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. Москва. 256 с.

Алексеев С.С. 2000б. Теория права: поиск новых подходов : Учеб. пособие. Екатеринбург. 250 с.

Алексеев С.С. 2001. Восхождение к праву : Поиски и решения. Москва. VI, 748 с.

Алексеев С.С. 2006, 2007, 2008. Право собственности : Проблемы теории. Екатеринбург, 2006. 128 с.; 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2007. 240 с.; 3-е изд., перераб. и доп. Москва, 2008. 240 с.

Алексеев С.С. 2010. Восхождение к праву : Поиски и решения // Алексеев С.С. Собр. соч. : В 10 т. [+ Справоч. том]. Москва. Т. 6. С. 8–553.

Алексеев С.С. 2011. Право – предназначение : Доклад при вручении Демидовской премии 2010 года. Екатеринбург. 82 с.

Алексеев С.С. 2012. Свобода ценою в жизнь : Мемуары // Алексеев С.С. Свобода ценою в жизнь : Мемуары; Интервью порталу Закон.ру. Екатеринбург. С. 3–27.

Казанцев М.Ф., Руденко В.Н. 2024. Возвышение права – миссия С.С. Алексеева. К 100-летию выдающегося правоведа // Государство

и право. 2024. № 6. С. 7–32. DOI 10.31857/S1026945224060011; № 7. С. 7–26. DOI 10.31857/S1026945224070014

Кулажников М.Н. 1969. Теория государства и права : Библиография 1917–1968. Москва. 372 с.

Mikhail F. Kazantsev

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. E-mail: kazan.m@mail.ru

Sergey Alekseev: From Civil Law to Legal Theory and the Revival of Civil Law Scholarship

Abstract. The article explores the significant impact of Sergey Alekseev (1924–2013) – a distinguished scholar, legal expert, philosopher, publicist, writer, statesman, Doctor of Law, Professor, and Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences – on the development of Russian jurisprudence. It focuses on two main areas of his work: civil law and the theory of law. Alekseev’s intellectual journey is traced from his engagement with Soviet civil law and Marxist-Leninist legal theory to his pursuit of innovative approaches in understanding law and the revitalization of civil law. His most notable achievement during the Soviet era was the creation of a comprehensive, systematic, and detailed general theory of law, encapsulated in the two-volume *General Theory of Law* (1981–1982). The article highlights the scholarly importance of Alekseev’s post-Soviet research, which introduced new perspectives on law as an objective reality governed by its own logic. This work emphasized individual freedom, the protection of inalienable rights, and the presentation of law as a manifestation of Reason and core human values. Alekseev’s contributions to civil law are particularly noteworthy. He played a pivotal role in the revival of private and civil law in Russia, especially in the development of the Civil Code of the Russian Federation. He initiated the drafting of the new Civil Code, provided strategic and scholarly oversight throughout its preparation, actively contributed as a member of the working group, and took on the ideological and organizational leadership necessary to transform the draft into law.

Keywords: Sergey Alekseev; system of general theoretical legal knowledge; theory of law; analytical theory of law; instrumental theory of law; civil law; private law; civil law; property law

Виктор Сергеевич Мартянов

доктор политических наук,

Институт философии и права

Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: martianov@instlaw.uran.ru

ORCID: 0000-0002-7747-0022

SPIN-код: 8770-5974

Разоблачение короля: фальсификация западного мейнстрима

Аннотация. Мейнстрим социальных наук связан с формированием нормативной картины мира современных обществ. Главная роль в ее создании принадлежит тем, кто имеет наибольшее влияние и возможности по продвижению и распространению своих взглядов. В этом контексте описание социального мира и его закономерностей трудно отделить от установления самих правил его функционирования. Исторически слабеющий Запад и укрепляющиеся незападные центры силы осуществляют передел сфер глобального влияния. Незапад обретает технологическую и ресурсную автономию, но колониальное мышление и воображаемые глобальные иерархии являются наиболее труднопреодолимыми. Лучший мир всегда возникает после конфликта, в ходе которого стороны утрачивают былые иллюзии о себе и своем месте в мире, проводят инвентаризацию собственных ресурсов и выходят на прагматичные переговорные позиции по фундаментальным вопросам. В этом контексте целью социально-политических теорий всегда является не только поиск истины об обществе, но и ценностно-институциональное лидерство субъектов этих теорий в интерпретации постзападной Современности/Модерна. Одним из ключевых вопросов глобальной трансформации мейнстрима социальных наук, культурных и политэкономических иерархий является легитимация назревших перемен, в которых заинтересованы незападные участники конфликтного взаимодействия. Последовательное противостояние Западу подразумевает не роль привычно унижаемого традиционалистского оппонента, а деятельное оспаривание западной гегемонии в интересах более широкой, справедливой и глобальной версии Современности. Актуальное российское общество может реализовать потенциал системообразующего морально-политического субъекта такой версии Современности.

Ключевые слова: мейнстрим, Запад, Модерн, Современность, друг – враг, центр-периферия, бинарные коды, транзитология, легитимация, социальные изменения

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

В фундаментальном политическом различии претендовать на полноценность, автономию, суверенитет и самоузаконение можно лишь в контексте признания тебя другими субъектами другом или врагом (К. Шмитт). Только подобное отношение является критерием политического признания сторонами друг друга, то есть относительного равенства. В ином случае возникает иерархическая градация статусов субъектов политического взаимодействия, когда одна из сторон претендуя на универсальность, всеобщность и нормативность, пытается объявить другую преступником и маргиналом, в отношениях с которым невозможны ни договоренности равных, ни конфликтное взаимодействие в виде войны, а допустимы только наказания и санкции. Исправить подобную асимметрию политический субъект может только поднятием ставок и рисков. Например, объявлением полноценной и тотальной войны тем, кто объявляет тебя преступником и изгоем. Эта ситуация всегда релятивна и зеркальна. Политический субъект, претендующий на гегемонию, может быть законодателем и назначать преступниками других только в случае, если кто-то из оппонентов признает себя преступником и действует, как ожидается от *преступника*, то есть таким образом, что на практическом и на символическом уровне это не меняет его маргинального (неравного) статуса. Например, когда контрагент не объявляет войны, а ограничивается терроризмом; не вводит ответные санкции, а ограничивается контрабандой; использует чужой ценностный и понятийно-описательный словарь вместо разработки своего и т.д. В противном случае подобные политические статусы, оценки и решения ничтожны как в международном праве, так и во внутренней политике. В настоящее время в глобальном мире происходит фундаментальная переконфигурация друзей

и врагов, гегемонов и сателлитов, а также их коалиций, связанная с ослаблением Запада относительно других центров силы.

Исторически взлет мирового влияния Европы/Запада был подкреплён передовыми военными технологиями, религиозным подъёмом и образованием прогрессивных городов-республик (от Венеции и Генуи до Амстердама и Ганзейского союза), в которых зарождались социальные технологии и институты современного общества. Первоначально историческая ситуация капитализма отождествлялась исключительно с Западом. А точнее, с совокупностью европейских метрополий, описываемых как нормативный тип общества для Незапада. Этот тип общества был положен в основание исходного европейского нарратива социальных наук, призванного объяснить закономерности принципиально новой исторической ситуации Модерна, сменившей сословно-феодальный Старый порядок (*Ancien Régime*). Позже выяснилось, что *доступные в будущем* современные нормы и институты Европы/Запада культурно-исторически оказываются недостижимыми идеалами для всех остальных обществ. Более того, практики воспроизводства этих ценностей и норм в остальном мире представляют развернутые системы подавления, эксплуатации, сегрегации и двойных стандартов, выступая системным онтологическим отрицанием нормативного самоописания метрополий, адресованного человечеству в целом. Навязанное извне уничижительное описание колоний обнаруживает предельную нерелевантность в ситуации распада западных колониальных империй, усиления освободительных движений и деколонизации сопоставимых по влиянию с Западом великих культур и мировых регионов (Го 2024). Проблема заключается в том, что онтологически всегда прав объект или конкретно-историческое общество. Поэтому несоответствие обобщающих схем описываемой реальности свидетельствует прежде всего об ущербности теорий, а не о патологии социальных фактов, как часто утверждают транзитологические или модернизационные теории, наследующие общему для них дискурсу колониализма. Это противоречия, методологически относящиеся лишь к идеальному типу, которым подменяются конкретно-исторические общества.

Ключевым противоречием в основании социальных наук является неразрешимая двойственность задачи самоописания

модерного общества, связанная, во-первых, с вариативными научными объяснениями его закономерностей, а во-вторых, – с противоречивыми нормативными суждениями о всеобщем благе и *должном состоянии* этого общества, которое первоначально представлялось исключительно как европейское/западное. С одной стороны, умножаются попытки мейнстрима социальных наук подражать *естествознанию*, симулируя применение невозможных для наук об обществе принципов, критериев и процедур *чистой науки*, с другой – идет бесконечный процесс борьбы за легитимацию и нормализацию партикулярных этических и идеологических взглядов на общество как на целое. В подобном контексте выясняется, что западный мейнстрим социальных наук как совокупность доминирующих теорий и понятий «не стоит воспринимать как объективную данность, заданную всем ходом развития современной цивилизации, а то и самой природой человека. Либеральная политология и неоклассическая экономика не оформились бы в господствующую парадигму обществознания без геополитического успеха британской и затем американской гегемонии XIX–XX веков... она идеологически возводит в абсолюте довольно специфический опыт геополитически удачно изолированной и одновременно расположенной у основания мировых торговых маршрутов островной и заокеанской окраины Запада» (Дерлугьян 2009: 20-21).

Тем не менее Запад как победитель в *холодной войне* на некоторый период смог освободить себя от необходимости доказывать свое моральное преимущество, при этом не сразу заметив, что легитимирующие основания для *конца истории* и *нового золотого века* рухнули вместе с первыми военными западными экспансиями 1990-х. Эти военные вмешательства создали у коллективного Запада обманчивое впечатление, что так будет всегда. Коллективный Запад не учел опыта всех предшествующих империй и гегемонов: предвестниками их упадка были не поражения в войнах, а их учащение. Войны могли быть и победоносными, но до определенной поры, пока силы и резервы империй не начинали истощаться. Презумпция вечного нахождения противника в предельно униженном и слабом состоянии не выдерживает критики, как и его готовность навечно смириться с таким положением вещей. Поскольку

история не знает окончательных побед, разумной тактикой при взаимодействии слабеющих гегемонов с растущими центрами силы является прагматизм, основанный на компромиссах. Однако именно эта взвешенная и оптимальная стратегия первоначально считается слабостью, пока переговорные позиции привычных гегемонов не будут скорректированы в более жестком сценарии. В данном контексте Россия вряд ли восстановит в обозримой перспективе глобальный уровень советского влияния, но находиться в упадке 1990-х она тоже больше не может. Ребалансировка сил и центров влияния в мире осуществляется постоянно. И российская аргументация, связанная с восстановлением естественного ареала безопасности, достоинства и суверенитета, национальными интересами и нивелированием двойных стандартов, безусловно убедительнее, чем западная агрессивная риторика о несоответствии России неким понятиям и стандартам, которыми сам Запад в случае противоречия этих *незыблемых правил* своим интересам всегда готов пренебречь. В условиях решения экзистенциальных вопросов российской нации вся наступательно-принудительная риторика Запада, связанная с аксиоматической монополией на интерпретацию истории, демократии, рынка, прав человека, норм международного права и введение санкционных кейсов, становится окончательно дискредитированной, утрачивая нормативное влияние. Это положение усугубляется все более случайным и конъюнктурным характером всех тех новейших тенденций и явлений, интересов и практик, идей и ценностей, которые выдаются Западом за общезначимую норму. В ситуации позднего, или *текучего* Модерна (З. Бауман) все чаще происходит эклектичное масштабирование претендующего на общезначимость локального, случайного, ситуативного с приставками *пост-*, *альтер-*, *нео-*, *мета-*, *гипер-*, *транс-* и т.д. Достаточно быстро скороспелые мейнстримные утопии обнаруживают пределы своей универсализации, а завышенные социальные ожидания сменяются разочарованием.

При этом ослабление военного, технологического и экономического лидерства Запада происходит быстрее, чем пересмотр оснований культурного доминирования, поскольку выход из смысловой системы иерархической номенклатуры ряда взаимосвязанных понятий мейнстрима возможен только

посредством взгляда на нее извне, что предполагает выработку альтернативных ценностно-институциональных координат и консолидирующих нарративов. Проблема заключается и в том, что «...даже самые ярые оппоненты “одностороннего доминирования исторического Запада в мировых делах” не способны сформулировать свои претензии без опоры на базовые ценности демократии и прав человека. Более того, в российском контексте ссылка на западную норму – почти необходимый элемент любого политического решения, включая те, которые подвергаются суровой критике со стороны Запада. Этот факт указывает на критическую степень нормативной зависимости России от Запада...» (Морозов 2013: 54-55). Периферии в глобальном распределении ресурсов и технологических цепочек зависимы от центра, но в западном мейнстриме социальных наук причины их отсталости интерпретируются лишь как *внутренние*, порождаемые собственными дефектами, а также исторической, культурной, политической ущербностью; при этом все культурные отличия от Запада интерпретируются в *дискурсе отсталости*. В то же время причины неразвитости, выходящие за рамки периферии и коренящиеся в особенностях асимметричного устройства самой миросистемы, остаются вне поля зрения теоретического мейнстрима как подрывающие легитимность центра миросистемы в качестве достижимого образца.

Парадокс состоит в том, что общества центра и периферии капиталистической миросистемы все чаще обнаруживают сходство в направлениях социальных изменений под влиянием одних и тех же всеобщих фоновых процессов урбанизации, секуляризации, индивидуализации, демократизации, индустриализации, автоматизации, роботизации и т.д. (Дерлугьян 2015). Страновые различия в действии данных процессов, постепенно охватывающих весь мир, объясняются прежде всего их исторической неодновременностью. Можно параллельно наблюдать, как периферийные общества движутся к демократии, в то время как *образцовые рынки и зрелые демократии коллективного Запада* по экономическим причинам усиливают протекционизм, ужесточают миграционное законодательство, пропитываются популистскими и националистическими настроениями, теряют наработанный ранее потенциал ценностно-институциональной

универсальности (Фишман 2019). Никто в мире не спорит, что демократия лучше, чем ее отсутствие. Или что рынок и конкуренция могут быть эффективными инструментами, содействующими благу народа. Большинство современных обществ открыто объявляют себя демократиями, ориентируясь на соответствующие ценности, институты и процедуры. Однако центр-периферийная структура миросистемы программирует неизбежные попытки закрепления иерархической дифференциации демократий, определениями которых служат прилагательные с отрицательной оценочной семантикой (нелиберальных, авторитарных, гибридных, частичных, фасадных, ограниченных и т.п.), вследствие чего выхолащивается само понятие *демократия*. Демократия превращается в пустое означающее, либо не применимое ни к одному реальному обществу, либо применяемое по специфическим критериям лишь к малой совокупности избранных обществ, образующих центр мироэкономики в виде либеральных демократий. В последнем варианте возникает фигура гегемона, прогрессора и интерпретатора, который начинает отказывать большинству западных обществ в их демократическом или рыночном характере, утверждая, что они архаичны, слабо развиты и недемократичны: «Одни субъекты присваивают право говорить от имени либерализма/рынка/демократии и обобщающей их Современности/Модерна, а другие – искусственно выводятся за рамки либерального консенсуса. Указанный интеллектуальный фокус реализуется посредством обществоведческих классификаций, опирающихся на бинарный принцип, когда все многообразие возможных классификаций сводится к одной оппозиции: норма/отклонение, которая в научной модальности изоморфна дихотомии истина/заблуждение. В результате человечество, исторически полностью вовлеченное в капитализм и легитимирующие его нарративы либерализма, рынка и демократии, попадает в парадоксальную ситуацию, когда с точки зрения западной гегемонии подавляющее большинство человечества в теории оказывается вне Современности/Модерна» (Мартьянов 2021: 115).

Глобальное угасание западного мейнстрима все чаще связано с попаданием в ловушку универсального рецепта теории модернизации, согласно которому выйти на *траекторию прогресса* можно с помощью институционального копирования

конкретно-исторических моделей рынка и демократии, де-факто демонстрирующих исчерпание потенциала развития в западных обществах. Поэтому транзитологическую терминологию, предназначенную для *отсталых обществ* в формате *фасадных, нелиберальных, авторитарных, заблокированных демократий с ограниченными, несовершенными, олигархическими рынками* и т.п., все чаще можно аргументированно переадресовывать самим западным обществам, возложившим на себя прогрессорские функции: «Эпоха американского доминирования уходит, но оказывает сопротивление по прежнему, хорошо знакомым проектно-нарративным канонам. Как внутри западных обществ, так и за их пределами оппозиция “либеральному” миропорядку объявляется автократической, фашиствующей и подлежащей низвержению во имя лучшего будущего» (Цыганков 2022: 12).

Дискурсы транзита и модернизации, предназначавшиеся незападному миру и призванные интеллектуально легитимировать гегемонию Запада, были значимой составной частью западного мейнстрима. Они выявляли изъяны и неисторичность незападных обществ и демонстрировали достоинства западных в качестве всеобщего идеала/образца. По отношению к России «аксиома транзитологии заключалась в том, что необходимо применить универсальную политическую теорию к частному предмету – России, которая не обладает какой-либо “особенностью”, то есть собственной логикой исторического и социокультурного становления. Поэтому “российская политология”, исходящая из логики отличий, разрывов, “особенного”, “своего пути”, здесь просто немыслима» (Мартьянов 2007: 35-36). В интеллектуальном фундаменте *переходных концепций* продолжал господствовать хорошо замаскированный колониализм, подкрепленный расовыми теориями ориенталистики и антропологии. Если исходный колониализм киплингского типа в чистом виде предполагал, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток» и цивилизационное различие между ними останется навечно, то крушение колониальной системы внесло в этот дискурс вечногo превосходства существенные коррективы. Социальные науки Запада стали предполагать историческую возможность для незападных обществ стать на один уровень развития с западными, если последние будут взяты за безальтернативный

образец и институционально скопированы. И когда многие незападные общества довольно быстро достигли военного, экономического, культурного уровня влияния западных, то оказалось, что эвристический и легитимационный потенциал концепций транзита и модернизации исторически исчерпан. В первую очередь это проявлялось в тех случаях, когда незападные общества достигали серьезных успехов в развитии вопреки указанным теориям и советам западных экспертов. Например, восходящие *азиатские тигры* применяли протекционизм вместо невыгодной им свободной торговли, воровали технологии, нарушали право интеллектуальной собственности точно таким же способом, как это ранее делали многие европейские страны в период бурного развития Запада (Чанг 2018). Основной проблемой мейнстримных концепций прогресса является длительное и устойчивое неразвитие значительной части мира. Теории, достаточной релевантно описывающие закономерности процессов, происходящих в политике и экономике Запада, оказываются бессильны при объяснении эффектов неразвития и неудач институциональных транзитов и трансплантаций. В сравнительной перспективе обнаруживается избирательный характер и чрезмерный редукционизм западного мейнстрима, отказывающегося признавать глобальную связанность человечества, в которой небольшой пул обществ центра капиталистической миросистемы контролирует глобальную экономику.

Эта идеологическая асимметрия нанесла ощутимый удар по западному мейнстриму, лишив его защитного слоя транзитологических и модернизационных концепций, ценность и востребованность которых в незападном мире объективно пошли на спад. Западные общества потеряли свойство *идеальности*, встав в *общий ряд* обществ глобального мира, испытывая примерно те же проблемы, угрозы и вызовы и больше не имея каких-либо явных ценностно-институциональных преимуществ, помогающих с ними справиться. В результате Запад утрачивает признаки *универсального сообщества*, становясь *частным* или *особым* примером, который все сложнее релевантно масштабировать на мир в целом. Прямой перенос партикулярного исторического опыта Запада в сравнительной межстрановой перспективе тоже все чаще оказывается просто невостребованным.

Для выстраивания глобальных нормативных иерархий требуется опора на принципиальные социальные, экономические, культурные преимущества. Ранее Запад мог говорить от имени *цивилизации*, *миссии белого человека*, *колонизатора неосвоенных земель*, *субъекта прогресса* и т.д. Сейчас этот нормативный ресурс, обобщаемый в монополии на *образцовую Современность*, перестает работать. Все принципиальные различия оказались скорее воображаемыми, а ценностно-институциональных сходств у способов легитимации/воспроизводства западных и незападных современных обществ в глобальном контексте позднего Модерна больше, чем казалось на заре возникновения социальных наук, имевших дело преимущественно с европейскими реалиями. Повсеместно воплощенные базовые ценности и институты классического либерализма как исходной утопии Модерна, способы функционирования экономики и публичной сферы, легитимации и ротации элит, механизмы и ритуалы всенародного участия, ценностные предпочтения граждан и т.д. не демонстрируют в сравнительном межстрановом контексте разительных отличий. В результате все участники глобального взаимодействия потенциально получают *равное право* говорить от имени Модерна/Современности, что нивелирует исторические привилегии и преимущества западных обществ, которые пользовались инструментальными ресурсами риторики о демократии и рынке, модернизации и прогрессе в целях легитимации колониальных и/или исключительно национальных интересов.

Ослабление нормативной монополии на Модерн/Современность и попытки ее вернуть выражаются в компенсаторной интенсификации всех способов силового давления на врагов. Например, в переходе от шантажа отдельных суверенных стран к попыткам ограничения возможностей и принуждения отдельных корпораций и физических лиц, являющихся ключевыми акторами все более независимых и влиятельных в мире незападных обществ. Западные государства и их союзы продолжают стремиться к военной, экономической, культурной экспансии и обеспечению экстратерриториального действия своего законодательства. Они пытаются действовать за пределами своей национальной юрисдикции и вмешиваться во внутренние дела других государств в целях сохранения исключительного

контроля зависимых элит сателлитов, технологий, глобальной финансовой системы и доллара/евро как резервной (ключевой) валюты. Правовая оболочка вне рыночной конкуренции и вульгарная риторика санкций представляются как борьба за мир и универсальные правила, за рынок и демократию против автократий, хотя являются лишь борьбой за западную гегемонию. Подобные стратегии становятся все более неубедительным прикрытием для действий, которые, будучи совершаемы отдельными людьми, были бы квалифицированы как элементы таких составов уголовных и иных преступных деяний, как шантаж, принуждение, давление, коррупция, угроза, сговор, злоупотребление монопольным положением, терроризм, экстремизм и т.д. Попытки контролировать *свободные* глобальные рынки и ресурсные потоки вне рыночными и внеэкономическими методами исключительно в интересах Запада иницируют негативный консенсус ведущих стран Незапада, которые активно консолидируются против подобного *вирусного управления* (Mallard, Sun 2022). В условиях выравнивания радикальной асимметрии центров силы растет запрос на возврат к правовой определенности и многополярности международных отношений, связанных с ограничением двойных стандартов и взаимным признанием суверенитета и ареалов доминирующего влияния ведущих держав.

Мейнстримные описания и способы легитимации социальных порядков, где одни общества и классы являются ресурсной базой для других, а логика *политического реализма* и риторика *саморегулируемого справедливого рынка* не сдерживаются какой-либо моралью, все менее убедительны на фоне усиления незападных акторов, достижения пределов емкости глобальных рынков и трансформации принципов классового взаимодействия при обосновании критериев и объемов доступа к распределению общественных ресурсов (Фишман и др. 2019). Критики мейнстрима обнаруживают, что рыночные коммуникации, сколь бы *естественными* и *универсальными* они ни представлялись, осуществляются по правилам, которые выработаны вне поля экономики, несмотря на претензии экономического мейнстрима не только на автономию, но и на властное определение *универсальных закономерностей* общественного развития (Ефимов 2016: 135-149). Кроме того, западная версия неолибе-

рального политэкономического мейнстрима, связанная с *некритичным масштабированием метафоры рынка на все виды социальных фактов, действий и институтов*, имела и вполне прагматические задачи за пределами *чистой науки*, обусловленные желанием Запада «убедить постколониальные государства по всему миру идти по пути капитализма и держаться подальше от коммунизма» (Поскетт 2024: 13).

Абстрактные деления на *плохую власть над* (господство) и *хорошую власть для* (реализация благих целей), негативную *свободу от* и позитивную *свободу для*, экзистенциальное противоречие между *иметь* и *быть* и тому подобные всеобъемлющие бинарные оппозиции в действительности являются инструментальными. Они призваны доказать моральное превосходство субъекта высказывания, находящегося на стороне привилегированного члена оппозиции. Это превосходство всегда релятивно, так как другие участники дискуссии не менее убедительно могут расставить свои моральные приоритеты диаметрально противоположным образом. В результате понимание *общего блага, универсальных ценностей, демократии, свободы, справедливости, государственного интереса, институциональных правил, признаков прогресса* и иных понятий является бесконечным процессом *интерпретации*, который может поддерживать различные иерархии ценностных предпочтений. Вне подобного легитимирующего контекста власть и влияние всегда являются одним и тем же – реализацией структурных возможностей субъектов, их способности действовать в своих интересах, вне зависимости от того, кто, как и в каких ценностных (моральных) перспективах в дальнейшем будет интерпретировать эти действия и их последствия. Интерпретация всегда будет потенциально множественной и противоречивой, поскольку она зависит от количества вовлеченных заинтересованных и жизненной важности принятых ими решений.

Западный нормативный мейнстрим одновременно является не только языком науки, но и языком власти, транслирующим представления правящего класса Запада о *нормальном обществе и благе для него, а также о естественных иерархиях, необходимых для его стабильного воспроизводства*. Поэтому фундаментальная деколонизация континентов и стран, культур и народов неизбежно связана с критическим пересмотром

отведенного им Западом места в его культурных колониальных иерархиях. Тем более что мейнстримные западные теории существуют не столько для того, чтобы *понять* незападные общества, в отношении которых они применяются, сколько для того, чтобы встроить их в определенные *классификации цивилизованных обществ*, выступающих в качестве целевого образца. В таком контексте апелляция к *универсальным нормам/правилам и общему благу* часто является не более чем дополнительным ресурсом давления на оппонентов при распределении ресурсов и легитимации политических решений. В подобной идеологической перспективе отличия конкретных, одновременно сосуществующих обществ оказываются утрированными западным мейнстримом с целью обоснования морального, политического, технологического и иных видов превосходства одних обществ над другими. Критерии, избираемые для выстраивания базовых бинарных оппозиций, являются либо идеологически ангажированными, либо субъективными (мнение экспертов) (Иванов 2015), либо откровенно второстепенными, например связанными с преходящими эффектами исторической неодновременности. При этом Запад старательно избегает критической рефлексии в отношении самого себя, образуя нечто вроде *слепого* или *белого* пятна на глобальной исследовательской карте социальных наук. При пристальном внимании любой наблюдатель без труда обнаружит в западных обществах те же пороки и недостатки, которые они различают лишь *вовне*, но не в собственной внутренней реальности. Очевидно, что обнаружение *голового короля* нивелирует его авторитет и превосходство, а также право излагать некие бесспорные для других истины.

* * *

Технология конструирования бинарных оппозиций (рынок/план, цивилизация/дикость, разум/эмоции, прогресс/отсталость, демократия/тоталитаризм, современность/архаика, конкуренция/монополия, экстрактивные институты/инклюзивные институты, свобода/рабство и т.д.) и последующего отождествления себя с их привилегированными членами с целью обоснования своего идеологического и морального превосходства окончательно дискредитируется в ситуации общего кризиса привычных метафор и ценностных иерархий западного

мейнстрима. Данные оппозиции превращаются в прокрустово ложе альтернатив, когда якобы обезличенным, естественным и саморегулируемым законам рынка и демократии противопоставляется злая политическая диктатура/гегемония. Очевидно, что ни рынка, ни демократии, которые *справедливы сами по себе*, не существует, как, впрочем, и изначально нелегитимной пирамиды власти, поскольку всякая власть предполагает иерархичность и асимметрию: «...дилемма маскирует и не дает возможность понять то, что рынки – такие же социальные конструкты, как (властные. – В. М.) иерархии» (Ореховский 2020: 25). А будущи конструктами, они предполагают в каждом конкретном случае разнообразные и исторически изменяемые внерыночные условия своего существования.

В условиях глобальной турбулентности привычные объяснения социальных изменений заведомо неспособны справиться с растущими изъянами рыночно-либеральных демократий как идеального типа модерного общества западного мейнстрима, в рамках которого предлагаются все нормативные регулятивные решения. В постзападном поле социальных наук разворачиваются актуальные дискуссии по широкому кругу вопросов: от интерпретации прогресса, свободы, справедливости, сравнительной ценности разных культур и традиций до объемов индивидуальных прав и обязанностей граждан или привилегий разнообразных этнических, сексуальных, религиозных, региональных меньшинств. Аналогична ситуация и с вариативным соотношением назначенных и избранных элит, гражданских свобод и обязанностей, индивидуальными и коллективными приоритетами, динамикой взаимодействия большинства и меньшинств, труда и капитала и т.д.

Исчерпание объяснительного потенциала понятий и нарративов западоцентристской социально-политической мысли, ориентированной на легитимацию совершенства, универсальности и внеисторичности ряда западных обществ, обуславливает продуктивность поиска категориальных альтернатив, которые могут вырабатываться в том числе и в России. Взаимосвязанные иерархии власти, социального знания и ценностных систем социальной регуляции в современном обществе могут изменяться только скоординированным образом. В настоящее время происходит медленная пересборка глобального понятийного словаря

социальных наук, который вместо риторики рыночных метафор, свободного рынка, честной конкуренции и либеральной демократии все чаще демонстрирует реальные способы социальной регуляции современных обществ. Например, способы социальной регуляции, связанные с постоянно растущей долей государства в производстве знания, технологий и распределении всех доступных ресурсов (Маццукато 2021), с пределами капитализма (Валлерстайн 2013: 26-27) или с трансформацией привычной социальной структуры *общества труда* (Мартьянов 2016). Ключевым вопросом становится описание новых закономерностей и ресурсов общества, его механизмов и субъектов, определяющих новые ценностно-институциональные иерархии.

Очевидно, что субъекты новых языков описания общества будут одновременно претендовать и на изменение картины мира и нормативного социального порядка, на закрепление социальных практик, институтов и структур, которые лучше согласуются с меняющейся национальной и мировой действительностью и в конечном итоге конструируют координаты обновленной социальной реальности и эффективные принципы общественного согласия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Валлерстайн И. 2013. Ускоренное падение. Наступление эпохи многополярности // Закат империи США: кризисы и конфликты : сб. статей / И. Валлерстайн [и др.]. Москва : МАКС Пресс. С. 19–32.

ГоД. 2024. Мыслить против империи: антиколониальная мысль как социальная теория / пер. Н.В. Романовского // Социологические исследования. № 1. С. 15–27. DOI 10.31857/S0132162524010028

Дерлугьян Г. 2009. Стабилизационная политсистема в поисках динамизма? // Оценка состояния и перспектив политической системы Российской Федерации в 2008 году – начале 2009 года : Первый ежегод. докл. Ин-та обществ. проектирования / отв. ред. М.В. Рогожников, Г. Дерлугьян. Москва : Ин-т обществ. проектирования. С. 13–32.

Дерлугьян Г. (ред.) 2015. Есть ли будущее у капитализма? / И. Валлерстайн, Р. Коллинз, М. Манн [и др.]; под ред. Г. Дерлугьяна. Москва : Изд-во Ин-та Гайдара. 316 с.

Ефимов В.М. 2016. Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики. Москва : КУРС : ИНФРА-М. 350 с.

Иванов В.Г. 2015. «Charts power» – «рейтинговая сила» как инструмент мягкой силы и экономическое оружие: технологии

использования и стратегии противодействия. Москва : Инфра-М. 188 с.

Мартьянов В.С. 2007. Метаморфозы российского Модерна: выживет ли Россия в глобализирующемся мире. Екатеринбург : УрО РАН. 344 с.

Мартьянов В.С. 2016. Социальная стратификация современных обществ: от экономических классов к рентным группам? // Социологические исследования. № 10. С. 139–148.

Мартьянов В.С. 2021. В поисках другого мейнстрима // Полит. Политические исследования. № 4. С. 112–131. DOI 10.17976/jpps/2021.04.09

Маццукато М. 2021. Ценность всех вещей. Создание и изъятие в мировой экономике. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 408 с.

Морозов В.Е. 2013. Права человека и эмансипация // Политическая наука. № 4. С. 51–68.

Ореховский П.А. 2020. Ф. фон Хайек: изобретение врага и современный неолиберализм // Вопросы регулирования экономики. Т. 11, № 4. С. 22–29. DOI 10.17835/2078-5429.2020.11.4.022-029

Поскетт Дж. 2024. Незападная история науки : Открытия, о которых мы не знали. Москва : Альпина Паблишер. 496 с.

Фишман Л.Г. 2019. Бумеранг возвращается? // Свободная мысль. № 1. С. 15–22.

Фишман Л.Г. и др. 2019. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии / Л.Г. Фишман Л.Г., В.С. Мартьянов, Д.А. Давыдов. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 416 с. DOI 10.17323/978-5-7598-1913-4

Цыганков А. 2022. Глобальный конфликт позднего модерна: логика и пределы эскалации // Россия в глобальной политике. Т. 20, № 6. С. 10–21. DOI 10.31278/1810-6439-2022-20-6-10-21

Чанг Х.-Д. 2018. Злые самаритяне. Миф о свободной торговле и секретная история капитализма. Москва : Манн, Иванов и Фербер. 256 с.

Mallard G., Sun J. 2022. Viral Governance: How Unilateral U.S. Sanctions Changed the Rules of Financial Capitalism // American Journal of Sociology. Vol. 128, № 1. P. 144–188. DOI 10.1086/719925.

Viktor S. Martyanov

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. E-mail: martianov@instlaw.uran.ru

Unmasking the King: The Falsification of the Western Mainstream

Abstract. The mainstream of social sciences is associated with the formation of a normative picture of modern world societies. Thus,

the mainstream belongs to whoever has the greatest influence and opportunity to promote and disseminate his views. In this context, it is difficult to separate any description of the social world and its regularities from the establishment of the very rules of its functioning. The current historical weakening of the West and strengthening of non-Western centres of power are redistributing spheres of global influence. While the non-West is rapidly gaining technological and resource autonomy, residual colonial thinking and imaginary global hierarchies remain more stubbornly intractable. A better world inevitably emerges from a conflict in which the parties lose their former illusions about themselves and their place in the world, take stock of their own resources, and adopt pragmatic negotiating positions on fundamental issues. In this context, the goal of socio-political theories is always not only the search for truth about society, but also the value-institutional leadership of the subjects of these theories in the interpretation of post-Western Modernity. One of the key issues in the global transformation of the mainstream of social sciences, cultural and political economic hierarchies is the legitimisation of long overdue changes in which non-Western participants in conflict interactions are increasingly invested. Consistent opposition to the West implies the role not of a habitually humiliated traditionalist opposition, but rather in an active contestation of Western hegemony in the interests of a broader, fairer and more global version of Modernity. Russian society currently has the capability to serve as a system-forming moral and political subject of such a version of Modernity.

Keywords: mainstream; West; Modernity; Contemporaneity; friend-enemy; centre-periphery; binary codes; transitology; legitimation; social change

Леонид Гершевич Фишман

Институт государства и права РАН

г. Москва, Россия

E-mail: lfishman@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5062-8291

ResearcherID: K-2346-2018

SPIN-код: 8725-9656

Модерн и традиция – ложное противостояние?

Аннотация. В статье показывается, что противостояние России и Запада часто осмысливается как противостояние Модерна и традиции. Однако в силу ряда причин из этого вытекает, что мы уступаем Западу монополию на Модерн, при этом оставаясь со вчерашней версией современных ценностей. В условиях, когда у нас нет собственного достаточно четко артикулированного понимания сущности Модерна, все это дезориентирует и в конечном счете является проигрышным в плане идеологической стратегии. Утверждается, что эта проигрышная стратегия проистекает из жесткого теоретического противопоставления Модерна и традиции. Доказывается, что более продуктивный подход заключается в рассмотрении Модерна как постоянно воспроизводящегося пространства альтернативности. Это пространство исторически вырастает из столкновения социально-политических субъектов, порожденных продуктами «цивилизации» (городом, государством, классами, сословиями, наукой, религией и пр.) и «общинами», архаическими общностями разного рода, которые отчасти приспособляются к давлению цивилизации, отчасти ему противостоят, уклоняются от него. Показано, что не существует весомых оснований для жесткого противопоставления Модерна и традиции. Модерн не сводится ни к высокому модернизму, ни к деспотизму рациональности и «цивилизации» и невозможен без того, что называется традицией в каждый конкретный исторический период. В то же время то, что обычно называют традицией, не существует вне связи с высоким модернизмом, с которым вместе они и составляют актуальный Модерн.

Ключевые слова: альтернативность, высокий модернизм, деспотизм, Модерн, прогресс, традиция, цивилизация

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки

перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Противостояние России и Запада часто осмысливается как противостояние Модерна и традиции – обществ современных, в которых традиция стала воспоминанием, и общества все еще в большей степени традиционного. Подтверждение этому можно без труда найти как в работах российских гуманитариев (см., напр.: Кара-Мурза 2004), в том числе негласно считающихся чуть ли не официальными идеологами¹, а также так и в риторике российских государственных деятелей самого высокого уровня. При этом ряд признаваемых однозначных российских и советских достижений ассоциируется именно с Модерном, а с традицией – в гораздо меньшей степени и с оговорками. И то, что называется традицией, при ближайшем рассмотрении оказывается не вполне традицией, по крайней мере, явно не наследием мифического «традиционного общества»:

«К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»².

Тем не менее, поскольку в официальной риторике явный акцент делается на традицию, а различные современные фе-

¹ Чернов А. Александр Дугин рассказал о традиционных ценностях в России. Дугин: западная цивилизация отрицает все традиционные ценности, 20.09.2023. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/09/20/21327355.shtml> (дата обращения: 12.10.2024).

² Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 12.10.2024).

номены осуждаются (например, когда за это берется РПЦ, обличая гуманизм и т.д.), получается, что мы уступаем Западу монополию на Модерн, а сами при этом остаемся со вчерашней версией современных ценностей (потому что мы теперь «настоящая Европа»³), которые почему-то называем традиционными. В условиях, когда у нас нет своего достаточно четко артикулированного понимания сущности Модерна, все это дезориентирует и в конечном счете является проигрышным в плане идеологической стратегии.

Обе указанные выше идеологические стратегии исходят из неадекватного представления о том, что такое Модерн. В этом понимании Модерн сводится, с одной стороны, к «высокому модернизму», а с другой – к индивидуализму и вытекающим из него саморазрушительным тенденциям. (Такой расколотый внутри себя Модерн противопоставляется абстрактной традиции, восходящей к схематичному, идеально-типическому традиционному обществу. Последнее почти неизменно и основано на неких «вечных ценностях». Прибегающих к такой риторике не смущает, что при попытках сформулировать данные ценности возникает либо откровенная полуэзотерика (как у так называемых традиционалистов Запада (см. об этом: Sedgwick 2023) и их отечественных эпигонов), либо нечто на поверку сугубо современное, как у современных западных правых и наших официальных патриотов.) Эти два аспекта, как очевидно, плохо сочетаются на уровне нарратива, так что в политической плоскости можно принять только одну из сторон, пренебрегая другой, что мешает достижению общественного согласия, обостряет противостояние и делает весьма проблематичным выход из внутри- и внешнеполитических кризисов.

Более продуктивный подход, по нашему мнению, заключается в том, чтобы рассматривать Модерн в первую очередь как постоянно воспроизводящееся пространство альтернативности. В этом пространстве «можно констатировать одновременность сосуществования и наложение в разных сферах жизни реципрокных (дарообменных, семейных, клановых), дистрибутивных и рыночных отношений, а также постепен-

³ *Караева Е.* Настоящая Европа нашла убежище в России // РИА Новости. 2 июля 2022. URL: <https://ria.ru/20220702/evropa-1799708503.html>

ное изменение их пропорций в долгом историческом времени в пользу последних» (Мартьянов 2022: 49). Пространство альтернативности Модерна исторически вырастает из столкновения социально-политических субъектов, порожденных продуктами «цивилизации» (городом, государством, классами, сословиями, наукой, религией и пр.) и «общинами», архаическими общностями разного рода, которые отчасти приспосабливаются к давлению цивилизации, отчасти ему противостоят, уклоняются от него. Как отмечает Дж. Скотт, в цивилизационном дискурсе, к которому по большей части восходит «высокий модернизм», государство и присущие ему практики, какими бы репрессивными и деспотичными они ни были, считаются находящимися на правильной стороне истории – на стороне прогресса. Они по отношению к негосударственным образам жизни выглядят передовыми и развитыми. При этом они живут часто за счет негосударственной периферии, получая оттуда различные ресурсы и в первую очередь потенциальных подданных: рабов или более-менее вынужденных переселенцев. Негосударственная периферия приобщается к прогрессу и цивилизации через обмен или рабство (Скотт 2017: 21). «Что удивительно в этом цивилизационном дискурсе, так это то, что он все еще остается в силе. ...Он сохраняется, несмотря на наше нынешнее понимание, что *в течение тысячелетий люди постоянно курсировали сквозь полупроницаемую мембрану между “цивилизovanностью” и “нецивилизovanностью” или “пока-еще-нецивилизovanностью”* (курсив мой. – Л. Ф.). Он выживает, невзирая на то, что в истории всегда были и продолжают существовать общества, в социальном и культурном отношении занимающие промежуточное положение между двумя обозначенными полюсами» (Скотт 2017: 153).

Поэтому если практика цивилизации совпадает с практикой деспотизма, то и дискурс о цивилизации изначально обращает на это внимание. В Европе это вполне осознается в эпоху Просвещения. С точки зрения Руссо, Мабли и ряда других деятелей Просвещения, цивилизация и прогресс в истории человечества идут рука об руку с деспотизмом и моральной порчей. И это не менее обоснованная точка зрения, чем вырастающая из оптимистического провиденциализма Кондорсе, ставшего основой «религии прогресса». Это, если угодно, тот самый

аспект «диалектики Просвещения», о котором писали Адорно и Хоркхаймер и к которому они возводили фашизм; та линия цивилизации и прогресса, которая ведет «от Канта к Круппу», к «реакционному модернизму». В таком понимании Модерн, подытоживает А. Реквиц, сводится к «социальной логике общего», которая требует «стандартизации, формализации и общности всех элементов социального», занимается «всеобъемлющей генерализацией мира» и являет собой «процесс формальной рационализации», создающий «масштабные комплексы просчитываемых правил» (Реквиц 2022: 23-24). Лежащий в основе этих комплексов правил и стратегий высокий модернизм и есть в значительной мере «дискурс о цивилизации» – «рационализация и стандартизация, перевод сложного и причудливого социального иероглифа в наглядный и административно более удобный формат» (Скотт 2005: 19). «Введенные таким образом социальные упрощения, – указывает Дж. Скотт, – не только позволяли более точно наладить сбор налогов и исполнение воинской повинности, но и вообще значительно расширили возможности государства» (Скотт 2005: 19).

Следовательно, высокий модернизм в большей степени отражает не стремление к свободе и индивидуализму, а скорее стремление к прогрессу и порядку. Он рождается часто как деспотическая, централизаторская, государственная и т.п. альтернатива параллельно существующей общинности с ее не менее принудительным по отношению к индивиду социальным порядком. Практики и описывающие и легитимизирующие это вновь возникшее состояние альтернативности нарративы становятся основанием того, что называется свободой. Романтический революционный протест индивида против прогресса, рациональности и порядка, опирающийся среди прочего и на идеализированное представление о прошлом, является частью Модерна, не сводимой к высокому модернизму и дискурсу о цивилизации. Здесь следует обратить внимание на наличие сильного мотива отсылки к романтизированному прошлому в ранних буржуазных революциях, пронизанных религиозным пафосом, легитимированных отсылками к истинно христианской жизни прежних поколений, фундаменталистских по духу. В секуляризованном виде возвращение к истинной праведности замещается возобновлением нарушенного древнего

общественного договора, возвращением к природе, словом, к попорченным деспотизмом традиционным ценностям. В романтической апологии революции эпохи раннего Модерна немалую роль играет апелляция к живительной силе «варварства», призванного установить царство свободы и справедливости. Эта сила противопоставляется бесплодному рационализму классического периода, который ассоциируется скорее с деспотизмом. Иными словами, революция для Модерна воплощает принцип воспроизводства альтернативности, который должен постоянно присутствовать или его присутствие должно имитироваться как некий постоянный фон отложенной революции.

Создающееся описанным выше образом пространство альтернативности становится: а) основанием для возникновения феномена традиции как совокупности практик, альтернативных деспотизму цивилизации и прогресса, но внутри себя нередко столь же деспотичных; б) предпосылкой становления свободы и индивидуализма – возможностью выбирать между разными видами деспотизма, а также условием развития, прогресса; в) отправным моментом политических, философских, религиозных дискурсов, пытающихся преодолеть характерный для эпохи капитализма и Модерна «моральный коллапс» (Мартьянов, Фишман 2012) и осмысливающих это состояние альтернативности в различных аспектах.

Иными словами, цивилизация в ее широком понимании как сочетания прогресса и калькулирующей принудительности вместе с традицией образует пространство альтернативности и свободы, которое и есть Модерн. В конечном счете Модерн – это совокупность установок, ценностей и институтов, выросших из ситуации расширяющегося выбора – принципиальной альтернативности. А человек эпохи Модерна – это кантовский просвещенный индивид, который обладает возможностями воспользоваться наличием альтернатив, поскольку нашел в себе силы выйти из «состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине», и научился «пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого» (Кант 1966: 25). Иначе говоря, человек эпохи Модерна научился выбирать из того, что воспринимается им как традиция, нужное и уклоняться от всего остального. Это и определяет облик того, что он по инерции продолжает *считать* традици-

ей. Поэтому воспроизводство Модерна невозможно без того, что считается традицией на каждом конкретном историческом этапе. Но что считать традицией, к которой желает апеллировать человек эпохи Модерна? Показательно, что человек Модерна имеет дело со *смягченной наличием альтернативы традицией*. Здесь мы сталкиваемся примерно с той же ситуацией, что и в области религии, о которой пишет Ч. Тейлор: вера в Бога в 1500 г. не то же самое, что вера в Бога в 2000 г., хотя с точки зрения догматов изменения могут быть минимальны (Тейлор 2017: 17). Причина заключается в том, что в 1500 г. религиозность практически безальтернативна, в то время как в 2000-м она – один из допустимых вариантов мировоззрения. Таким же образом существование придерживающихся традиции сообщества в рамках «большого общества» Модерна меняет как содержание традиции, так и отношение к ней, сглаживая те ее моменты, которые могли производить отталкивающее впечатление в ситуации безальтернативности. Из этого, в частности, вытекает романтизм как мировоззрение, согласно которому «раньше было лучше». Поскольку он является экстраполяцией в прошлое очищенной и укрощенной традиции, конечно, такое прошлое обретает черты утраченного эдемского сада. И отсылка к этому полумифическому прошлому до определенной поры активно участвует в воспроизводстве пространства альтернативности, характерном для Модерна.

Поэтому классическим примером страны наиболее успешного Модерна долгое время являлись США с их уникальным сочетанием высокого модернизма и локальной приверженности традиции, восходящей к практике протестантских церквей и сект. Бодрийяр не случайно считал именно Америку оригинальной, на голову превосходящей европейскую версию современности, воплощенной утопией. Но содержание этой утопии не исчерпывалось «буржуазными» и просвещенческими идеалами рациональности и прогресса. Не в последнюю очередь это была утопия бегства от цивилизации и культуры в природную и отчасти архаичную (если угодно, «индейскую») альтернативность им. Показательно поэтому утверждение Бодрийяра, что европейцам, в отличие от американцев, «недостает души и дерзости того, что можно было бы назвать нулевой степенью культуры, силой не-культуры» (Бодрийяр 2000: 153). Иными

словами, стать подлинным Модерном можно, только сочетая «нулевую степень культуры» с известной долей утопизма высокого модернизма и преломленной через раскол и ересь традиции⁴. «Основатели Новой Англии, – писал по этому поводу А. Токвиль, – были ревностными сектантами и одновременно восторженными новаторами» (Токвиль 1992: 53). Но чем, в сущности, являлся протестантизм деноминаций, населивших первоначально Америку? Он был следствием выбора той части духовного наследия, которая считалась приемлемой для *современного* человека и поэтому закладывалась в основание частной сектантской утопии на новой земле, вдали от деспотизма «цивилизации» и принуждения ортодоксальной церковной традиции. Речь шла, таким образом, о религиозных и моральных практиках, ставших предпосылками современной альтернативности. Взятые сами по себе, они, быть может, и не слишком отличались от традиционно-ортодоксальных, а порой и превосходили их в части суровой принудительности⁵. Но, перенесенные через океан, получив возможность для утопической реализации и столкнувшись с другими подобными им по духу практиками, они образовали в своем роде образцовое пространство современной альтернативности – американский образ жизни и свободу.

Все это не означает, что Америка может быть примером для тех, кто желает культивировать у себя Модерн, в прямом и примитивном смысле – как образец, с которого копируют религии, политические институты, идеологии и т.д. Собственно, как раз не слишком впечатляющая успешность подобных стратегий была

⁴ Бодрийяр замечает, что «американцы, отгороженные океаном, просторы которого сделали из них что-то вроде острова во времени, сохранили в целости и сохранности утопическую и моральную перспективу мыслителей XVIII века или даже пуританских сект XVII века, трансплантированную и укрытую в надежном месте от всех исторических перипетий» (Бодрийяр 2000: 166). Показателен этот элемент устарелости, несовременности, отсталости Америки – «остров во времени», – который тем не менее и делает Америку флагманом Модерна.

⁵ Данное обстоятельство отмечал А. Токвиль, когда оценивал демократически принятые некоторыми общинами законы как «либо странные, либо тиранические», причем «в этом обществе нравы были еще более строгими и более пуританскими, нежели сами законы» (Токвиль 1992: 51).

отмечена уже давно. Если рассматривать Модерн как описанное выше пространство альтернативности, то имеет смысл культивировать и сохранять *конфигурацию практик*, способствующую его воспроизводству, притом что сами по себе такие практики могут оказаться достаточно авторитарными. Само собой разумеется, что данная конфигурация всякий раз будет уникальной в силу различного национально-культурного наследия.

Сказанное выше означает, что не существует весомых оснований для жесткого, предельно идеологизированного противопоставления Модерна и традиции. Модерн не сводится ни к высокому модернизму, ни к деспотизму рациональности и цивилизации, и поэтому он невозможен без того, что называется традицией в каждый конкретный исторический период. Того, что мы называем традицией, просто не существует вне связи с высоким модернизмом, с которым вместе они и составляют актуальный Модерн. Сводить актуальное пространство своей уже существующей современной альтернативности к примату «традиционных ценностей» и противопоставлять его абстрактному Модерну – значит противопоставлять друг другу части неразделимого целого.

Поэтому ключевая задача для тех, кто не готов расстаться с пространством современной альтернативности, заключается в том, чтобы поддерживать это пространство путем: а) сопротивления попыткам его нивелирования, с чьей бы стороны они ни исходили, и б) поощрения позитивной альтернативности образов жизни, быта и иных проявлений реальной свободы. На глобальном уровне эту роль сейчас играет Россия, сохраняя своими усилиями пространство выбора для наибольшего числа субъектов международных отношений. Эти внешние усилия необходимо дополнить внутренними, поощряющими гражданскую инициативу и инновации в различных областях вместо бесплодного и дезориентирующего противостояния «модернистов» и «традиционалистов».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бодрийяр Ж. 2000. Америка. Санкт-Петербург : Владимир Даль. 208 с.

Кант И. 1966. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И. Сочинения : в 6 т. Москва : Мысль. Т. 6. С. 25–36.

Кара-Мурза С.Г. 2004. Советская цивилизация от начала до Великой Победы. Москва : Эксмо : Алгоритм. 637 с.

Мартьянов В.С. 2022. Генезис и ценностно-институциональная эволюция Модерна // Антиномии. Т. 22, вып. 3. С. 42–71. DOI 10.17506/26867206_2022_22_3_42

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. 2012. Преодоление капитализма: от морального коллапса к моральной революции? // Полис. Политические исследования. № 1. С. 63–75.

Реквиц А. 2022. Общество сингулярностей. О структурных изменениях эпохи модерна. Москва ; Берлин : Директмедиа Паблшинг. 400 с.

Скотт Дж. 2005. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. Москва : Университет. кн. 576 с.

Скотт Дж. 2017. Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. Москва : Новое изд-во. 568 с.

Тейлор Ч. 2017. Секулярный век. Москва : Изд-во ББИ. 967 с.

Токвиль А. 1992. Демократия в Америке. Москва : Прогресс. 559 с.

Sedgwick M. 2023. Traditionalism: The Radical Project for Restoring Sacred Order. New York : Oxford Univ. Press. 432 p.

Leonid G. Fishman

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: lfishman@yandex.ru

Modernity and Tradition – a False Confrontation?

Abstract. This article examines the confrontation between Russia and the West, often framed as a struggle between Modernity and Tradition. This perspective, however, risks ceding the monopoly on Modernity to the West while leaving us with an outdated understanding of modern values. In the absence of a clearly articulated concept of Modernity, this disorientation poses a significant ideological challenge. The article argues that this challenge stems from a rigid theoretical dichotomy between Modernity and Tradition. A more productive approach would be to view Modernity as a continuously evolving space of alternatives. This space emerges from the clash between socio-political entities – such as cities, states, classes, science, and religion – and various archaic communities that adapt to, resist, or evade the pressures of civilization. The study reveals that there are no substantial premises for a strict opposition between Modernity and Tradition. Modernity cannot be reduced solely to high modernism or the despotism of rationality and civilization; it inherently involves elements of Tradition at each

historical juncture. Conversely, what is typically termed “tradition” cannot exist independently of its connection to high modernism. Together, they shape our current understanding of Modernity.

Keywords: alternative; high modernism; despotism; Modernity; progress; tradition; civilization

Николай Александрович Шавеко
Институт государства и права РАН,
г. Москва, Россия
E-mail: shavekonikolai@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5481-7425
ResearcherID: K-4637-2018
SPIN-код: 3004-0891

Традиционные российские ценности: проблемы определения и обоснования их перечня

Аннотация. Понятие «традиционные ценности» активно используется в российском публичном пространстве и законодательстве. Однако для того, чтобы защита традиционных ценностей могла быть нормативно обоснована, следует уточнить смысл указанного понятия посредством ответа на ряд вопросов. В противном случае понятие традиционных ценностей будет использоваться конъюнктурно, зачастую вообще лишь в качестве «пустого знака», а сплачивающий эффект политики защиты традиционных ценностей будет невысоким. Так, необходимо определиться, к какой из двух традиций – православной патриархальной или советской – мы обращаемся и какие ценности – прошлого или настоящего – хотим защищать. Мы также должны определиться, какие устои считаем достойными сохранения, а какие нет, ведь в любом обществе укоренены как ценности, так и то, что можно назвать антиценностями. Кроме того, нельзя обойти вниманием вопрос о том, чьи духовно-нравственные традиции мы защищаем: традиции единой российской нации или традиции населения исторических государств, которые можно назвать российскими; традицию элиты соответствующего социума или традицию большинства его членов. Наконец, если задачей, которая преследуется с помощью защиты традиционных ценностей, является сохранение «цивилизационных» особенностей, то необходимо отыскать дополнительные основания для защиты ценностей, которые свойственны не только россиянам, но и претендуют на статус общечеловеческих. В целом сама по себе защита традиционных ценностей может быть морально обоснована, однако для того, чтобы выработать такие обоснования применительно к защите российских духовно-нравственных ценностей, о которой заявляют политические акторы и о которой говорится в ряде нормативно-правовых актов Российской Федерации, необходимо ответить на все вышеуказанные непростые вопросы.

Ключевые слова: традиционные ценности, консерватизм, цивилизация, национальная идентичность, российское мировоззрение

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Введение. С начала 2010-х гг. в российском публичном пространстве стало все чаще фигурировать понятие «традиционные ценности», которое использовалось российскими властями для обоснования консервативного поворота во внутренней политике и противопоставления ее политике западных либеральных демократий. Примечательно, что в еще в 2012 г. в послании Федеральному собранию В. Путин впервые назвал Россию государством-цивилизацией со своим уникальным опытом¹. В 2013 г. в очередном таком послании, отстаивая необходимость защиты традиционных ценностей, президент впервые заявил о данной позиции как о консервативной² и впоследствии в своих выступлениях неоднократно подтверждал свою приверженность защите традиционных ценностей и консерватизму. Так, в 2021 г. на заседании дискуссионного клуба «Валдай» он назвал умеренный (здоровый) консерватизм основой политического курса России³. Параллельно

¹ См.: Послание Президента Российской Федерации от 12.12.2012 [О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699/page/2> (дата обращения: 03.09.2024).

² См.: Послание Президента Российской Федерации от 12.12.2013 [О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38057/page/3> (дата обращения: 03.09.2024).

³ См.: Заседание дискуссионного клуба «Валдай», 21 октября 2021 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/66975> (дата обращения: 03.09.2024).

с этим менялось и российское законодательство. Еще в 2013 г. была введена административная ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних (ст. 6.21 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации). В 2015 г. в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации впервые была предпринята попытка дать перечень российских традиционных духовно-нравственных ценностей⁴. Несколько измененный перечень таких ценностей был закреплён в новой Стратегии в 2021 г.⁵ В 2020 г. в Конституцию России были внесены поправки, уполномочивающие правительство Российской Федерации сохранять традиционные семейные ценности (ст. 114), а также характеризующие веру в Бога как то, что досталось российскому народу от предков (ст. 67.1)⁶. Наконец, в 2022 г. указом президента РФ были утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, где вновь приведен перечень таких ценностей⁷, а в 2023 г. в Концепции внешней политики Российской Федерации⁸ и в ряде устных выступлений В. Путина вновь закреплён статус России как самобытного государства-цивилизации. Сегодня российское государство продолжает предпринимать попытки обосновать историческое и культурное единство российской нации через отстаивание традиционных ценностей.

⁴ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 03.09.2024).

⁵ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 03.09.2024).

⁶ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45280> (дата обращения: 03.09.2024).

⁷ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 03.09.2024).

⁸ Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 03.09.2024).

Но стоит ли за этой государственной политикой, основанной на конкретном наборе традиционных ценностей, какое-либо теоретическое (идеологическое) обоснование? Здесь, как представляется, обнаруживается ряд проблем. В настоящей статье будет сформулирован ряд вопросов, на которые, по мнению автора, необходимо дать четкий ответ для того, чтобы составить перечень традиционных ценностей, апелляция к которому могла бы стать отражением последовательной идеологической позиции, лежащей в основе столь же последовательной государственной политики. Каждый раздел статьи будет посвящен одному из таких вопросов. Но предварительно обозначим, что далее под ценностями будет пониматься предельно широкий круг явлений, значимых для индивида и общества, а под традициями – любая регулярная социальная практика прошлого. Таким образом, эти понятия будут использоваться в значениях, приближенных к обыденным, а проблемы, связанные с их точным определением, останутся за рамками данной статьи.

Ценности прошлого или ценности настоящего? Первая проблема, которая возникает при обсуждении традиционных российских ценностей, связана с особенностями отечественной истории: в XX в. на наших землях дважды рушились старые ценностные порядки и возникали новые. Так, получив власть в 1917 г., большевики не просто разрушили все прежние государственные институты, но и радикальным образом отказались от ценностей, доминировавших в царской России (патриархальная большая семья, православная вера, монархическое правление и т.п.). Сторонники «старых ценностей» либо уехали из страны, либо подверглись репрессиям. После этого выросло несколько поколений людей, для которых устои Российской империи являлись анахронизмом. Но в 1990-х гг. была отвергнута уже коммунистическая идеология и связанные с ней ценности. Выросли поколения, для которых устои советского общества (включая культ производительности, стремление к радикальному уравниванию и чрезмерную приверженность коллективу) – такой же анахронизм, как для коммунистов царская Россия. Правда, если коммунисты, захватив власть, стали преследовать своих идеологических противников, то в 1990-е гг. никто коммунистов не преследовал, поэтому смена поколений происходит более-менее плавно. Но она все же происходит. И эта

ситуация приводит к тому, что те ценности, которые свойственны современному российскому обществу, зачастую не совпадают ни с ценностями царской России, ни с ценностями советской России. В этих условиях стремление сохранить национальную самобытность может вступать в противоречие с традицией, отвергнутой дважды за столетие. Очевидно, например, что современные россияне гораздо менее религиозны, чем жители Российской империи, но, в отличие от большинства населения Советского Союза, редко разделяют коммунистические идеалы; исследования также показывают, что нынешние россияне в большей степени придерживаются индивидуалистических ценностей, чем их предки (Магун, Руднев 2021; Магун 2023). Соответственно, первый вопрос, на который следует ответить в рамках теоретического обоснования государственной политики защиты традиционных ценностей, таков: действительно ли те ценности, которые подлежат защите, являются традиционными или же это совершенно новые ценности?

Ценности и антиценности. Второй вопрос связан с тем обстоятельством, что любому обществу присущи как позитивные, так и негативные характеристики, причем их классификация в качестве таковых не всегда очевидна. Например, описывая современное российское общество, исследователи нередко утверждают, что ему свойственны достоящая высокая толерантность к коррупции (Максименко и др. 2020)⁹; правовой нигилизм (Захарцев 2015), политическая пассивность и апатия (Давыборец 2015: 59, 61), неразвитость гражданского общества и частной инициативы (Висханова 2017) и т.п. Причем нередко данные характеристики рассматриваются как глубоко укоренившиеся в силу объективных причин в истории и культуре российского народа. Обращаясь к предшествующим периодам истории, можно привести и другие примеры. Так, в начале XX в. государственная власть в России пришла к четкому осознанию неэффективности сельской общины как хозяйственной единицы и необходимости во благо нормального экономического развития страны разрешить крестьянам свободный выход

⁹ См. также: Результаты социологического исследования ВШЭ 2018 г. URL: <https://www.mk.ru/social/2018/10/16/issledovanie-pokazalo-chto-rossiyane-vse-uvazhitelnee-otnosyatsya-k-korrupcii.html> (дата обращения: 03.09.2024).

из общины (на хутор или на отруб). Однако многие крестьяне не приняли эту реформу, видя в общине ценность, достойную сохранения (Фёдоров 2000: 264; Козлов 2007: 22). В советский же период истории многие граждане видели большую ценность в плановой экономике и распределительных механизмах, мешавших экономическому развитию и приводивших к застою. Таким образом, традиционными могут оказаться ценности устаревшие, которые вовсе не следует защищать. К тому же сама оценка традиции как достойной продолжения или, наоборот, устаревшей связана с моральными позициями, относительно которых в обществе существуют серьезные разногласия. Вообще, ценности остаются актуальными, лишь если они постоянно переосмысливаются в соответствии с новыми реалиями, и в этом плане традиция постоянно «изобретается» (Фишман 2023). Так какую же именно часть традиции мы желаем сохранить? Или, иными словами, какую именно традицию мы хотим изобрести?

Ценности нации и ценности населения. Следующий вопрос можно сформулировать таким образом: чьи именно традиционные ценности? В современном российском политическом дискурсе говорится о «российских ценностях», но такая характеристика теоретически может относиться либо к российской нации, либо к населению российского государства. Применительно к современности эти два аспекта неразличимы, поскольку постоянно проживающее в России население и представляет собой российскую гражданскую нацию. Однако когда мы обращаемся к традиции, то должны принимать во внимание, что история нации и история государства не совпадают ни содержательно, ни хронологически. Рассмотрим поэтому оба указанных варианта.

Если мы говорим о ценностях, традиционно распространенных среди населения того или иного государства, то в попытке отыскать точку, с которой необходимо начинать изучение таких ценностей и их эволюции, мы упираемся в вопросы о понятии государства и о правопреемстве государств, поскольку только ответы на эти вопросы могут дать представление о том, где берет начало рассматриваемое государство. Так, современное российское государство образовалось 12 июня 1990 г., когда была принята Декларация о государственном суверенитете

РСФСР. Позже, 25 декабря 1991 г., РСФСР была переименована в Российскую Федерацию. При этом власти Российской Федерации неоднократно позиционировали данное государство как «продолжателя» СССР. С 2020 г. статус Российской Федерации как правопреемника СССР закреплен в конституции (ст. 67.1). Однако статус самого Советского Союза как правопреемника Российской империи вызывает куда больше вопросов (см. подробнее: Томсинов 2011). Проблемы связаны не только различными трактовками исторических фактов, но и с неразвитостью международного права начала XX в. Заметим также, что публично-политические образования Древнего мира и Средних веков могут не удовлетворять современным определениям государства как такового. В итоге изучение традиционных российских ценностей с точки зрения анализируемого подхода должно предваряться обоснованием того, что Древнерусское государство, Московия, Российская империя, СССР и Российская Федерация действительно должны рассматриваться как правопреемники.

Традиционные российские ценности можно также рассматривать как принадлежность и характеристику российской нации. Однако в этом случае приходится ставить вопрос о том, когда именно данная нация возникла. В рамках конструктивистского подхода основными историческими факторами, повлиявшими на формирование национальной идентичности, являются развитие печати и грамотности, утверждение единых языковых норм, становление общих рынков, урбанизация, появление избирательных прав, государственных праздников и единого понимания истории. Принимая во внимание эти факторы, можно утверждать, что становление великорусской нации происходило в период с XVII по начало XX в. Но при этом русские (великорусы) – даже когда в их число включались принявшие православие неславянские этносы – противопоставлялись иноверцам (напр., татарам), а о единой гражданской нации («россиянах») в условиях самодержавия говорить не приходилось. В свою очередь большевики, придя к власти, стали продвигать уже гражданскую идентичность «советского народа». Этот новый «советский народ» объединял славянское и неславянское, православное и иное население РСФСР с населением других союзных республик, поэтому условий для формирова-

ния отдельной российской идентичности попросту не было. И лишь в 1990-е гг. термин «россияне» закрепился в качестве политнонима¹⁰, а в повестку дня вошло формирование общенациональной гражданской идентичности. По всей видимости, можно утверждать, что, несмотря на использование термина «россияне» в тех или иных значениях еще с XVI в., российской нации как таковой всего чуть более 30 лет. Но если так, то говорить о свойственных этой нации ценностных традициях, вероятно, еще слишком рано.

Ценности элиты и ценности простонародья. Говоря о традиционных ценностях, мы неизбежно обращаемся к истории, будь то история народа или история государства. Однако зачастую исторические источники не позволяют нам с уверенностью говорить о тех ценностях, которые разделялись большинством, ведь до нас дошли только продукты культурного творчества элиты.

Например, древнерусская литература насквозь пронизана христианскими нравочтениями. Но значит ли это, что большинство населения Киевской Руси XI–XIII вв. было православным, причем не просто крещеным и формально соблюдающим православные обряды, но и действительно разделяющим основные христианские ценности (такие, как братская любовь даже по отношению к чужакам, прощение и смирение, подчинение всей жизни цели внутреннего преображения и спасения)? Широко известный феномен двоеверия (Живов 2002) позволяет в этом усомниться.

В целом можно сказать, что элита общества – это его локомотив, она задает направление развития, поэтому ценности элиты всегда в той или иной степени отличаются от ценностей народной массы. Это видно и на примере российской истории. В X в. князь Владимир избрал официальной религией христианство, в XV–XVI вв. московские правители принялись строить православное царство на самодержавных началах, в XVII в. патриарх Никон изменил дорогие народным массам формальные аспекты православной веры, в XVIII в. Петр I сделал

¹⁰ *Тишков В.А.* Россияне, 29.11.2023 // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/rossiiane-7a69bc/?v=9156986> (дата обращения: 03.09.2024).

решительный выбор в пользу европейской культуры и регулярного государства, в XX в. сначала большевики повели массы навстречу коммунистическому идеалу, а потом либералы – навстречу демократии и правовому государству. Во всех этих случаях речь шла о ценностном выборе. Стоит ли говорить, что народные массы зачастую были не просто чужды новым ценностям, но и активно против них боролись? Церковный раскол и Гражданская война – самые яркие тому примеры.

Но проблема не только в том, что ценности элиты и народных масс различны. В конце концов, очевидно, что сословное, классовое и иное социальное неравенство заставляет людей по-разному смотреть на одни и те же социальные институты и практики. Проблема скорее в том, что о ценностях простонародья исторической информации значительно меньше, чем о ценностях элит, а потому беглый взгляд на историю может вообще игнорировать традиции, свойственные большинству членов той или иной общности.

Итак, вопрос, на который мы должны ответить, следующий: традиционные ценности какого именно социального слоя мы хотим перенимать и защищать, и если речь идет о широких народных массах (простонародье), то насколько нам вообще известны традиции глубокой древности?

Цивилизационные отличия или общечеловеческие ценности? Последний вопрос, возникающий в связи с проведением политики защиты российских традиционных ценностей, обусловлен позиционированием указанных ценностей в публичном пространстве как цивилизационных, то есть отличающих Россию от других цивилизаций и определяющих ее самобытность.

Проблема здесь возникает даже не потому, что в науке отсутствует консенсус относительно понятия цивилизации и его эвристической ценности (Яковенко 1999), а потому, что трактовка традиционных ценностей как самобытных и составляющих основу общенациональной гражданской идентичности заставляет подчеркивать именно такие ценности, которые отличают Россию от других стран. В свою очередь общечеловеческие ценности, разделяемые также и россиянами, могут быть не менее значимыми, но они уже не укладываются в указанную трактовку.

Однако если мы обратимся к перечням традиционных ценностей, содержащихся в вышеупомянутых стратегиях национальной безопасности Российской Федерации (2015 г. и 2021 г.), то обнаружим, что подавляющее большинство традиционных ценностей из указанных перечней являются, в сущности, общечеловеческими, или по крайней мере легко могут быть истолкованы в качестве таковых (в первую очередь это жизнь, достоинство, права и свободы человека, крепкая семья, созидательный труд, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, патриотизм, гражданственность, высокие нравственные идеалы, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь и взаимоуважение). Даже такие названные президентом России традиционные ценности, как приоритет духовного над материальным и коллективизм, вполне могут быть рассмотрены как общечеловеческие в зависимости от того, как понимать духовность и как ценность коллективизма будет соотноситься с ценностью прав и свобод человека. В любом случае такие признаки российской цивилизации, как авторитарная власть и православная вера, выделяемые известными представителями так называемого цивилизационного подхода (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А.Дж. Тойнби и др.), в рассматриваемых стратегиях не упоминаются. Напротив, в них подчеркивается традиционная многоконфессиональность России; упоминание же среди традиционных ценностей прав и свобод человека можно рассматривать как тезис о необходимости защиты демократических устоев.

Таким образом, встает вопрос: защите подлежат только те традиционные ценности, которые выражают самобытность России и российской нации, или также те, которые разделяются всей человеческой цивилизацией?

Заключение. В настоящей статье за аксиому был взят тезис о том, что ценности могут и должны подлежать государственной защите. Не оспаривалось и то, что для преодоления кризиса идентичности может быть задействована политика памяти (Гапоненко 2020). Однако для того, чтобы подвести под политику защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей идеологическое обоснование и сделать эту политику последовательной, необходимо дать аргументированный ответ на ряд вопросов:

1. Если традиция оборвалась, а современные ценности противоречат традиционным, то следует ли отдавать приоритет именно возрождению традиционных ценностей?

2. Должны ли мы перенимать и защищать все духовно-нравственные ценности, свойственные конкретному (современному или историческому) обществу, или же некоторые из них следует отбросить как «неправильные»?

3. Чьи именно традиции нам следует продолжать и защищать: всех жителей Российского государства (независимо от их идентичности) на разных этапах его истории или же традиции, свойственные русскому народу или единой российской нации (с момента их появления)?

4. На традиции какого именно социального слоя нам следует опираться, с учетом того, что обращение к истории зачастую вскрывает ценностный антагонизм элиты и простонародья, причем ценности последнего не всегда хорошо известны?

5. Защите подлежат только те ценности, которые выражают самобытность России и российской нации, или также те, что имеют статус общечеловеческих?

В заключение отметим, что если защита традиционных ценностей призвана обеспечить формирование и актуализацию общенациональной гражданской идентичности, то ответы на указанные вопросы целесообразно искать посредством широких общественных дискуссий, в том числе с участием децентрализованных ценностно мотивированных акторов (Панкевич 2023). Установление же традиционных ценностей президентскими указами как раз и приводит к тому, что все вышеперечисленные вопросы оказываются непроясненными. В результате понятие «традиционные ценности» используется конъюнктурно, зачастую вообще лишь в качестве «пустого знака», а сплачивающий эффект политики защиты традиционных ценностей оказывается ниже, чем мог бы быть.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Висханова П.Г. 2017. Гражданское общество в России: особенности становления // Аграрное и земельное право. № 12 (156). С. 50–59.

Гапоненко Л.Б. 2020. Конструирование национальной идентичности в контексте политики памяти // Дискурс-Пи. Т. 17, № 3 (40). С. 40–53. DOI 10.24411/1817-9568-2020-10303

Давыборец Е.Н. 2015. Электоральная культура в России: становление, развитие, особенности // Вестник Забайкальского государственного университета. № 5 (120). С. 56–65.

Живов В.М. 2002. Двоеверие и особый характер русской культурной истории // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. Москва : Языки славян. культуры. С. 306–316.

Захарцев С.И. 2015. Правовой нигилизм в России // Мониторинг правоприменения. № 2 (15). С. 12–20.

Козлов С. 2007. Проснувшаяся деревня: столыпинские аграрные реформы в Центрально-Нечерноземной России. 1907–1914 гг. // История. № 12. С. 22–28.

Магун В.С. 2023. Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006–2021 годы // Социологические исследования. № 12. С. 44–58. DOI 10.31857/S013216250029336-2

Магун В.С., Руднев М.Г. 2021. За пределами «человека советского»: россияне в европейской ценностной типологии // Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя : коллектив. моногр. / под ред. К. Рогова. Москва : Новое лит. обозрение. С. 325–353.

Максименко А.А. и др. 2020. Отношение россиян к коррупции / А.А. Максименко, О.С. Дейнека, Д.В. Крылова, Л.Н. Духанина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Т. 13, вып. 4. С. 407–428. DOI 10.21638/spbu12.2020.404

Панкевич Н.В. 2023. Децентрализованные ценностно мотивированные сообщества: к обновлению и институциональному развитию государственной политики единства // Антиномии. Т. 23, № 2. С. 47–76. DOI 10.17506/26867206_2023_23_2_47

Томсинов В.А. 2011. Дело о мемориале цесаревича Николая Александровича в Ницце (статья четвертая) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. № 4. С. 16–35.

Фёдоров В.А. 2000. История России 1861–1917. Москва : Высш. шк. 384 с.

Фишман Л.Г. 2023. Соблазн готовых ответов // Россия в глобальной политике. Т. 21, № 2. С. 76–87. DOI 10.31278/1810-6439-2023-21-2-76-87

Яковенко И.Г. 1999. Цивилизационный анализ, проблема метода // Проблемы исторического познания : материалы Междунар. конф., Москва, 19–21 мая 1996 г. / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. Москва : Наука. С. 84–92.

Nikolai A. Shaveko

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: shavekonikolai@gmail.com

Traditional Russian Values: Problems with Defining and Justifying Their List

Abstract. The concept of traditional values is widely used in Russian public discourse and legislation. However, to ensure that the protection of these values is normatively grounded, it is essential to clarify the concept by addressing several key questions. Without this clarification, traditional values risk being used opportunistically, often serving merely as an “empty signifier”, which diminishes the unifying effect of policies aimed at their protection. It is crucial to determine which tradition – Orthodox patriarchal or Soviet – we are referring to, and whether we seek to protect values from the past or present. Additionally, it is important to distinguish which values are worth preserving and which should be rejected, as every society harbors both values and what could be termed anti-values. Furthermore, we must consider whose spiritual and moral traditions are being protected: those of the Russian nation, or those of the populations of historical states that can be called Russian; the traditions of the elite, or those of the majority. Lastly, if the goal of protecting traditional values is to safeguard certain “civilizational” traits, additional justification is needed to protect values that are not only unique to Russians but also claim to be universal. In conclusion, while the protection of traditional values can be morally justified, it is essential to address complex questions about the nature and representation of these “Russian spiritual and moral values” referenced by political actors and legal documents in order to provide a solid foundation for their protection.

Keywords: traditional values; conservatism; civilization; national identity; Russian worldview

Преобразование и реконструкция: традиционные российские ценности и российская модернизация

Аннотация. После распада Советского Союза резкая социальная трансформация потребовала новых духовных ориентиров. В процессе преобразования и реконструкции традиционные российские ценности отвечают на вызовы времени; их теоретическая основа включает автократию, коллективизм, идею спасения и иерархию. Данное исследование выявляет теоретическую и общественно-психологическую базу для модернизационной трансформации России. Автор приходит к выводу, что возрождение неоконсерватизма и неоевразийства в их взаимосвязи формирует будущее направление современной трансформации традиционных российских ценностей.

Ключевые слова: традиционные ценности, модернизация, православие, нравственность, неоконсерватизм

Необходимость преобразования традиционных российских ценностей. После распада Советского Союза, с утратой марксистскими ценностями доминирующего положения и быстрым упадком западных политических и ценностных концепций, возрождаются традиционные ценности, основанные на православной этике. Они играют незаменимую роль важного духовного источника в различных сферах государственной и общественной жизни России, превосходящего религиозные границы. Однако ядро православной этики вступает в противоречие и конфликты с современными концепциями, что препятствует процессу модернизации России.

Во-первых, с точки зрения социальных ценностей, после распада Советского Союза российский народ, столкнувшись с серьезными страданиями, выбрал возврат к православным ценностям как способ спасения от морального хаоса и кризиса

веры в России. Православная этика содержит в себе приоритет духовного над материальным, гуманизм, патриотизм и другие духовные ядра традиционной русской культуры, что сыграло важную роль в первоначальном восстановлении социальных ценностей в России. Однако эти идеи вступили в конфликт с современными культурными ценностями, рыночной экономикой и демократическими политическими идеями, оказав негативное влияние на экономическое развитие. Православная этика акцентирует внимание на чистоте души, склонности к аскетизму, неразделимости духовной и светской морали, а также на нереалистичности, иррациональных религиозных эстетических идеалах и апокалиптических стремлениях, что определяет ее отличие от западного христианства. В отличие от католицизма и протестантизма, она не обладает практичностью и светскостью в повседневной жизни, более склонна к трансцендентным ценностям, пренебрегает и недооценивает стремление к материальным ценностям и практической деятельности в реальной жизни, протivoстоит рациональному мышлению и отвергает этику самоконтроля, почитаемую на Западе. Очевидно, что эти духовные особенности православной этики и ее ценности вступают в резкое внутреннее противоречие с сущностью «духа капитализма», который, согласно Максус Веберу, основан на концепции призвания и строгих рациональных расчетах, стремящихся к материальному богатству как к инструменту достижения личных ценностных целей. В связи с этим российский процесс модернизации остро нуждается в более прагматичной социальной ценностной системе для создания культурной среды, обеспечивающей эффективное функционирование демократической политики и рыночной экономики.

Во-вторых, с точки зрения экономического развития, православие среди трех основных ветвей христианства является наименее склонным к переменам и более приверженным древним догмам. В истории христианства католицизм и протестантизм не раз обновляли и развивали древние христианские каноны и догматы, в то время как православие никогда не затрагивало вопросы реформ в учении и догматике. В отличие от протестантизма и католицизма, православная экономическая этика обладает особенностями, которые менее способствуют экономическому развитию. Прежде всего, православная эти-

ка сосредотачивается на духовных стремлениях к монашеству и пренебрегает вопросами реальной жизни, поэтому ей недостает практичности и реалистичности в решении насущных задач. Кроме того, православная этика не различает монашескую и светскую мораль, и все верующие направляют свои устремления к монашескому идеалу, что сильно влияет на отношение мирян к экономической деятельности, лишая ее религиозного оправдания и приводя к смешению понятий бедности и праведности. В то же время католицизм всегда четко разграничивает монашескую и светскую этику, а бедность не соответствует стандартам протестантской этики, где богатство считается признаком божественной милости к верующему. Более того, в отношении к научным знаниям православная этика ярко выражает тенденцию противостояния науке, тогда как католическая церковь уже в I веке утвердила правило уважения к научным знаниям, а протестантизм тесно связан с грамотностью и освоением новых технологий. Очевидно, что уважение к знаниям и науке в католицизме и протестантизме сыграло значительную роль в ускорении экономического развития. Таким образом, православная этика в целом не соответствует актуальным потребностям модернизационной трансформации России.

В-третьих, что касается национальной политики, православие, будучи духовной опорой России, сыграло важную роль в создании и укреплении централизованного российского государства. Тем не менее, на фоне изменений в истории российского государства и православной церкви, Патриарх всея Руси Кирилл в 2009 г. вновь обратился к идее «симфонии» – традиционной модели «гармоничного взаимодействия государства и церкви». Во-первых, эта концепция переворачивает отношения между государством и церковью, подчеркивая духовный приоритет церкви перед государством, что представляет собой своего рода реакцию на демократию. Во-вторых, идеал «симфонии» Кирилла не соответствует исторической реальности и современному понятию о государственности в России: в условиях, когда отделение церкви от государства является необратимой тенденцией в современном мире, Россия не может откатиться назад к традиционной теократии; модернизация страны будет успешнее развиваться только в рамках правового демократического государства. В-третьих, «симфония» Кирилла

носит имперский характер: полное слияние и взаимодействие государства и церкви по византийскому образцу не является оптимальным способом решения вопросов взаимоотношения церкви и государства и не соответствует поступательному движению истории.

Теоретическое ядро традиционных российских ценностей. Традиционные российские ценности были пронесены через превратности истории, в основном они формировались и функционировали в границах консервативного мышления.

Во-первых, основой традиционной российской теории ценностей выступают автократия и патернализм. Православная религиозно-политическая доктрина власти как теократии наделяла российский абсолютизм ореолом святости, обосновывая это тем, что в его системе монарх от имени государства несет прямую ответственность непосредственно перед Богом и является орудием Божьего промысла в светском мире, источником порядка, морали и веры. Даже перед лицом краха российской монархии в начале XX в. консерваторы все еще продолжали возлагать свои надежды на появление «сильного человека», пусть и извне системы.

Во-вторых, основным содержанием традиционных российских ценностей является коллективизм. Российский коллективизм тесно связан с уникальной системой сельской общины и православным духом «соборности». Духовная «соборность» православия координирует автономию сельской общины, государственную власть и права личности, способствуя формированию российского коллективизма и его внутренней интеграции в «русский дух».

В-третьих, идея спасения является корнем имперской идеи в традиционных российских ценностях. Специфическая для российского духовного сознания идея спасения в православии и концепция «Москва – Третий Рим» являются основой антизападной модели и имперских устремлений. Эти идеи определяют русских как единственных избранных Богом, призванных спасти весь мир, продолжая божественную миссию на земле, что наделяет Россию духовным и моральным превосходством по отношению к западному миру.

В-четвертых, иерархия является основным принципом стабильности традиционных российских ценностей. Иерархи-

ческая система предполагает, что люди разного уровня несут разные социальные обязанности, получают разный социальный статус и вознаграждение. Это важная гарантия сохранения консервативной монархии и устойчивого общественного порядка. Строгая иерархия используется консерваторами для поддержания консервативной власти и стабильности социального порядка.

В заключение отметим, что перед лицом вызванных влиянием либеральной идеологии социальных преобразований традиционные ценности, которые стремится сохранить российский консерватизм, включают в себя автократию и патернализм, коллективизм, идею спасения и иерархию. Эти ценности становятся основой для создания уникальной цивилизационной парадигмы и развития собственного пути, противостоящего разрушительному воздействию вестернизации на Россию. В спектре политического консерватизма ценности, которые защищает российский консерватизм, находятся в противоречии с классической парадигмой западного консерватизма. Тем не менее, цели у них схожи – достижение политических эффектов, таких как мощный контроль и упорядоченная свобода, реальное ограничение и рациональные границы элитизации политической демократии. Это направление соответствует возрождению и развитию российского консерватизма после распада Советского Союза и определяет цели, к которым стремится Россия в процессе модернизации своих традиционных ценностей.

Реконструкция традиционных российских ценностей. На протяжении более тридцати лет традиционные российские ценности проявлялись во взаимодействии с социальной трансформацией в виде различных философских направлений. Эти направления, следуя своим собственным логическим путям, исследуют пути реализации современной трансформации традиционных российских ценностей. В настоящее время, когда Россия вновь находится на перепутье социальных изменений, возрождение неоконсерватизма в сочетании с новой евразийской идеологии формирует будущее направление модернизации традиционных российских ценностей, основная цель которой заключается в переосмыслении российской цивилизации и позиции государства.

После распада Советского Союза возвращение «русской мысли», возрождение православия и подъем консерватизма взаимно проникают друг в друга в сфере общественных ценностей, религиозной веры и политической практики, что постепенно приводит к воссозданию традиционного русского консерватизма и формированию неоконсерватизма, или так называемого современного консерватизма. С одной стороны, неоконсерватизм уделяет больше внимания восприятию новых элементов современной цивилизации и разумных положений других течений. С середины 1990-х гг. до настоящего времени неоконсерватизм сосуществует с новыми православными идеями, патриотизмом, неомарксизмом и другими течениями, особенно впитывая элементы нового православного сознания, неоевразийства и национализма, которые связаны с традиционными российскими ценностями, стремясь сочетать традицию и современность в стремлении к обновлению основ российских ценностей. С другой стороны, неоконсерватизм не только активно исследует философские теории и переосмысление ценностей, но и реализует себя в политических кампаниях и деятельности политических партий. В эпоху глобализации самой важной миссией неоконсерватизма является формирование философской методологии, направленной на переосмысление подходов к новому мировому порядку.

В то же время за распадом Советского Союза и повторным открытием культурного наследия русской эмиграции, философия евразийства была возрождена в современной России и, в условиях резкой социальной трансформации, породила новое евразийство, оказывая прямое влияние на социальную мысль, политику и международные отношения России. Евразийство, основываясь на геополитике и этнологии, стремится решить проблему неопределенности в определении цивилизационной идентичности России через теорию евразийской цивилизации. На основе глубокого философского обоснования оно выдвигает концепцию реконструкции российской цивилизации и нового мирового порядка, исследуя вопросы о типе российской цивилизации, путях развития России и ее роли в мировом порядке и идентичности. Стремясь раскрыть философский код России, евразийство старается создать ценностную основу для евразийского сообщества и освободить Россию

от многовекового противостояния «славянофилов» и «западников» в бесконечном споре о западной и восточной цивилизациях. Евразийство также раскрывает единство различных цивилизаций в мировом историческом процессе и диалектическую взаимозависимость Востока и Запада, подтверждая уникальность российско-евразийской цивилизации как одного из полюсов многополярного цивилизационного мира. Эта уникальность представляет собой альтернативный проект глобализации и не-западной модели модернизации, основанной на историко-культурных и этических ценностях. В конечном итоге евразийство стремится переосмыслить развитие России и утвердить новый мировой порядок, противостоя западному цивилизационному превосходству, либеральной идеологии и старому мировому политическому порядку, возглавляемому США и Европой.

На основе вышеприведенного исследования современная реконструкция традиционных российских ценностей проявляется следующим образом: с одной стороны, через сопряжение неоконсерватизма и неоевразийства формируется уникальная евразийская идентичность, служащая теоретической и светской основой для воссоздания «Новой России» и использующая многополярный подход для противостояния превосходству западной цивилизации; с другой стороны, на основе синтеза православной этики и философии неоконсерватизма в новом культурном, философском и политическом контексте сознательно усиливаются историческая преемственность российской цивилизации, уникальность евразийской идентичности, духовное первенство православия, коллективизм, патриотизм и другие традиционные ценности. Это направлено на реконструкцию российского «духовного мира» и поиск альтернативы западным ценностям, таким как свобода, демократия и права человека, для противостояния международному старому порядку и выполнения исторической и политической миссии по формированию нового мирового порядка.

Несмотря на то, что в настоящее время в России еще не сложилась весомая и системная новая ценностная модель, впоследствии непременно будет сформирована новая система ценностей, зарождаемая в традиции, но отличная от нее.

Lishuang Guo

School of Marxism, Fudan University, Shanghai, China. E-mail: guolishuang812@163.com

Transformation and Reconstruction: Traditional Russian Values and Russian Modernization

Abstract. This paper aims to outline a theoretical and socio-psychological foundation behind Russia's modernization. Following the dissolution of the Soviet Union, the rapid pace of social transformation created a need for new spiritual guidelines. In this process of change and reconstruction, traditional Russian values emerged in response to contemporary challenges, with their theoretical roots grounded in autocracy, collectivism, the idea of salvation, and hierarchy. The paper argues that the revival of neoconservatism and neo-Eurasianism, through their interconnectedness, will shape the future trajectory of Russia's transformation, influencing the role of traditional values in modern society.

Keywords: traditional values; modernization; Orthodoxy; morality; neoconservatism

Перспективы развития историографии и современного публичного права

УДК 34

Сергей Владимирович Кодан
Институт государства и права РАН
г. Москва, Россия
E-mail: svk2005@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4041-625X
SPIN-код: 8725-9656

Историография в юриспруденции: междисциплинарные пространства взаимодействия

Аннотация. В статье показываются междисциплинарные истоки историографии как относительно нового научного направления в юриспруденции и ее место в отраслевой и дисциплинарной структуре юридической науки. Особое внимание акцентируется на междисциплинарных основаниях и направлениях историографических исследований в социогуманитаристике с их проекцией на сферу исследований государственно-правового характера в юриспруденции. Выделяются сферы коммуникационных взаимодействий историографии в юриспруденции с другими науками социально-гуманитарного профиля в контексте их значения и влияния на спектр историографических исследований в юридической науке.

Ключевые слова: социально-гуманитарные науки, историография в социогуманитаристике, историография в научно-познавательной деятельности, историография в структуре юриспруденции, юридическая историография, междисциплинарность юридической историографии

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого Федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Развитие современной юриспруденции характеризуется выходом на новые исследовательские направления, возникающие на пересечении с другими областями научного знания и научными дисциплинами. Одним из таких научных направлений в современной юридической науке является историография, которая в последние годы обрела свои контуры (Кодан 2020). Отметим, что в юридической науке уже достаточно четко артикулирована проблема формирования современных подходов к историографическим исследованиям (Горбань 2024). Такое внимание к формирующемуся историографическому направлению в современной отечественной юриспруденции ставит ряд проблем и в первую очередь вопрос о междисциплинарности юридической историографии.

1. Междисциплинарные истоки историографического направления в социогуманитаристике и юриспруденции тесно взаимосвязаны. Прародительницей историографии является историческая наука. В ее рамках формируется понимание историографии в широком смысле как истории исторической науки в целом и отдельных входящих в ее состав научных дисциплин, а также в узком смысле как совокупности исторических исследований, посвященных определенной эпохе, теме, проблеме или относящихся к национальной исторической науке в отдельной стране. Соответственно, историография, уходя своим истоками в историческую науку Древней Греции и Древнего Рима, по мере становления и развития начинает не только определять теоретико-методологические основы изучения историографических процессов в своей области знания, но и оказывать воздействие на изучение истории развития других наук. В европейской, а затем и в российской науке в XIX–XX вв. зародилась и стала устойчивой традиция работы с историогра-

фическими источниками – опора в исследованиях на труды предшественников с представлением в собственных трудах образцов критического анализа вклада ученых в изучаемую область знания.

Историография в XX в. вышла за пределы исторической науки и стала локомотивом для историографических изысканий в различных существующих и возникающих научных дисциплинах и отраслях знаний. Историография позиционировалась в качестве особого направления в философии науки, науковедении, в работах по истории отдельных отраслей научного знания и научных дисциплин. Многочисленные методологические повороты в социально-гуманитарных науках во второй половине XX в. привели к определению новых проблемных полей и междисциплинарных подходов, в результате чего сформировались новые исследовательские направления – историография интеллектуальной истории, биографическая историография, источниковедение историографии и др. К началу XXI в. понимание того, что историография отражает развитие как науки в целом, ее отдельных отраслей и дисциплин, исследовательских направлений, так и научных проблем, становится аксиоматичным.

Историография в современной социогуманитаристике выступает как тип знания синтетического характера и определяет общие теоретические и методологические основы для работы в историографических пространствах науки в целом, отдельных отраслей знания и научных дисциплин, в различных исследовательских направлениях и проекциях конкретных исследований как в дисциплинарных средах, так и в междисциплинарных взаимодействиях.

Историография в российской юриспруденции как исследовательское направление формируется в XIX–XX вв. и в настоящее время находится в стадии становления и определения своего места, роли, задач и функций, а также позиционирования в структуре юридической науки. Современная юридическая наука, впитывая и адаптируя историографические разработки различных социально-гуманитарных наук, формирует собственное понимание роли и значения развития историографии в рамках своего объекта познания. В научный оборот начинает входить терминологическое обозначение указанного

направления «юридическая историография» (Кожевина 2023). И хотя такое обозначение историографии в юриспруденции обладает определенной долей условности, но оно может использоваться для позиционирования данного направления и научной дисциплины в юриспруденции, поскольку специфика историографических процессов в юриспруденции связана с юридической (государственно-правовой) сферой жизнедеятельности общества и эти процессы находятся в сфере изучения юридической науки. Необходимо отметить, что историографические исследования в современной юриспруденции в их классическом понимании наиболее характерны преимущественно для историко-юридических наук, хотя начинают появляться и в отраслевых науках.

Подытоживая сказанное, можно констатировать, что для юриспруденции историографическое направление исследований в принципе носит междисциплинарный характер и историография так или иначе присутствует во всех отраслях и дисциплинах юридической науки. При этом особо следует подчеркнуть, что социогуманитаристика для юридической науки задает общие и основные теоретико-методологические параметры, модели и конструкции изучения историографического пространства. Соответственно, и историография в юриспруденции, как и в других науках социально-гуманитарного профиля, взаимосвязана с историографическим знанием в социогуманитаристике.

2. Междисциплинарность предмета историографии в современной социогуманитаристике и юриспруденции обусловлена тем, что данный предмет по своей общей направленности для них идентичен – обращается к истории отдельных отраслей науки и научных дисциплин и охватывает, как подчеркивает Л.А. Маркова, «различные формы историко-научных реконструкций, которые изображают реальный исторический процесс развития науки на базе соответствующих месту и времени методов исследования, способов отбора, описания и интерпретации научных текстов, открытий, научных теорий» (Маркова 2009: 333-334).

Предметная направленность юридической историографии ориентируется на изучение процессов познания государственно-правовых явлений и институтов через науч-

ные труды ученых-юристов, исследование их научной биографии и творческого процесса создания произведений, механизмов накопления, сохранения и передачи историографической информации, а также других вопросов историографического характера в юриспруденции.

Целевые установки юридической историографии в общем плане определяются ее предметной направленностью, связаны с отбором, анализом и предоставлением информации о находящемся в массе научных исследований ученых (как отражении истории развития отдельной области знаний, научной деятельности ученых и их теоретических подходов, методологии, методик и технологий изучения историографических носителей информации) и служат для осуществления образовательных, исследовательских и правоприменительных практик. Соответственно выстраиваются *задачи и функции историографии в юриспруденции*.

Позиционирование историографии в системе юридических наук представляется важным для понимания ее места в пространстве последних. Проблема прежде всего состоит в том, что статус историографии в структуре юриспруденции в настоящее время не определен и явно просматривается необходимость выделения в данной структуре особой группы наук – служебных наук, по аналогии со вспомогательными/специальными дисциплинами в исторической науке, литературоведении и пр. Служебные юридические науки по самому их названию и содержательной направленности носят служебный (вспомогательный, подсобный) характер, объектом их изучения является комплекс проблем, относящихся к философии юридической науки, науковедению, методологии, историографии и источниковедению в юридической науке. Таким образом, они служат развитию юридической науки в целом и ее отдельных дисциплин (которые представляют для них «знания о знаниях» и через посредство которых функционирует «система кодирования, воспроизводства и трансляции определенных умений, опыта, знаний») и в них «выражена и репродуцируется способность человека владеть им же достигнутым знанием универсума и источниками этого знания и воспроизводить их во времени и пространстве» (Мамардашвили 1982: 42).

Основания для дисциплинарной демаркации служебных юридических наук определяются их специфическими чертами: предметной направленностью, местом в исследовательских и образовательных программах, значением для формирования и развития ученого как центрального субъекта научной деятельности – и соответствуют критериям для обособления совокупности знаний в отдельную самостоятельную отрасль юридического знания (Сырых 2012: 108-111). Думается, что по мере своего развития и юридическая историография может «вырасти» до статуса самостоятельной юридической научной и образовательной дисциплины, как и юридическое науковедение, история юриспруденции, юридическая методология и юридическое источниковедение (Кодан 2020).

В заключение отметим, что юридическая историография в качестве нового исследовательского направления и будущей научной дисциплины начинает обретать свое познавательное пространство. Для создания базовых теоретико-методологических оснований выделения в структуре юридической науки юридической историографии накопленные в ходе развития социально-гуманитарных наук теоретико-методологические историографические знания требуют основательной проработки и адаптации к специфике юридической науки на отраслевом и дисциплинарном уровнях.

3. Междисциплинарные взаимодействия социогуманитаристики и юриспруденции в историографических исследованиях проявляются в двух проекциях – *основания знаний в сфере историографии и направления историографических изысканий*, которые уже достаточно хорошо отрефлексированы в ряде научных отраслей. Их освоение представляется крайне необходимым для становления юридической историографии.

Основания историографического знания опираются на спектр знаний, которые показывают многомерность историографического пространства и являются необходимым базисом для исследовательских практик юриста-историографа. Можно выделить культурно-познавательные, теоретические и методологические основания юридической историографии.

Культурно-познавательные основания юридической историографии выступают исходными научно-мировоззренческими

ориентирами при проведении историографических исследований. Рассматривая их, необходимо учитывать взаимодействие историографии с такими общественными культурными феноменами, как научная память, научное наследие, интеллектуальная рецепция, научные традиции, преемственность в науке. Культурно-познавательные основания юридической историографии опосредуют влияние на научное познание указанных социокультурных феноменов путем включения их в мировоззренческие установки и исследовательские практики.

Теоретические основания юридической историографии строятся на соответствующих наработках в социогуманитаристике в целом с адаптацией к специфике историографии в юриспруденции, переводит их на уровень отдельной группы научных дисциплин юридического профиля, создавая базу для историографических изысканий с учетом их предметной специфики. Здесь важно обращение юриста-историографа к знаниям о предметной сфере, задачах и функциях юридической историографии, к исследовательским моделям и конструктам изучения историографии и другим вопросам общего характера, позволяющим преломить их к потребностям изучения историографических процессов в юриспруденции.

Методологические основания юридической историографии формируются в контексте общих знаний методологического характера в историографии социогуманитаристики, рассматриваемых в качестве методологического инструментария для проведения историографических исследований в юриспруденции. Здесь исследователь опирается на принципы, методы, подходы, методики и технологии, которые позволяют получить точные, достоверные и проверяемые результаты изучения историографических явлений, процессов, массивов научной литературы и источников, провести их качественный анализ и т.п. Методологические основания юридической историографии дают возможность с учетом историографического опыта в социально-гуманитарных науках выстроить и отработать методологический инструментарий для юридической историографии.

Направления историографических исследований показывают векторы изучения историографического материала и создания научных трудов в этой сфере. Каждое направление

в отдельности и различные их комбинации позволяют определить стратегии историографических исследований. Исходя из анализа литературы и изучения исследовательских практик в различных отраслях социально-гуманитарных наук, представляется возможным обозначить следующие направления историографических исследований.

Историографическо-научоведческое направление обеспечивает изучение истории развития научного знания в юридической науке в целом, в отдельных ее отраслях и научных дисциплинах в рамках исследования их генезиса, тенденций развития, структурирования, механизмов межличностной и коллективной передачи знаний, опыта научной деятельности и функционирования научных школ, оснований выделения и систем наукометрических показателей и пр. Это направление находит выражение в форме различных тематических исследований на стыке историографии и других наук социально-гуманитарного и юридического профиля. Данные исследования могут способствовать выделению и становлению нового научного направления и дисциплины юриспруденции – юридического науковедения.

Историографическо-интеллектуальное направление во взаимосвязи с культурным и социальным контекстами занимается изучением различных видов творческой деятельности человека в юриспруденции, их генезиса и развития, научного творчества интеллектуалов в различных областях знаний, опыта усвоения и трансформации их идей в обществе в ретроспективных проекциях и современности. Историографические исследования данного направления связаны с различными аспектами интеллектуальной истории – истории идей, истории общественной, политической, философской, исторической, государственно-правовой мысли, истории элит и т.д. Особое значение для юриспруденции здесь представляют работы по историографии философии права, истории учений о государстве и праве, теории государства и права и историографическим аспектам отраслевых наук.

Историографическо-проблемное направление традиционно устремлено на изучение отдельных сфер, тем и проблем юридической науки на отраслевом, дисциплинарном и конкретно-исследовательском уровнях. Реализуется в раз-

нообразных формах через анализ степени разработанности тематики и проблематики в научной литературе для подготовки монографии, диссертации, научных проектов, создания обзоров литературы по отдельным темам и проблемам в рамках различных наук, включая юриспруденцию. Соответственно, исследования данного направления позволяют не только определить уровень проработанности отдельных вопросов в юридической литературе, но и выявить новые, не освоенные юриспруденцией пространства, показать их актуальность, научную и прикладную значимость для развития юриспруденции.

Историографическо-биографическое направление сосредотачивается на изучении вклада мыслителей и ученых в юридическую науку, в научное знание, научное наследие, рассматривая его через призму и на фоне жизненного пути, в контексте факторов, акторов и разного рода ситуаций и других аспектов, влияющих на научную деятельность и создание научных трудов. Оно находит выражение в различных формах исследований – биографических справках, биографическо-проблемных аналитических работах, интеллектуальных биографиях и т.д. Указанное направление позволяет не только персонализировать юриспруденцию, но и на основе личностных примеров показать сохранение в ней складывавшихся столетиями научных традиций, исследовательскую преемственность, формирование и становление научных школ, место и роль в них ученых-лидеров.

Историографическо-источниковедческое направление нацелено на изучение носителей историографической информации в юриспруденции – комплексов документов и материалов, которые включают в себя различные опубликованные и архивные документы, источники личного происхождения, периодическую печать и относятся к истории развития отдельных отраслей юридического знания и научных дисциплин, индивидуальной и коллективной научной деятельности ученых, ее условиям, творческим процессам и исканиям, полученным результатам и другим аспектам развития науки. Реализацией данного направления служат обзоры, описания отдельных типов и видов источников или их комплексов и иных носителей информации юридико-историографического характера. В юриспруденции

эти вопросы прорабатываются также и в рамках юридического источниковедения.

В заключение подчеркнем, что юридическая историография как исследовательское пространство требует от историографа достаточно широкого круга знаний, составляющих основу для проведения качественных изысканий в этой сфере. Опора на историографические теоретико-методологические наработки и исследовательские направления, сложившиеся в различных гуманитарных науках, использование их при работе с историографическим материалом в юриспруденции дает возможность получить новые результаты, существенно расширяющие представления о государственно-правовых явлениях и институтах. Полагаем, что и сама юридическая биографика может выделиться в самостоятельную научную и образовательную дисциплину.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Горбань В.С. 2024. Формирование современной историографической модели политико-правовых знаний // Государство и право. № 7. С. 64–78. DOI: 10.31857/S1026945224070055

Кодан С.В. 2020. Историография юридической науки в современных образовательных и исследовательских практиках // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. № 3. С. 12–18. DOI: 10.36511/2078-5356-2020-3-12-18

Кожевина М.А. 2023. Юридическая историография в системе познавательных средств отечественной юридической науки // Правоприменение в публичном и частном праве : материалы Международ. науч. конф., Омск, 24 марта 2023 г. / отв. ред. Т.Ф. Ящук. Омск : Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского. С. 32–36.

Мамардашвили М.К. 1982. Наука и культура // Методологические проблемы историко-научных исследований : сб. статей / отв. ред. И.С. Тимофеев. Москва : Наука. С. 38–58.

Маркова Л.А. 2009. Историография науки // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И.Т. Касавина. Москва : Канон+ : РООИ «Реабилитация». С. 333–334.

Сырых В.М. 2012. История и методология юридической науки. Москва : Норма, Инфра-М. 464 с.

Sergey V. Kodan

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: svk2005@yandex.ru

Historiography in Jurisprudence: Interactive Interdisciplinary Spaces

Abstract. The article examines the interdisciplinary origins of historiography as a relatively new direction in terms of its positioning in the sectoral and disciplinary structure of legal science. Particular attention is focused on the interdisciplinary foundations and directions of historiographic research in socio-humanitarian studies as projected onto the sphere of research of a state-legal nature in jurisprudence. At the same time, areas of communicative interactions between historiography in jurisprudence and other social and humanitarian sciences can be identified in the context of their significance and influence on the spectrum of historiographic research in the juridical sciences.

Keywords: social and humanitarian sciences; historiography in social and humanitarian studies; historiography in scientific and cognitive activity; historiography in the structure of jurisprudence; legal historiography; interdisciplinarity of legal historiography

Валентина Викторовна Руденко
Институт государственного права РАН
г. Москва, Россия
E-mail: emikh_valentina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6641-691X
Researcher ID: N-6495-2016
SPIN-код: 4985-2588

Политика памяти в документах стратегического планирования Российской Федерации

Аннотация. В статье проанализированы ключевые документы стратегического планирования на предмет полноты и достаточности регулирования реализации политики памяти в Российской Федерации. На основе проведенного анализа автор обозначает следующие проблемы. На законодательном уровне не сформулированы определения объектов правовой охраны в рамках политики памяти. Не сформирована институциональная основа реализации политики памяти. Не решенной остается проблема разграничения компетенции в области реализации политики памяти как между федеральными органами власти, так и между органами государственной власти и субъектов. Отсутствует четко оформленный в содержательном плане механизм реализации политики памяти, состоящий из конкретных мер и мероприятий. Проблематично отследить успешность реализации политики памяти. Остро стоит вопрос экспертно-аналитического сопровождения правовых решений по вопросам защиты исторической правды. Сделан вывод о целесообразности разработки и принятия Концепции политики памяти Российской Федерации, которая бы предусматривала: общие принципы осуществления политики памяти, права и обязанности органов государственной власти и субъектов в части реализации политики памяти, комплекс мер и мероприятий, направленных на защиту исторической правды, недопущение искажения исторической правды, конкретные меры ответственности; показатели реализации концепции.

Ключевые слова: историческая правда, стратегическое планирование, национальная безопасность, национальные интересы, суверенитет, историческое просвещение, образование, гражданская идентичность

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели

политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

В последние годы в дискурсе российских политиков на первый план вышла риторика укрепления государственного суверенитета, отстаивания национальных интересов, упрочения мировых позиций России, противостояния недружественным странам и территориальным образованиям. Ключевые смыслы описанных тенденций были заданы конституционной реформой 2020 г., в рамках которой была оформлена конституционная идентичность Российского государства, зафиксированы мировоззренческие основы, социокультурные ценности и политико-правовые идеалы, заложены ценностные ряды, фундирующие гражданскую и культурную идентичность. Такая модель конституции получила в научной доктрине название «социально-ценностной» (Хабриева 2021: 8), что подчеркивает институционализацию ценностных установок российских государства и общества.

Именно в ходе реформы 2020 г. категория «историческая правда» внедрена в конституционный текст и функция по защите исторической правды получила конституционное закрепление (ч. 3 ст. 67 Конституции¹). Конституционализация категории «историческая правда» влечет определенные юридические последствия: 1) историческая правда как ценность получает конституционно-правовую охрану; 2) статус конституционно-правовой ценности свидетельствует о том, что данная категория становится мерилom права; 3) Конституционный Суд может опираться на эту категорию для аргументации преваляирования тех или иных ценностей.

Для совершенствования нормативного оформления стратегических подходов к политике памяти в статье ставятся

¹ Конституция Российской Федерации 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 30.10.2024).

следующие задачи: 1) проанализировать роль документов стратегического планирования в формировании исторической политики; 2) оценить полноту и достаточность имеющегося регулирования; 3) предложить возможные пути совершенствования регулирования в этой сфере. Данные задачи решаются преимущественно в рамках политологических исследований (Миллер 2020; Русакова 2023; Фишман 2024), но юридические конструкции и терминология в этих случаях получают интерпретацию через специфическую оптику: так норма о противодействии государству распространению деструктивной идеологии квалифицируется как исключение не придерживающихся традиционных ценностей граждан из правового поля (Головашина 2024: 43), изучаются понятия «режим памяти» и «режим исторической памяти», но в ракурсе, отличном от привычного юристам понятия «правовой режим» (Русакова 2023) и др. Ввиду многоаспектности вопросов политики памяти только диалог исследователей способен обеспечить консенсус по реализуемым государством коммеморативным практикам.

Систематизированный документ стратегического планирования, который бы определил политику памяти в России, отсутствует – ее основы закладывает совокупность документов, разрабатываемых в рамках прогнозирования, целеполагания, планирования и программирования, в том числе национальные проекты и государственные программы. В предлагаемой статье внимание уделяется документам, разрабатываемым в рамках целеполагания, включая послания Президента Российской Федерации, поскольку именно они формируют установку приоритетных задач и предлагают алгоритм их решения.

Наибольшее внимание вопросам защиты исторической правды уделяется Стратегией национальной безопасности². Анализируемый документ содержит п. 93, в котором задачи по защите исторической правды расположены в одном ряду с задачами

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27. Ст. 5351.

по защите традиционных ценностей. Это свидетельствует о том, что категория «историческая правда», хотя и не называется среди ценностей, закладывающих фундамент общегражданской идентичности, тем не менее связана с ними.

Защита исторической памяти, в соответствии с данным документом, осуществляется посредством постановки разноплановых задач, касающихся как исторической, так и моральной идентичности: укрепление гражданского единства, гражданского самосознания, межнационального и межконфессионального согласия, сохранение самобытности российской нации; обеспечение преемственности в развитии государства и его исторически сложившегося единства, противодействие фальсификации истории; сохранение преемственности поколений россиян; усиление в массовом сознании роли традиционных ценностей, неприятие гражданами навязываемых извне деструктивных идей; развитие системы образования как основы формирования социально ответственной личности; патриотическое воспитание граждан; укрепление культурного суверенитета; популяризация достижений российских деятелей в разных сферах; защита общества от внешней идейно-ценностной экспансии (п. 93). Анализ обозначенных задач говорит о том, что функция защиты исторической памяти реализуется посредством разнообразных мер в рамках идентитарной, языковой, миграционной политики, политики в сфере образования, спорта, культуры, политики по сохранению традиционных ценностей и других направлений политики.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года³ вводит дефиницию гражданского самосознания и задает модель солидаризированной общности с едиными ценностными основаниями, – российской нации. Точного перечня таких оснований Стратегия не предлагает, но, опираясь на текст, можно сделать вывод, что это патриотизм, единый культурный код, историческое и культурное наследие народов России, служение Отечеству, семья, созидательный труд, гуманизм, социальная справедливость,

³ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утв. Указом Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52. Ст. 7477.

взаимопомощь, коллективизм и др. Ценностям исторической направленности в Стратегии также уделяется внимание. Среди таковых можно называть чувство гордости за историю России и уважение российской истории и культуры. Историческое наследие народов России лежит в основе гражданского единства и составляет часть единого культурного (цивилизационного) кода общества. Русский народ рассматривается в качестве системообразующего звена единения народов России. Первостепенная роль русского народа должна быть показана в рамках реализации политики памяти в образовании, спорте, науке и других сферах.

Термин «историческая правда» в Стратегии не используется, но меры реализации национальной политики в сфере укрепления гражданского единства российской нации и поддержки этнокультурного и языкового многообразия России связаны с политикой памяти. Примечательно, что анализируемая Стратегия была принята в 2012 г., когда были заложены основы современной политики памяти России, а именно: учреждены «Российское историческое общество» и «Российское военно-историческое общество», начата работа над проектом, в ходе которого появились тематические парки «Россия – моя история», появилась инициатива «Бессмертный полк» (Миллер 2020: 215). Показательно, что в том же году принят «закон об иностранных агентах»⁴. Данный акт значим для минимизации рисков иностранного воздействия на формируемые у граждан представления об истории России и о роли России в мировом развитии.

Исходя из толкования Стратегии, укрепление гражданского самосознания осуществляется, в том числе, на основе сохранения традиционных ценностей (п. 17 и п. 21.1). Успешность подобной тактики обусловлена универсальным характером большинства ценностей, представленных в анализируемых документах, в том числе в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей (да-

⁴ Федеральный закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» // Российская газета. 2012. 23 июля.

лее – Основы по сохранению традиционных ценностей)⁵. Среди таких ценностей – «жизнь, достоинство, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь, взаимоуважение» (п. 5 Основ), то есть, это те ценности, которые не имеют привязки к конкретному государству. Именно моральная идентичность называется исследователями ядром идентичности личности (Atkins 2008: 65). Ее существенным плюсом выступает то, что она программирует ожидания граждан в отношении других граждан, составляющих нацию, то есть позволяет воспринимать других через призму моральной идентичности. Выбранная законодателем стратегия с учетом высокой степени универсальности специально отобранных ценностей представляется вполне оправданной.

Помимо моральных ценностей в гражданскую идентичность встроены ценности исторической направленности. Выбор ценностей подобного рода представляется заведомо проигрышным вариантом в стратегическом плане ввиду отсутствия комплексной целенаправленной деятельности со стороны государства в этом направлении в течение длительного времени. Кроме того, сама по себе историческая идентичность не может претендовать на универсальный статус в отрыве от других составляющих гражданской идентичности (Сыров 2023: 10). В то же время, формируя гражданскую идентичность, важно помнить об историческом контексте: текущий набор ценностей базируется на прошлых установках и нацелен на то, чтобы на их основе выстраивать будущее. Иными словами, включение данных ценностей в правовое поле имеет рациональное зерно.

В контексте исследования роли исторической правды и памяти в структуре гражданской идентичности на уровне документов стратегического планирования обращает на себя внимание проблема используемого в данных документах понятийно-категориального аппарата. Во-первых, многие термины не характерны для правовой науки и заимствованы из других социальных наук (гражданская идентичность,

⁵ Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утв. Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // Сохранение законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

культурная идентичность, историческая память, традиционные ценности, патриотизм и др.). Во-вторых, далеко не все понятия имеют дефиниции (культурная идентичность, историческая память, историческая правда и др.), в связи с этим не ясно соотношение понятий. В-третьих, имеющиеся определения неоднозначны. Так, гражданская идентичность используется как синоним гражданского самосознания и понимается как «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества»⁶, то есть, по сути, в данном понятии смешиваются несколько видов идентичности, включая национальную и этническую. Возникает вопрос о том, насколько удачным является включение в государственную национальную политику концепта, относящегося к личности граждан, и поиске правовых средств воздействия на личность граждан. Обозначенная проблема понятийно-категориального аппарата нуждается в самостоятельном научном исследовании.

Историческая правда напрямую не названа среди традиционных ценностей. Вместе с тем, в качестве таковых указана историческая память и преемственность поколений. Историческая правда тесно связана с другими ценностями – в частности, с патриотизмом, гражданственностью, служением Отечеству и ответственностью за его судьбу. Преподавание отечественной истории в определенном ракурсе – инструмент воспитания патриотизма, гражданственности и солидаризации граждан. Вместе с тем возникает ряд неоднозначных вопросов: могут ли «историческая правда» и «историческая память» быть универсальными ценностями, присущими идентичности? Каково соотношение исторической правды, исторической памяти как конституционно-правовых ценностей и моральных ценностей? Какие юридические средства наиболее оптимальны для их универсализации? Каково соотношение свободы слова и исторической правды?

Представляется, что историческая правда может рассматриваться в качестве идеологемы, имплицитно присущей

⁶ Подп. «г» п. 4.2 Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

гражданской идентичности, но для ее универсализации как ценности на государственном уровне должны быть выработаны официальные оценки знаковых для российской государственности событий. Именно школьное и вузовское образование, как правило, выступает основным проводником таких позиций. Вот почему чрезвычайно важно разработать научно обоснованную историософскую модель политико-правовых знаний и внедрить ее в когнитивные технологии формирования ценностей у целевых групп – школьников и студентов. Историческая память – это часть исторического сознания и общественного сознания в целом. В контексте гражданской идентичности историческая правда связана с сохранением исторического и культурного наследия народов России, преемственностью их исторических традиций. Память приобретает в некоторой степени прикладное значение, становится ресурсом для государственного строительства и повышения уровня общественного благополучия (Головашина 2024: 42). В основе формирования идентичности лежат традиционные ценности, но идентичность может включать и другие ценностные основания, не противоречащие российскому праву. Так, исследователи относят к таковым солидарность, сборность, народность, воссоединение соотечественников, доверие и другие (Семенова и др. 2023).

Значимым событием в свете актуализации вопросов политики памяти стало принятие в 2024 г. Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения⁷. Историческое просвещение отделяется от образования и определяется как распространение исторических знаний в целях формирования такого понимания прошлого, которое бы конституировало общегражданскую идентичность и коллективную историческую память. Такое определение вписывается в социально-ценностную модель действующей Конституции. В документе прослеживается след евразийской идеи о социально-политическом корпоративизме, о возможности реализации геополитического потенциала в пространственной системе России-Евразии.

⁷ Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения, утв. Указом Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 20. Ст. 2587.

Россия позиционируется как государство-цивилизация, сплотившее народы на пространстве Евразии в единую культурно-историческую общность. Задаются центростремительные векторы в рамках Союзного государства и СНГ на основе духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей в целях противодействия идеологической и информационной агрессии против России. Институциональной основой реализации выступают субъекты политики в области исторического просвещения и созданная в 2021 г. Межведомственная комиссия по историческому просвещению.

В посланиях Президента Российской Федерации после 2020 г. поднимается тема традиционных ценностей и содержатся указания на необходимые меры: отстаивание и защиту духовно-нравственных ценностей, коррекция учебников истории и повышение качества учебных курсов по истории и методических разработок, направление средств на обновление домов культуры и библиотек, музеев в сельской местности, противодействие фальсификации истории в контексте информационной войны, содействие развитию культуры во вновь образованных регионах⁸. Таким образом послания в формате стратегического планирования определяют дальнейшие векторы предстоящего развития Российского государства⁹.

Почти все рассматриваемые в статье документы упоминают историко-культурные ценности, в ряду которых значимое место отводится исторической правде. Защита данной ценности необходима для обеспечения национальной безопасности России. Защищая историческую правду, историко-культурные и духовно-нравственные ценности, государство обеспечивает единство нации. Вместе с тем, имеющееся регулирование не является достаточным для оформления политики памяти. На зако-

⁸Послание Президента Российской Федерации от 21.04.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46794> (дата обращения: 30.10.2024); Послание Президента Российской Федерации от 21.02.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010> (дата обращения: 30.10.2024); Послание Президента Российской Федерации от 19.02.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431> (дата обращения: 30.10.2024).

⁹Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 3 июля. Ст. 15.

нодательном уровне не сформулированы определения объектов правовой охраны в рамках политики памяти России (нет определения понятий исторической правды, умаления подвига народа при защите Отечества, хотя отдельные составы правонарушений установлены, и др.). Также не прописана институциональная основа политики памяти: в ее реализации задействованы практически все органы исполнительной власти, но при этом координирующая структура не создана, нет непротиворечивого разграничения компетенции обозначенных органов (Елизаров 2014: 36), отсутствует четко оформленный механизм реализации политики памяти. Проблематично отследить эффективность реализации такой политики, поскольку показатели документов стратегического планирования предусмотрены лишь в отношении отдельных направлений политики. Остро стоит вопрос экспертно-аналитического сопровождения решений по вопросам исторической правды (Раттур 2024: 277).

Целесообразно для решения обозначенных выше проблем принять концепцию политики памяти, которая бы зафиксировала: принципы осуществления данной политики на территории страны и за ее пределами; права и обязанности органов публичной власти в ее реализации; меры по защите исторической правды, недопущению искажения исторической правды и разрушения исторической памяти; меры ответственности; мониторинг и показатели реализации Концепции. Историческую политику целесообразно нормативно определить как «совокупность действий, реализуемых субъектами государственной исторической политики, направленных на формирование и распространение в обществе официальных представлений об истории России, поддержку и развитие научных исследований в области истории России, формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей и любви к Родине». Концепция может быть принята Правительством РФ на основании общих полномочий по организации реализации внутренней политики, полномочий в области защиты семьи и детства, полномочий в области образования, науки и культуры¹⁰.

¹⁰ Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 9 сент. Ст. 13, 15, 21.

Практика юридического оформления исторической политики посредством документов общего характера не получила распространения в мире. В государствах с романо-германской правовой системой, которые реализуют официальную государственную историческую политику, обычно такого рода политика оформляется несколькими законодательными актами по отдельным аспектам. Такой способ оформления получил распространение в государствах Европейского союза (например, Франция, ФРГ, Венгрия, Польша и др.), в латиноамериканских странах (Аргентина, Перу, Боливия и др.), Африки (например, Танзания) и в государствах-членах СНГ (Казахстан, Республика Беларусь и др.). Опыт по созданию документов общего характера проанализирован ниже.

Историческая политика, реализуемая европейскими государствами, существенно отличается. Схематично данные отличия можно обозначить следующим образом: ядром исторической политики западноевропейских государств является факт признания Холокоста и ответственности за него, для восточноевропейских – необходимость преодоления последствий существования двух тоталитарных режимов – нацистского и коммунистического (Лифанов 2021: 80-85). В Королевстве Испания ядром исторической памяти является так называемый «Закон об исторической памяти», который признает права лиц, ставших жертвами преследований или насилия во время гражданской войны или диктатуры, и устанавливает компенсационные меры для таких лиц¹¹. Институциональную основу составляет Документальный центр исторической памяти, подведомственный Министерству культуры и спорта. В Республике Польша государственная историческая политика нормативно оформлена Законом 2016 г. о запрете пропаганды коммунизма или иных тоталитарных систем через названия организаций, подразделений, общественных зданий, сооружений и устройств, а также памятников¹²; Законом 2009 г.

¹¹ LEY 52/2007, de 26 de diciembre, por la que se reconocen y amplían derechos y se establecen medidas en favor de quienes padecieron persecución o violencia durante la guerra civil y la dictadura. URL: <https://www.boe.es/boe/dias/2007/12/27/pdfs/A53410-53416.pdf> (дата обращения: 04.11.2024).

¹² Ustawa z dnia 1 kwietnia 2016 r. o zakazie propagowania komunizmu lub innego ustroju totalitarnego przez nazwy jednostek organizacyjnych,

о внесении изменений в Закон о пенсионном обеспечении профессиональных солдат и членов их семей и Законом о пенсионном обеспечении сотрудников полиции, Агентства внутренней безопасности, Разведывательного управления, Службы военной контрразведки, Центрального антикоррупционного бюро, Пограничной службы, Государственного бюро охраны, Государственной пожарной службы и пенитенциарной службы и их семей, который изменил систему выплат для лиц, поддерживавших коммунистический режим¹⁵; Уголовным кодексом, в который в 1998 г. были включены составы так называемых «коммунистических преступлений», и др. С 1999 г. функционирует Институт национальной памяти и Министерство культуры и национального наследия, а с 2020 г. – Институт наследия национальной мысли. С 2015 г. в политической повестке Польши фигурирует разработка Стратегии польской исторической политики. Исходя из стенограммы официальной встречи по разработке обозначенной стратегии (Бельведер, Варшава, 17.11.2015), данная идея коррелирует с необходимостью отстаивания ценностей польского народа¹⁴. Однако Стратегия так и не была официально принята.

На уровне Европейского союза предпринята попытка использовать повестку исторической памяти в качестве инструмента формирования общеевропейской идентичности. Изначально ставка была сделана на Холокост, который назван «уникальной исторической референтной точкой, которая

jednostek pomocniczych gminy, budowli, obiektów i urzędzeń użyteczności publicznej oraz pomniki (Dz.U. 2016, poz. 744).

¹⁵ Ustawa z dnia 23 stycznia 2009 r. o zmianie ustawy o zaopatrzeniu emerytalnym żołnierzy zawodowych oraz ich rodzin oraz ustawy o zaopatrzeniu emerytalnym funkcjonariuszy Policji, Agencji Bezpieczeństwa Wewnętrznego, Agencji Wywiadu, Służby Kontrwywiadu Wojskowego, Centralnego Biura Antykorupcyjnego, Straży Granicznej, Biura Ochrony Rządu, Państwowej Straży Pożarnej i Służby Więziennej oraz ich rodzin (Dz.U. 2009, nr 24, poz. 145).

¹⁴ Zapis spotkania inaugurującego prace nad powstaniem Strategii Polskiej Polityki Historycznej w Belwederze. // URL: https://www.prezydent.pl/storage/file/core_files/2021/8/5/e283c89495b5691530c7545261aab539/zapis_spotkania_dot_strategii_polskiej_polityki_historycznej.pdf (дата обращения 04.11.24).

навсегда останется в памяти народов Европы»¹⁵. Затем в 2009 г. произошла переориентация на память жертв тоталитарных режимов¹⁶. Наконец, в принятой 17 января 2024 г. резолюции Европейского парламента «О европейском историческом сознании» предпринята попытка использовать вопросы памяти в качестве укрепления ценностных оснований Европейского союза. Резолюция знаменует переход от европейской «культуры памяти», которая по своей сути нисходящая и нацелена на определение того, что европейцы должны помнить, к восходящей и движимой гражданами «культуре памяти», основанной на общих европейских принципах и ценностях»¹⁷.

На постсоветском пространстве сходные с Россией тенденции в развитии законодательства по вопросам политики памяти наблюдаются в Республике Беларусь, где концепт исторической памяти включен в конституционный текст в 2022 г.: согласно ст. 15 Конституции «государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны», а в ст. 54 указывается на то, что «сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь»¹⁸. В 2022 г. создан Республиканский совет по исторической политике при администрации Президента Республики Беларусь¹⁹. Предприняты попытки официально закрепить историческую политику. В главе 12 «Сохранение национальных устоев и цен-

¹⁵ European Parliament resolution on remembrance of the Holocaust, anti-semitism and racism (2005, January 27). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2005-0018_EN.html (дата обращения: 04.11.2024).

¹⁶ European Parliament resolution on European conscience and totalitarianism (2009, April 2). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2009-0213_EN.html (дата обращения: 04.11.2024).

¹⁷ European Parliament resolution on European historical consciousness (2024, January 17). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0030_EN.html (дата обращения: 04.11.2024).

¹⁸ Конституция Республики Беларусь 1994 г. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 04.11.2024).

¹⁹ Распоряжение Президента Республики Беларусь № 22рп от 04.02.2022 «О Республиканском совете по исторической политике

ностей» Концепции информационной безопасности такая политика обозначена как элемент сохранения безопасности и указано, что она направлена «на закрепление в Беларуси и за ее пределами белорусской национальной концепции исторического прошлого страны и белорусской модели памяти»²⁰. На базе Института истории НАН Беларуси разработана Концепция истории белорусской государственности (Данилович 2018: 9-15), целью которой по сути является обоснование самобытности Белорусского государства и дистанцирование от России.

Несмотря на то, что на сегодняшний день в мире опыт принятия актов общего характера, опосредующих историческую политику, не получил широкого распространения, представляется, что в России Концепция исторической политики как документа стратегического планирования может стать эффективным инструментом формирования гражданской идентичности и воплощения исторической памяти и правды как конституционно-правовых ценностей в правовой действительности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Головашина О.В. 2024. «Культура отмены»: исключенность и историческая идентичность // Антиномии. Т. 24, вып. 3. С. 38–54. DOI 10.17506/26867206_2024_24_3_38

Данилович В. 2018. Концепция истории белорусской государственности // Наука и инновации. № 11(189). С. 9–15.

Елизаров В.Г. (сост.) 2013. О противодействии попыткам фальсификации истории народов в ущерб интересам России : сб. материалов / сост. В.Г. Елизаров. Москва : Изд. Совета Федерации. 99 с.

Лифанов С.С. 2021. Историческая память и наднациональная идентичность в западноевропейских государствах // Дискурс-Пи. Т. 18, № 4. С. 78–93. DOI 10.17506/18179568_2021_18_4_78

Миллер А.И. 2020. Политика памяти в стратегиях формирования национальных и региональных идентичностей в России: акторы, институты и практики // Новое прошлое. № 1. С. 210–217. DOI 10.18522/2500-3224-2020-1-210-217

при Администрации Президента Республики Беларусь». URL: https://president.gov.by/fp/v1/825/document-thumb_37825_original/37825.1643988447.61b64231b0.pdf (дата обращения: 04.11.2024).

²⁰ Постановление Совета безопасности Республики Беларусь от 18.03.2019 № 1 «О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь». URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P219s0001> (дата обращения: 04.11.2024).

Раттур М.В. 2024. О необходимости аналитической поддержки принятия правовых решений по защите исторической правды как конституционной ценности // Юридическая техника. № 18. С. 276–279.

Русакова О.Ф. 2023. К вопросу о понятии «режим политики памяти»: методологический анализ // Дискурс-Пи. Т. 20, № 1. С. 27–45. DOI 10.17506/18179568_2023_20_1_27

Семенова Д.М. и др. 2023. Ценности в структуре гражданской идентичности: понятие и инструменты / Д.М. Семенова, М.В. Афонин, С.А. Кудрявцев // Политконсультант. Т. 3, вып. 1. URL: <https://politicjournal.ru/PDF/04PK123.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).

Сыров В.Н. 2023. Семейная память и историческая идентичность: можно ли считать их хорошими путями для определения идентичности // Tempus et Memoria. Т. 4, № 1. С. 6–14. DOI 10.15826/tetm.2023.1.040

Фишман Л.Г. 2024. Эпоха потрясений как шанс на объединяющую российскую идентичность // Антиномии. Т. 24, вып. 1. С. 39–52. DOI 10.17506/26867206_2024_24_1_39

Хабриева Т.Я. 2021. Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. Т. 17, № 1. С. 6–12. DOI 10.12737/jflcl.2021.001

Atkins K. 2008. Narrative identity and moral identity: a practical perspective. New York : Routledge. 184 p.

Valentina V. Rudenko

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: emikh.valentina@mail.ru

Politics of Memory in the Strategic Planning Documents of the Russian Federation

Abstract. The article analyzes key strategic planning documents of the Russian Federation, including the addresses by the President to the Federal Assembly, in order to assess the adequacy and comprehensiveness of regulations governing the implementation of politics of memory in the Russian Federation. The analysis reveals several critical issues. Firstly, there is a lack of legislative definitions regarding objects of legal protection within the framework of Russia's politics of memory. Secondly, an institutional foundation for implementing this concept into memory policy remains unformed. Thirdly, the delimitation of competences related to politics of memory implementation – both among federal bodies and between the federal authorities of the Russian Federation and the constituent entities –

has not been resolved. Furthermore, there is no clearly defined mechanism outlining the content of memory policy, including specific measures and activities. As a result, tracking the effectiveness of the implementation process is challenging. The necessity for expert and analytical support for legal decisions related to the protection of historical truth is also pressing. The article concludes by recommending to develop and adopt a comprehensive concept of politics of memory, which should outline general principles for implementation of memory policy in the Russian Federation; the rights and obligations of federal and regional authorities; a detailed set of measures and activities aimed at protecting the historical truth and preventing its distortion; specific measures of accountability; and indicators to evaluate the concept's effectiveness.

Keywords: historical truth; strategic planning; national security; national interests; sovereignty; historical enlightenment; education; civil identity

Наталья Владимировна Панкевич

Институт государства и права РАН

г. Москва, Россия

E-mail: n.pankevich@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7661-1754

ResearcherID: AAO-9803-2021

SPIN-код: 8940-7486

Российская государственность и западный стратегический нарратив: идентичность против риторического принуждения

Аннотация. В статье исследуются инструментальные и содержательные формы заимствования российской общественной теорией западных идейных комплексов в период после распада СССР; оценивается их повреждающий эффект, а также предложены некоторые направления противодействия их искажающему потенциалу. Показано, что процессе трансфера заимствованных идейных комплексов был задействован инструментарий, созданный в условиях конкуренции с советской/российской моделью и прямо предназначенный для экспертного обеспечения этой конкуренции. Заимствования были направлены непосредственно в ценностный центр системы и использовались для трансформации ее идентичтарного ядра. Инструментальный характер примененных техник раскрыт через понятие стратегического нарратива как техники семантического программирования политического опыта; выявлены его содержательные компоненты, квалифицирующие признаки и область действия в идейном, социальном и управленческом пространствах. В качестве стратегических нарративов рассмотрены распространенные смысловые комплексы, применяемые для описания и самоописания российской государственности. Установлена прямая зависимость субъектности государства от сохранения конфигурации социолингвистических систем, определяющих его идентичность, и способности противостоять риторическому принуждению со стороны внешних центров влияния. Предложен ряд направлений по защите и развитию репрезентационной силы РФ в современных условиях. В частности, показано, что сохранение и защита идентичности требуют выработки нормативных самоописаний российской государственности, ее сути, смысла, идентичности с закреплением на уровне документов программно-стратегического планирования.

Ключевые слова: идентичность государства, стратегический нарратив, интеллектуальный трансплант, идентичность, риторическое принуждение, репрезентативная власть, государственный суверенитет, искажение цивилизационного развития РФ

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Введение. Катастрофический слом исторически уникальной общественной системы, которым стал распад СССР, обусловил в 1990-х необходимость переустройства российского государства в его новой форме и на новых идейных основаниях. Процесс реформ потребовал не только перенастройки политического и административного режима, пересмотра и смены принципов распределения общественных ресурсов и благ. Возникла и еще более значимая на глубинном социетальном уровне необходимость масштабного переосмысления самой сути единства, воплощенного в новом российском государстве, — преемственного по отношению к советской и российской государственности исторически более отдаленных периодов и одновременно противопоставленного ей.

Сложившаяся ситуация носила глубокий кризисный характер. Историческая неудача в форме крупнейшей геополитической катастрофы сделала невозможной опору на сложившиеся основания общественной солидарности и институты управления, маркированные с этого момента не как «особые», «прогрессивные», «превосходящие», но как исторически «ошибочные» или эмпирически «дефектные». При этом монополизация идеологического влияния и одновременное закрепление функций критической общественной теории исключительно за партийным центром советской системы закрыли возможности для формирования собственных стратегий самоописания общества, которые позволяли бы сохранить идентитарное ядро общества в период реформ.

В условиях дефицита адекватного словаря, способного описать становящуюся общественной формацию, а также необходимости использовать устоявшуюся терминологию и вместе с тем отказывать ей в доверии рассмотрение опыта целой исторической эпохи с позиции тотального отрицания стало типичной формой политического суждения в массовой и экспертной дискуссии (см., напр.: Зубов, Салмин 1991: 42).

Предполагаемая необходимость работы над ошибками, «нормализации» общественной структуры в соотнесении к моделям стран – победителей в холодной войне как условия приобщения к мировому сообществу направила интерес общественной дискуссии к замещающим описательным и аналитическим стратегиям. В рамках постсоветской ситуации они практически неизбежно приобрели форму интеллектуальных заимствований и трансплантов.

Как правило, в стандартных условиях общественного развития роль подобных заимствованных смысловых комплексов достаточно скромна. Они служат в основном в целях заполнения ниш в тех областях, где образуется дефицит нормативно-правового регулирования, и, что принципиально важно, используются преимущественно для институционального строительства. Хотя и в этом случае их воздействие может быть амбивалентным и часто становится причиной непредсказуемых негативных эффектов (Pankevich 2014: 55-57).

В ситуации катастрофического слома после распада СССР функциональная область заимствования вышла далеко за рамки локальной необходимости заполнить возникшие пробелы в диагностике проблем в общественных состояниях и осуществить поиск возможных стратегических и правовых решений по их коррекции. Интеллектуальный импорт был направлен непосредственно в ценностный центр системы и использовался для трансформации ее идентитарного ядра – ключевых смысловых комплексов и принципов самоописания, самопонимания и рефлексии. Представленная статья исследует инструментальные и содержательные формы этого заимствования, оценивает их эффект, а также выявляет некоторые направления противодействия их искажающему потенциалу.

Заимствованные стратегии: содержательный аспект. Совокупность целого ряда заимствованных подходов

в применении к российской государственности достаточно быстро приобрела согласованные очертания, несмотря на очевидно малую совместимость их методологических принципов, посылок и аксиоматики. Влиятельная в постсоветском моменте идея *конца истории* (Fukuyama 1992)¹ в свете победы западного мира в биполярном противостоянии предполагала присоединение российского социума к базовой парадигме западного общества в виде либеральной конкурентной рыночной демократии как единственно нормативной и, по сути, единственно возможной политической форме.

Утрата статуса сверхдержавы и необходимость коррекции особости российского государства в неожиданном качестве рядового участника международного сообщества нашли свое отражение в теориях демократического и рыночного *транзита*, которые обозначали конечный пункт реформ, необходимых для достижения финала локальной истории в ходе *догоняющего развития*. А новое место страны в мировом цикле производства – распределения – потребления определялось в рамках течения, постулирующего центр-периферийный характер структуры современной мировой системы. Эта позиция предсказуемо характеризовалась *(полу)периферийностью*, асимметрией участия в мировых рыночных обменах, институциональными дефицитами, недоразвитием, нерациональной структурой хозяйственного комплекса, в том числе стигмой *ресурсного проклятия*.

С течением времени замедленное продвижение российского общества в направлении *конца истории* и его неспособность воспроизвести нормативную форму получили свое объяснение в рамках идеи о *гибридном* характере политической системы и ее хозяйственного комплекса. В этом понимании колоссальное напряжение зависимости от итогов предыдущего развития (*path-dependence*) с неизбежностью результировало

¹ В дальнейшем создатель этой идеи, которая быстро стала клише, был вынужден пояснять, что «конец истории» в его понимании означал отнюдь не ставшее расхожим представление о прекращении развития в свете окончательной победы западной политической формы, но самую конечную цель мирового развития. На наш взгляд, это пояснение в еще большей мере обнаруживает идеологическую мотивированность всей теории (Фукуяма 2024: 18-19).

в искаженном характере институтов, повсеместно обнаруживающих свою инаковость по отношению к западным нормативам: в экономике раздатка, архаичности социальной структуры, расхождении между законодательной нормой и практикой, интенсивности неформальных практик и значимости неформальных институтов.

Особо следует указать на повреждающий характер трансфера из западного дискурса представлений о российском государстве как *несостоятельной империи*, чье единство рухнуло под напором антиколониального движения (Бовдунов 2022). Применительно к СССР этот негативно окрашенный троп был давно и прочно укоренен в западном идеологическом дискурсе. При этом в своем инструментальном качестве он, очевидно, опирался на образцы советской критики имперского опыта российской государственности до революции 1917 г., направленные на демонтаж царской России (Тихонов 2024). Дальнейшее объединение этой части самоописания российской дореволюционной действительности с политическими приоритетами биполярного противостояния создавало почву для определения СССР как империи не только в смысле ее интенсивного влияния на целый ряд государств во внешнеполитическом домене, но и во внутреннем – как порядка, основанного на колонизации, подчинении и эксплуатации внутреннего пространства.

Применение этого смыслового комплекса к становящейся новой российской государственности открыло неожиданные возможности для действия, трансформирующего ее идентитарное ядро. Утверждения о подчинении и эксплуатации народов страны напрямую способствовали укреплению потенциала сепарации национальных окраин и разрыву территориальной целостности страны.

Не меньшим негативным зарядом обладал комплекс идей, связанных с эксплуатацией государством всего пространства и населения страны – ее социального и этнического большинства – в качестве колонии (Фадеечева 2007). Итоговое представление о рыхлом образовании, возникшем в процессе *внутренней колонизации* (Эткинд 2013²), наносило ощутимые удары по легитимности российской модели развития и управ-

² Включен в реестр иностранных агентов.

ления. Практическое применение этой части указанного нарратива в полной мере проявило себя в ходе пережитого страной в 1990-е «парада суверенитетов». А последствия ощущаются и сейчас, когда результаты тридцатилетнего пространственного и социального развития страны описываются в идеологически нагруженных терминах колонизации/деколонизации отдельных регионов и территорий (Шабаев 2022).

Наконец, комбинирование представления об укорененной имперскости современного российского государства с утверждением о периферийности как его системном качестве (Кагарлицкий 2009³) создавало возможности для оспаривания позиции страны по самому широкому спектру ее действий в международном аспекте.

В совокупности разнообразных подходов описание новой российской идентичности зарубежными исследователями и ее самописание рядом российских авторов тяготели к тропу непреодолимой дефектности и тупиковости отечественной модели развития. В конечном счете данное представление позволяло сделать следующий шаг и приступить к обсуждению страны как одного из случаев упадка, попадающих в категорию *failed states*.

Стратегический нарратив как превращенная общественная теория. Сегодня массивный повреждающий эффект от подобного рода навязанных представлений достаточно часто объясняют тем фактом, что примененный категориальный аппарат тесно связан прежде всего с европейским опытом создания моделей общественной жизни и задает норматив, который неприменим в огромном количестве частных случаев в регионах за пределами европейского цивилизационного ядра. Следовательно, справедливой будет критика, которая указывает на тот факт, что «западный мейнстрим» отягощен идеологическими коннотациями и представляет собой неадекватный аналитический инструмент, возводящий исключение, представленное эволюцией государств в Европе и цивилизационном «Западе», в правило (Мартьянов 2021).

Справедлива также и более поздняя критика, связанная с раскрытием неполноты, предвзятости и идеализированного

³ Включен в реестр иностранных агентов.

характера описаний западной модели, чистота которой оказывается под сомнением в свете постоянно обнаруживающихся в ее составе включений, противоречащих либеральному/демократическому идеалу, – возрастающей роли государственного регулирования экономической деятельности, роли неформальных элитных альянсов и сменяемости власти только лишь в их рамках, nepoтизма и т.д. (Мартыанов, Руденко 2022).

Но представляется, что проблема обширнее и состоит отнюдь не только в том, что для искажающего описания и самоописания исходя из заимствованных подходов был применен не самый удачный идеологически нагруженный и расходящийся с практической реальностью категориальный аппарат. Гораздо важнее, что был использован инструментарий, созданный в условиях конкуренции с советской/российской моделью и прямо предназначенный экспертно обслуживать эту конкуренцию.

Холодная война при сравнительно низкой интенсивности собственно военно-силовой повестки все же по своей природе была состоянием активной борьбы, в котором именно гуманитарная составляющая приобрела столь принципиальное значение. Важность укоренения необходимой победителю интерпретации исхода противостояния, его результатов как справедливых и окончательных в рамках западной парадигмы вполне осознана и выражается более чем эксплицитно: «чтобы исход войны оказал влияние на людей, они должны принять ее значение» (Simpson 2012: 31, здесь и далее перевод в цитатах мой. – Н. П.); «в большинстве случаев победы одерживаются тогда, когда “противники” соглашаются с определенной интерпретацией событий» (De Graaf et al. 2015: 5). Еще более желательным выступает закрепление такой интерпретации на уровне конституционно-правового комплекса целевых государств (Carrington 2007).

В сложившихся условиях инструментом формирования нового идентитарного ядра российской политики, по сути, стали вовсе не объясняющие теории в их аналитическом аспекте, а лишь их идеологический и оценочный компонент. В итоге вопросы интерпретации идентичности российской государственности, ее содержательного наполнения решались с использованием формирующих *стратегических нарративов*, которые

обладают собственной перформативной способностью и применительно к рассмотренной ситуации по большей части лишь имитируют форму научно обоснованных подходов, выработанных в рамках уважаемых общественных теорий.

Поэтому попытка строго научного обоснования их несостоятельности как определенных *теорий* общественного развития в некотором смысле бесперспективна, поскольку природа самого объекта критики изначально иная.

Задачей общественной теории является анализ причинности и объяснение закономерностей, тогда как управленческой функцией стратегического нарратива выступает «семантическое программирование политического опыта и (производство) взаимосвязанного комплекса взаимных ожиданий... посредством символизации, типизации политических событий в пространстве и времени» (Завершинский 2019: 102). Этот инструмент формирует смысловой комплекс, позволяющий структурировать реакцию на развивающиеся события, определять способы формулирования проблем и предлагать ответные меры (Freedman 2006: 22).

При этом отличие стратегического нарратива от общественной теории состоит в его ориентированности на конкретный исход процесса, который он направляет. Именно конечная точка всего движения придает смысл всем частям его содержательного целого (Roberts 2006: 712). В процессе разворачивания нарратива возникает смысловая рамка, которая удерживает весьма разрозненный микс подходов и позволяет создавать трансгрессии между их смысловыми компонентами.

Собственно, соотносимость, непротиворечивость и смысловое единство фундаментальных предпосылок для стратегического нарратива не имеют того же значения, что им присуще в общественной теории в ее научном смысле. Задача этого инструмента прямо противоположна – способствовать реализации отдельных ангажированных политических инициатив, действий с запрограммированным результатом. А его функция как раз и состоит в связывании воедино разрозненных событий и тенденций и подчинении их инструментально заданной причинности в интерпретативной структуре, с помощью которой можно придать событию или процессу желаемый социальный смысл.

Риторическое принуждение: внешнее управление идентичностью. Основные смысловые комплексы, предложенные и заимствованные для концептуализации российской государственности в ситуации кризиса и поиска путей его преодоления, имеют все признаки ориентированности на создание определенных значимых эффектов практического характера. В отсутствие достаточных собственных ресурсов для создания теорий общественного развития в ядро самопонимания российского государства привносились идеи, кристаллизованные в процессе интеллектуальной эволюции, опирающиеся на традиции, системы референции и ценности Запада. Именно поэтому они могут рассматриваться как инструмент для обслуживания его гегемонии.

Тонкая грань между объясняющей политической теорией и формирующим стратегическим нарративом оказывается принципиальной. Речь идет не просто о формировании случайно или намеренно искаженной в абстрактном пространстве медийных коммуникаций картины цивилизационного развития страны. Она прямо влияет на распределение такого важного ресурса, как престиж, и далее программирует значительную часть практических шагов, предположительно необходимых для коррекции ситуаций, интерпретированных как отклонения от стандартной формы. А де-факто эта искаженная картина способствует изменению относительного политического веса конкурирующих в мировом пространстве акторов, их подчинению и субординации.

Очевидно, что укоренение навязанных самоописаний в общественном сознании приводит к утрате суверенного контроля над тем, что можно назвать номинативной властью – властью самоопределения. Этот организационный дефицит далее ведет к невозможности самостоятельно формировать идентичность государства и общества и делает неизбежной деградацию значительной части коммуникационного ресурса политики – как способности к трансляции собственных смысловых комплексов и ценностей как проекции влияния во внешней среде.

Данная ситуация имеет критические последствия для определения идентичности не только во внутреннем пространстве, но и для взгляда на нее извне. Более того, став самостоятельной частью внутрироссийской общественной дискуссии

и будучи возвращенными в общемировое идейное пространство уже в качестве самоописаний и саморефлексии, заимствованные концепты предстают как репрезентации истинного эндогенного самовосприятия и самопонимания страны.

Так, возвращенный в глобальную систему коммуникаций в качестве российского нарратив о периферийности указывает на то, что технологическое и социальное недоразвитие страны является не свидетельством определенного ее состояния в конкретный период, а неотъемлемой сутью системы. Принятый нарратив транзита приобретает характер сигнала о готовности к направленным реформам, ориентированным на заданный образец, и поскольку данное направление развития в конечном счете становится единственно возможным, то, соответственно, возникают потребности во внешнем организационном консультировании. Функциональность проблематики гибридности определяется фиксацией окончательности неудачи в продвижении к норме и неизбежности дефектного характера системы общественных отношений, а следовательно, служит доказательством справедливости отведенной позиции периферийной позиции в мировом распределении политической и экономической силы, труда, ресурсов и благ. Приписывание российской политике качества имперскости, делегитимированного в рамках современной мировой системы принципом суверенного равенства государств, одновременно с качеством периферийности создает представление об участнике международного сообщества, действующем за пределами своего реального статуса и веса в международных отношениях. Возможный потенциал лидерства тоже оказывается заблокированным в свете приписанной инаковости ценностных оснований и практик, которые также в этой оптике противоречат общезначимым принципам ответственного и подконтрольного обществу властного аппарата современного государства.

Примененные вместе, особенно при широкой циркуляции в общественной дискуссии внутри страны, переносе в массмедиа, в процесс создания произведений массовой культуры, нарративы периферийности и имперскости создают представление о слабом участнике международного сообщества, нуждающемся в опеке, покровительстве, направляющем организационном содействии и (по необходимости) – в дисциплинировании и принуждении.

Очевидно, здесь проявляется эффект, получивший в западном дискурсе название *риторическое принуждение*. Он возникает в результате коммуникационной асимметрии, когда доминирующий актер оказывается способен навязать оппоненту позицию и действия, которые в противном случае были бы отвергнуты (Krebs, Jackson 2007: 36). В такой ситуации репрезентативная сила и принуждение трансформируются в метавласть – способность доминирующих акторов к реконфигурации, формированию или воссозданию идентичности целевых сообществ (Singh 2012: 472).

Однако в случае конформного заимствования подобное принуждение может рассматриваться уже и как легитимное, поскольку предположительно преследует добросовестные цели помощи и обеспечения процесса реформ превосходящим экспертным знанием и практическим опытом, и как добровольное, поскольку подчиняемый актер самостоятельно и инициативно выступает в качестве субъекта, заинтересованного во взаимодействии.

Так, например, признание ценностного и институционального несовершенства системы защиты прав человека в становящемся российском государстве и вместе с тем превосходящего престижа западной модели демократии и защиты прав человека предопределило вынос значимой части функций справедливости и разрешения конфликтов за пределы правовой системы РФ – в Европейский суд по правам человека. Подчинение уже на конституционном уровне правовой системы страны внешнему арбитру имело весомые последствия.

Реализация такой субординации одновременно создала новый значимый канал для дальнейшего экспорта и интеграции в правовую систему норм внешнего генезиса и сформировала условия для возникновения громких ситуаций, которые часто наносят непоправимый репутационный и материальный ущерб. Исправление этой ситуации потребовало проведения конституционной реформы, которая укрепила оградительные механизмы для попыток внешнего нормирования. Исправление множества сходных ситуаций еще предстоит.

Стратегический нарратив: не только риторика. В оценке глубины воздействия на целевые общества важно и то, что стратегический нарратив предназначен не только

для формирования определенного мнения или восприятия ситуации. Являясь интегратором дискурсивных коалиций – политически и медийно активных групп, он становится инструментом модификации социальной структуры общества (Панкевич 2023). Особую роль в процессах интеллектуального экспорта-импорта приобретают возникающие в структуре целевого социума эпистемные сообщества, ориентированные на определенный идейный комплекс.

Именно поэтому форма внешнего идеологического воздействия по обладавшему в советский и ранний постсоветский период высочайшим общественным престижем нестандартному каналу, которым является научная дискуссия, не должна маскировать стратегический характер примененных смысловых комплексов. В рассматриваемом случае вряд ли будет справедливо просто говорить лишь о тех неизбежных искажениях и погрешностях в понимании общественного развития, которые связаны с невозможностью обеспечить абсолютную объективность самого добросовестного исследователя общественных отношений и его зависимостью от ценностных и идейных предпочтений, обусловленных социализацией в определенной ценностной парадигме. Важно, что присущая научной сфере операциональная автономия в выдвижении и обосновании тех или иных гипотез определенно служила повышению статуса и практической эффективности подобного воздействия. Видимая востребованность импортированных идей и их широкая циркуляция в научном, а затем и в медийном пространстве способствовали восприятию основных тезисов как консенсусных для российского общества.

При этом локализация научной деятельности в структуре общественных отношений предоставляла прямой доступ к трансляции идей центрам разработки стратегий общественного развития и принятия конкретных политических решений. Очевидна и обратная связь, возникающая в структуре медиасреды: интересы и стратегии определенных игроков, демонтирующей управленческую систему и осуществляющих вынос тех или иных властных функций за пределы государства, легитимировались с позиций «передовых общественных теорий».

Тридцатилетний опыт государственного строительства после распада СССР ярко свидетельствует о том, что сохранение

репрезентативной силы государства, связанное с устойчивостью представлений о себе, своей сути и природе, имеет критическую значимость. Оно локализовано «выше» и «за пределами» всех конкретных ролей и функций, состояний и статусов, которые могут быть свойственны или в силу многообразных причин предписаны политике в конкретно-исторических обстоятельствах. Субъектность государства прямо зависит от сохранения конфигурации социолингвистических систем, определяющих его идентичность (Mattern 2005: 97). Поэтому контроль над таким важным идентитарным ресурсом, как самопонимание и самоописание, можно с уверенностью отнести к числу компонентов социетальной безопасности.

Заключение. В современных условиях способность противостоять риторическому принуждению зримо усложняется в связи с формированием новых медиаландшафтов, открывающих перспективы становления новых типов акторов, оказывающих давление на содержательные компоненты государственной идентичности. Речь идет о фактически неизвестных на момент слома советской системы децентрализованных транснациональных политически мотивированных сообществах, которые действуют поверх государственных границ. Сегодня активизм таких экстратерриториальных общностей чрезвычайно значим – он создает новые смыслы, альтернативные идеологии, способы и каналы внедрения идей в общественную дискуссию.

Вместе с тем, опыт постсоветского периода ценен тем, что прямо указывает факторы, ведущие к острому дефициту собственных ценностных оснований и смысловых комплексов, способных оградить идентитарное ядро общества от масштабной инъекции семантического программирования за счет внешних оценочных, политически мотивированных стратегических нарративов. При всей важности контроля над духовным и ценностным пространством страны монополизация идеологической функции и ее слияние с функцией выработки критической общественной теории, закрывающие общественную дискуссию, несут в себе очевидные риски необходимости обращения к замещающим смысловым комплексам. Многие, если не большинство из них, со временем обнаруживают свою идеологическую и инструментальную заряженность.

Сохранение и защита идентичности требуют выработки нормативных самоописаний российской государственности, ее сути, смысла, идентичности. Опора на них создаст необходимый запас стабильности и предсказуемости ценностных ориентиров во внешне- и внутриполитическом пространстве. Представляется, что данные смысловые комплексы должны вырабатываться и закрепляться в рамках принятия документов стратегического планирования и отражать как исторически раскрывшийся характер российской идентичности, так и перспективу ее развития.

Данная работа начата, и ее результаты закреплены, например, в рамках Концепции внешней политики РФ, Концепции государственной языковой политики. Ее продолжение может быть связано как с разработкой новых инструментов и концепций стратегического планирования, так и с обогащением новым нормативным содержанием уже существующих.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бовдунов А.Л. 2022. Вызов «деколонизации» и необходимость комплексного переопределения неокolonизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т. 22, № 4. С. 645–658. DOI 10.22363/2313-0660-2022-22-4-645-658

Завершинский К.Ф. 2019. Политическая культура как символическая «пересборка» политического // Политическая экспертиза : ПОЛИТЭК. Т. 15, № 1. С. 88–107. DOI 10.21638/11701/spbu23.2019.107

Зубов А.Б., Салмин А.М. 1991. Союзный договор и механизм выработки нового национально-государственного устройства СССР // Полис. Политические исследования. № 1. С. 42–57.

*Кагарлицкий Б.Ю.** 2009. Периферийная империя: циклы русской истории. Москва : Алгоритм : Эксмо. 576 с.

Мартьянов В.С. 2021. В поисках другого мейнстрима // Полис. Политические исследования. № 4. С. 112–131. DOI 10.17976/jpps/2021.04.09

Мартьянов В.С., Руденко В.Н. 2022. Магия белого прогрессора: от глобального каргокульта к новой политической нормальности // Политика. № 1. С. 24–49. DOI 10.30570/2078-5089-2022-104-1-24-49

Панкевич Н.В. 2023. Децентрализованные ценностно мотивированные сообщества: к обновлению и институциональному

* Включен в реестр иностранных агентов.

развитию государственной политики единства // Антиномии. Т. 23, № 2. С. 47–76. DOI 10.17506/26867206_2023_23_2_47

Тихонов В. 2024. «Деколонизация» истории народов СССР в советской историографии (1920–1930) // Quaestio Rossica. Т. 12, № 1. С. 193–208. DOI 10.15826/qr.2024.1.873

Фадеечева М. 2007. Урал в системе «внутреннего колониализма» // Свободная мысль. № 6. С. 45–54.

Фукуяма Ф. 2024. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. Москва : Альпина Паблишер. 255 с.

Шабает Ю.П. 2022. «Новый» Русский Север: историческая провинция в тисках социальных и политических проблем // Вестник Российского университета дружбы народов: Политология. Т. 24, № 4. С. 757–778. DOI 10.22363/2313-1438-2022-24-4-757-778

Эткинд А.* 2013. Внутренняя колонизация. Москва: Новое лит. обозрение. 448 с.

Carrington P.D. 2007. Writing Other Peoples Constitutions // North Carolina Journal of International Law and Commercial Regulation. № 33. P. 168–217.

De Graaf B. et al. 2015. Introduction: Shaping Societies for War: Strategic Narratives and Public Opinion / B. De Graaf, G. Dimitriu, J. Ringsmose // Strategic Narratives, Public Opinion, and War / Eds. B. De Graaf, G. Dimitriu, J. Ringsmose. London : Routledge. P. 3–13. DOI 10.4324/9781315770734-9

Freedman L. 2006. Networks, Culture, and Narratives // Adelphi Papers Series. Vol. 45, № 379. P. 11–26. DOI 10.1080/05679320600661640

Fukuyama F. 1992. The End of History and the Last Man. New York : The Free Press. 455 p.

Krebs R.R., Jackson P.T. 2007. Twisting Tongues and Twisting Arms: The Power of Political Rhetoric // European Journal of International Relations. Vol. 13, № 1. P. 35–66. DOI 10.1177/1354066107074284

Mattern J.B. 2005. Ordering International Politics: Identity, Crisis, and Representational Force. London : Routledge. 316 p.

Pankevich N. 2014. Phenomena of legal transplants related to the social model of the post-Soviet countries // Transformation durch Rezeption? / hrsg. E. Kurzynsky-Singer. Tübingen : Mohr Siebeck. S. 39–64.

Roberts G. 2006. History, Theory and the Narrative Turn in IR // Review of International Studies. Vol. 32, № 4. P. 703–714.

Simpson E. 2012. War From the ground up: twenty-first-century combat as politics. New York : Columbia Univ. Press. 256 p.

Singh J.P. 2012. The Meta-Power of Interactions: Security and Commerce in Networked Environments // The Meta-Power Paradigm: Impacts and Transformation of Agents, Institutions, and Social Systems: Capitalism, State, and Democracy in a Global Context / Tom R. Burns, Peter M. Hall (Eds.). Frankfurt am Main [etc.] : Lang. 554 p.

* Включен в реестр иностранных агентов.

Natalia V. Pankevich

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: n.pankevich@yandex.ru

Russian Statehood and the Western Strategic Narrative: Identity versus Rhetorical Coercion

Abstract. The article examines instrumental and substantive forms of borrowing from Western ideological complexes by Russian social theory during the period following the collapse of the USSR. Along with an assessment of their damaging effect, some directions for counteracting their distorting potential are proposed. The process of transferring borrowed ideological complexes is shown to involve a toolkit created under conditions of competition with the Soviet/Russian model and directly intended for expert support of this competition. It is shown that the borrowed items were directed to the value centre of the system and used for the transformation of its identity core. The instrumental nature of the applied techniques is revealed through the concept of strategic narrative as a technique for the semantic programming of political experience along with its substantive components, qualifying features and scope of action in ideological, social and managerial spaces. Common semantic complexes used to describe and self-describe Russian statehood are considered as strategic narratives. A direct dependence of the state's subjectivity on its preservation of the systemic sociolinguistic configuration that determines its identity and the ability to resist rhetorical coercion from external centres of influence is revealed. A number of directions for the protection and development of the representative power of the Russian Federation under contemporary conditions are proposed. In particular, it is shown that the preservation and protection of identity require the development of normative self-descriptions of Russian statehood in terms of its essence and meaning consolidated at the level of programme and strategic planning documents.

Keywords: state identity; strategic narrative; intellectual transplant; identity; rhetorical coercion; representative power; state sovereignty; distortion of the civilisational development of the Russian Federation

Даниил Александрович Аникин
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Российский университет дружбы народов
г. Москва, Россия
E-mail: dandee@list.ru
ORCID: 0000-0001-6232-6557
ResearcherID: D-7070-2013
SPIN-код: 2015-5946

Геноцид советского народа: траектории правовой культуры и исторической политики

Аннотация. Характерными чертами современной исторической политики выступают криминализация и виктимизация, результатом чего становится конструирование коллективных травм как инструментов политической консолидации общества. Политическая инструментализация геноцида происходит в контексте мемориальных войн, разворачивающихся между странами Восточной Европы и Российской Федерацией по поводу переосмысления социалистического прошлого. Признание геноцидом таких исторических событий, как голод 1932–1933 гг., становится не только важным фактором гражданского нациестроительства, но и инструментом международной символической борьбы. Разработку понятия «геноцид» по отношению к преступлениям нацистского режима на уровне судебных решений и федерального законодательства стоит рассматривать как ответную реакцию на использования данного понятия странами Восточной Европы в качестве обоснования пересмотра поствоенного международного порядка, закрепленного решениями Нюрнбергского суда. Появление в 2024 г. законопроекта «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», внесенного в Государственную Думу, оставляет неразъясненным ряд вопросов. Прежде всего это проблема интерпретации понятия «народ» с точки зрения этнического или гражданского понимания нации, кроме того, вопрос соотношения вновь разрабатываемых категорий мемориального законодательства с понятиями, уже закрепленными в действующих нормативных актах (жертвы Великой Отечественной войны).

Ключевые слова: геноцид, травма, мемориальный закон, советский народ, преступление против человечества, мемориальные войны, инструментализация, народ

Постановка проблемы. 18 июня 2024 г. группа депутатов представила в Государственную Думу РФ текст законопроекта «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». Показательно, что депутаты продемонстрировали редкое межфракционное единодушие в подготовке данного законопроекта, что само по себе еще не является гарантией его принятия, но символизирует то значение, которое придается данному проекту в процессе увековечивания памяти о Великой Отечественной войне. Как отмечает О.Ф. Русакова, «в государственном дискурсе историческая память рассматривается главным образом в качестве одного из структурных компонентов богатого набора традиционных ценностей, составляющих основу национальной идентичности России. Но вместе с тем понятие “историческая память” фигурирует в официальных документах еще и в качестве одного из доминирующих стратегических приоритетов национальной политики, связанной с защитой традиционных российских ценностей» (Русакова 2023: 37). Для современной исторической политики в России вопрос сохранения памяти о Великой Отечественной войне становится одним из ключевых, что придает анализу данного законопроекта не только научное, но и вполне прикладное значение.

Вопрос о нормативном закреплении понятия «геноцид советского народа» представляется крайне важным в контексте анализа мемориальных законов, принятых в последние годы в РФ, а также правоприменительной практики по мотивам этих законов. Данный вопрос имеет как сугубо правовое, так и теоретико-политологическое и социально-философское измерение.

В правовом смысле предлагаемый законопроект служит способом уточнения и конкретизации юридической ответственности за военные преступления по отношению к мирному населению, кроме того, он предполагает четкое определение полномочий государственных органов и органов местного самоуправления по увековечиванию памяти жертв Великой Отечественной войны.

В теоретико-политологическом смысле само появление законопроекта стоит рассматривать как закономерное развитие целой цепочки нормативных актов, регулирующих

и контролирующих способы обращения к прошлому. По отношению к подобным нормативным актам в современной социальной науке закрепилось наименование «мемориальных законов» (memory laws). Наиболее важным предметом исследования предстает тот политический контекст, который вызывает к жизни потребность в кодификации представлений о прошлом, а также выбор тех категорий, которые используются для подобной кодификации.

В социально-философском смысле существенным оказывается изменение моделей представлений о прошлом (прежде всего о Великой Отечественной войне) с точки зрения эмоциональной окрашенности данных воспоминаний, акцентирование внимание в публичном пространстве на травматичности и жертвенности исторической памяти о войне. Можно согласиться с Д.Э. Летняковым, отмечавшим следующее: «...коллективную память общества контрпродуктивно рассматривать как нечто единое, гомогенное и монолитное. Напротив, она представляет собой соединение разных элементов, нередко противоречащих друг другу» (Летняков 2021: 72). В этом смысле современная коллективная память российского общества также является крайне неоднородной, поэтому вопросы ее потенциальных расколов, а также нелинейной динамики представляются крайне важными для научного исследования.

В рамках данной статьи предполагается сосредоточиться на теоретико-политологических аспектах нормативного закрепления понятия «геноцид советского народа», внешнеполитических и внутривнутриполитических контекстах трансформации мемориального законодательства в данном направлении.

Тематика геноцида в контексте мемориальных законов.

Представление о существовании общих для определенного общества трагедий является важным элементом формирования и поддержания национальной идентичности, причем создание национальных государств как акторов политики памяти и политики идентичности привело к усвоению ими тех вариантов травматического восприятия прошлого, которые были выработаны в рамках христианского мировоззрения. Как считает А.В. Яркеев, «самопожертвование ради небесного отечества в итоге приобрело вид гражданского самопожертвования ради земной отчизны, а “мученичеству” героически павших был придан национальный

колорит» (Яркеев 2023: 22). В этом смысле обращение к коллективным травмам не является специфической характеристикой современного этапа развития политики памяти.

Н.Е. Копосов отметил: «Своеобразие нынешней исторической политики во многом коренится в двух важных особенностях современной памяти. Речь идет о криминализации и виктимизации прошлого – о взгляде на историю как на цепь преступлений и о стремлении человеческих коллективов представить себя в качестве их жертв» (Копосов 2011: 52). В этом видится ключевое отличие современного отношения к прошлому от романтической эпохи создания национальных нарративов в XIX в., когда прошлое мыслилось как приключенческий роман, в котором нация выступала главным действующим героем. Криминализация прошлого строится вокруг стремления представить историю сообществ как детектив, в ходе которого должен быть обязательно найден преступник, причем представления о том, кто именно должен быть определен в таком качестве, у большинства современных политических акторов существенно расходятся.

Виктимизация представляет собой процесс, в ходе которого формируется представление о существовании сообщества жертв, которые являются пострадавшими от совершенного преступления, что в свою очередь предполагает определенное восстановление справедливости (юридическое, экономическое или символическое воздаяние). Как справедливо отмечают К. Эльячефф и Д. Суле-Ларивьер, «на процессах Эйхмана (1961) и Клауса Барби (1987) непризнанные жертвы хотели, чтобы за ними был признан статус жертв преступления против человечности, а не героев. Это стало важным этапом, занявшим определенное время: появился язык, позволяющий жертвам говорить о себе, более того, стало обязательным искать причины появления жертв в тех или иных качествах современного мира» (Эльячефф, Суле-Ларивьер 2022: 29). Из этого следует, что, во-первых, само возникновение практики виктимизации напрямую соотносится с осознанием трагических последствий Второй мировой войны, а во-вторых, состояние жертвенности не рассматривается как случайное стечение обстоятельств, предполагает наличие персонифицированной или деперсонифицированной фигуры преступника.

Но там, где есть преступление, должно быть и наказание. Точнее говоря, представление о наличии в прошлом преступлений предполагает необходимость и возникновения тех нормативных рамок, которые позволяют установить ответственность за совершенное преступление, а самое главное, и призвать к ответу тех, кого современное виктимизированное сообщество считает преступниками.

Под мемориальными законами обычно подразумеваются нормативные акты, устанавливающие ответственность индивидуальных или коллективных субъектов за публичные высказывания о прошлом. В качестве примера первого такого закона приводится акт Гайсо (Gayssot Act), который был принят во Франции 13 июля 1990 г. и который установил юридическую ответственность за отрицание фактов геноцида, расизма и ксенофобии, в частности, за отрицание Холокоста. Именно упоминание конкретного исторического события (Холокост) делает этот нормативный акт ярким примером мемориального закона, ограничивающего возможность публичных высказываний по поводу прошлого с точки зрения не только национальных интересов, но и интересов человечества в целом. Но важно понимать, что у акта Гайсо была своя предыстория, связанная с закреплением в международном законодательстве самого понятия «геноцид», причем, несмотря на кажущуюся универсальность самого термина с точки зрения проявлений в различные исторические эпохи, его концептуализация напрямую связывалась с событиями Второй мировой войны.

9 декабря 1948 г. была принята Конвенция ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него», в которой было впервые сформулировано само понятие геноцида, точнее говоря, были обозначены критерии, по которым уголовное преступление могло быть отнесено к данной категории. «Под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу»¹.

¹ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 12.10.2024).

Сама потребность в уточнении понятия «геноцид» была вызвана деятельностью Нюрнбергского суда, а также тем, что в предшествующей резолюции ООН 96 (I) от 11 декабря 1946 г. геноцид просто провозглашался преступлением, нарушающим нормы международного права, но при этом точного юридического определения дано не было. В Конвенции 1948 г. было уточнено, что под определения геноцида подпадают действия, направленные против национальных, этнических, расовых или религиозных групп, что, с одной стороны, конкретизировало список сообществ, насильственные действия по отношению к которым могли расцениваться как геноцид, а с другой – оставляло определенный диапазон толкований, поскольку в качестве отдельных терминов использовались «национальный» (national) и «этнический» (ethnic). Подобная двусмысленность обращения к термину «нация» не позволяла конкретизировать, идет ли речь исключительно о нации в ее этническом значении либо о гражданской нации, что существенно расширяет потенциальную трактовку геноцида.

Еще один важный шаг на пути установления юридической ответственности за военные преступления был сделан в 1968 г., когда на Генеральной ассамблее ООН была принята Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества (резолюция 2391 (XXIII)) от 26 ноября 1968 г.² В преамбуле к ней напрямую проговаривалось, что отмена срока давности по отношению к военным преступлениям и преступлениям против человечества основывается на решениях Нюрнбергского трибунала. Показательно, что упоминание геноцида в содержании данной Конвенции свидетельствует об отсутствии знака равенства между данными видами преступлений. Точнее говоря, геноцид рассматривается как одно из преступлений против человечества, но не единственное, поскольку к таковым причисляется еще целый ряд преступлений, указанных в Уставе Международного нюрнбергского военного трибунала, а именно «убийства, истребление,

² Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/warcrimes_limit.shtml (дата обращения: 12.10.2024).

порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет»³.

Можно согласиться с Т.Г. Дадуани, что «между двумя связанными, но отличающимися понятиями “геноцид” и “преступления против человечности” существовала непростая взаимосвязь. Геноцид не только был квалифицирован в качестве международного преступления в рамках международной конвенции, но и сопровождался значительными дополнительными обязательствами, а именно: предотвращать преступления; вводить в действие национальные законы и применять наказание за преступление; взаимодействовать при выдаче преступников» (Дадуани 2011: 142). Вместе с тем расширительное толкование преступлений против человечества не предполагало, что каждое из них может рассматриваться как акт геноцида, но активное распространение именно в 1960-е годы представлений о Холокосте как главной трагедии мирного населения в годы Второй мировой войны привело к тому, что в общественном сознании укоренилось представление о неразрывной связи и даже взаимозаменяемости данных понятий. Таким образом, виктимизация памяти о Холокосте привела к появлению модели геноцида, которая стала ключевой для последующего политического и правового использования не только с точки зрения критериев отнесения того или иного события к геноциду, но и с точки зрения определения последствий для тех сообществ, которые выступали в качестве жертв.

Политическая инструментализация геноцида в контексте мемориальных войн. В начале XXI в. важным фактором международных отношений становится постепенное усложнение отношений между Российской Федерацией и странами Западной Европы, что не могло не найти отражение

³ Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901737883> (дата обращения: 12.10.2024).

и в сфере мемориальной политики – все отчетливее ставился вопрос об ответственности СССР не только за социалистические режимы в поствоенной Восточной Европе (концепция «двойной оккупации»), но и за само развязывание Второй мировой войны. Забегая вперед, можно напомнить, что именно последняя политико-правовая инвектива нашла отражение в резолюции Европейского парламента «О важности европейской памяти для будущего Европы», принятой 19 сентября 2019 г., где провозглашалась двойная ответственность СССР и Германии за развязывание войны⁴.

Но специфика «войны памяти» заключается в их своеобразном эпистемологическом статусе, поскольку их целью трудно считать выяснение окончательной истины относительно того или иного события. Вопрос заключается, скорее, в определении того сообщества, которое будет обладать моральным правом рассказывать историю, расставляя в ней акценты по поводу виновности или жертвенности. «Споры вокруг Второй мировой войны – это не борьба за внедрение некоторого убеждения относительно нее, а борьба за право быть рассказчиком нарратива о ней. Аналогично и все многочисленные темы “войн памяти” – это борьба за позицию рассказчика и все сопутствующие ей выгоды» (Илларионов, Мосиенко 2023: 40).

Любая коллективная травма, позволяющая представить определенное сообщество в качестве жертв (или наследников жертв) действий, имевших место в прошлом, становится сильным аргументом в процессе символической борьбы. Но в условиях девальвации жертвенности, когда любое сообщество может апеллировать к имевшим место в ее истории трагическим событиям, предполагающим виновность иного сообщества, становится важным уже не только обозначить саму коллективную травму, но и придать ей особый характер, переиграть противника на «символическом поле».

Тема геноцида, в европейской политико-правовом нарративе традиционно связываемая с Холокостом, именно в условиях переосмысления государствами Восточной Европы своих

⁴ European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 12.10.2024).

геополитических приоритетов и исторической политики приобретает новое звучание. С точки зрения политического контекста, апелляция к геноциду начинает наиболее активно использоваться по отношению к тем государствам, которые рассматриваются как остатки (или правопреемники) бывшего социалистического лагеря. В частности, в 2009 г. Европейский Парламент принимает резолюцию по Сребренице, в которой напрямую характеризует действия сербских войск по отношению к мирному населению как геноцид⁵. Параллельно разворачивается еще попытка переосмысления в качестве геноцида массового голода на территории Советского Союза, который получает в украинской историографии расхожее наименование «Голодомор».

Показательным является выстраивание концепции «Голодомора» как геноцида по уже сложившейся на примере Холокоста нормативной траектории. В 2003 г. Верховная Рада принимает решение о признании «Голодомора» геноцидом, а уже в 2006 г. принимается закон, устанавливающий юридическую ответственность за отрицание «Голодомора». В научной статье, исследующей различие российских и украинских позиций по поводу данного события, авторы отмечают, что восприятие голода 1932–1933 гг. не просто в качестве общей трагедии, а именно в качестве целенаправленного акта по искоренению украинского народа становится элементом гражданского национализма на Украине. «Голодомор» становится коллективной травмой, вокруг которой строятся попытки консолидации культурно и лингвистически разобщенного населения Украины, поэтому ключевым фактором виктимизации становится сугубо функциональная потребность в формировании национального травматического мифа (Меньковский и др. 2021). Схожую точку зрения высказывает и Г.В. Касьянов, помещая данный пример в более широкий контекст практик нацистроительства на постсоветском пространстве: «Миф о многострадальности той или иной нации является общим практически для всех историографий периода “национальных возрождений” не только в Европе, но и во всем мире (собственно, он является

⁵ European Parliament resolution of 15 January 2009 on Srebrenica. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2009-0028_EN.html?redirect (дата обращения: 12.10.2024).

необходимой частью сценария “национального возрождения”). На постсоветском пространстве он пользуется особой популярностью» (Касьянов 2004: 242).

Но если на территории Украины конструирование «Голодомора» как коллективной травмы началось еще в 1990-е гг., то постепенное распространение его среди европейских стран оказалось связано с общим охлаждением отношений между Россией и Евросоюзом. На протяжении 2000-х гг. более 15 стран официально признали факт «Голодомора», но при этом в различных формулировках: для ряда стран понятия «Голодомор» и «геноцид» выступали как синонимичные; для ряда стран «Голодомор» воспринимался как несомненное преступление советского режима или руководства Советского Союза, но при этом без факта геноцида.

К числу противников отождествления этих понятий относился прежде всего Израиль, выступавший против расширительной трактовки геноцида. По словам Э. Зуроффа, высказанным в 2019 г., «одной из самых больших проблем, с которыми мы сталкиваемся сейчас, является так называемая “теория двойного геноцида”, распространенная по всей Восточной Европе, где правительства пытаются утверждать, что преступления коммунистов были равносильны геноциду»⁶. По сути, речь шла о том, что геноцид из правового механизма, позволяющего обосновать возможность привлечения к ответственности без учета прошедшего времени, все больше превращался в политический инструмент для сведения счетов с идейными противниками.

Интенсификация процесса инструментализации «Голодомора» как геноцида была связана с вооруженным конфликтом на Украине. На протяжении осени 2022 г. в целом ряде европейских стран были приняты законодательные акты, в которых уже без лишних оговорок прозвучало признание «Голодомора» геноцидом с установлением юридической ответственности за его отрицание. Кульминацией этих публичных действий стало принятие Европейским парламентом резолюции, приуроченной к 90-летию со дня начала голода, в которой провозглашалось, что

⁶ Zuroff: Israel should not recognize Holodomor as genocide. URL: <https://www.jpost.com/israel-news/zuroff-israel-should-not-recognize-holodomor-as-genocide-578308> (дата обращения: 12.10.2024).

парламент «признает Голодомор – искусственно и преднамеренно созданный политической советского режима голод в 1932–1933 годах в Украине – геноцидом украинского народа, так как он был осуществлен с целью уничтожить группу людей путем преднамеренного создания условий жизни, рассчитанных на ее физическое уничтожение»⁷. Все научные дискуссии о корректности использования данного термина по отношению к сложному и неоднозначному явлению массового голода 1932–1933 гг. остались позади, что вывело на первый план уже не правовой, а политический аспект данной проблемы.

Виктимизация бывших социалистических республик (как Восточной Европы, так и непосредственно постсоветского пространства) и являющаяся обратной стороной данного процесса криминализация России как правопреемника Советского Союза, имела вполне определенные последствия не только с точки зрения актуальной политической повестки, но и в контексте мемориальных войн. Статус жертвы позволял снять с целого ряда государств вопросы ответственности за преступления, совершенные в годы войны, в том числе и по отношению к народам Советского Союза, кроме того он открывал путь открытой героизации пособников нацистского режима из числа представителей восточноевропейских стран.

Логичной реакцией на формирование жертвенного нарратива на Украине стало стремление к обоснованию морального и юридического права России на привлечение к ответственности за совершенные преступления, что проявилось как в появлении целого ряда общественных проектов, так и к попыткам нормативного закрепления подобного права.

От народов к народу: понятие геноцида в российской мемориальной повестке. Актуализация тематики нацистских преступлений против человечества на территории Российской Федерации (и шире – бывшего СССР) произошла в 2018 г., что было вызвано не только внешнеполитическими, но и внутриполитическими факторами.

⁷ Резолюция Европейского парламента от 15 декабря 2022 года «Спустя 90 лет после Голодомора: признание массового морения голодом геноцидом» (2022/3001(RSP)). URL: <https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/263124/1269638%2090%20years%20after%20Holodomor%2015.12.2022%20RU.pdf> (дата обращения: 12.10.2024).

Еще за несколько лет до этого, в 2014 г., появились поправки в Уголовный кодекс РФ, которые установили ответственность за реабилитацию нацизма (ст. 354.1 УК РФ), что стало, по сути, первым примером мемориального закона в России (Аникин, Головашина 2023). В том же 2014 г. были внесены поправки в статью 20.3 КОАП РФ, которая получила уточненное название «Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами»⁸.

Наконец, 9 мая 2018 г. был подписан Указ Президента РФ, запустивший подготовку празднования 75-летия Победы в Великой Отечественной войне, что предполагало разработку и утверждение плана подготовки и проведения основных праздничных мероприятий⁹. Планируемая в 2020 г. дата воспринималась как сравнимая по своему символическому потенциалу с предыдущей «круглой» годовщиной в 1995 г.

На заседании Организационного комитета «Победа» 12 декабря 2018 г. в выступлении Е.М. Цунаевой, являющейся по совместительству ответственным секретарем Поискового движения России и председателем комиссии Общественной палаты РФ по делам молодежи, развитию добровольчества и патриотическому воспитанию, прозвучала мысль о необходимости создания проекта «Без срока давности», направленного на актуализацию памяти о преступлениях нацистов против населения СССР.

Стоит обратить внимание на два момента, затронутые в этом выступлении. Во-первых, международный контекст переосмысления роли СССР в процессах борьбы с нацизмом: «Многие исполнители карательных акций избежали наказания, получив убежище за границей. Более того, они становятся символом

⁸ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Ст. 20.3. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/e3620d183bd6d1fe2ab8b0c912809857217325a2/ (дата обращения: 12.10.2024).

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2018 № 211 «О подготовке и проведении празднования 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43034> (дата обращения: 12.10.2024).

новой волны пересмотра итогов Второй мировой войны... К сожалению, в ряде стран это стало частью государственной политики, и это при полном попустительстве европейских соседей, которые тоже, видимо, уже забыли, к чему привело бездействие их бабушек и дедушек в 30-е годы XX века»¹⁰. Во-вторых, именно в этом выступлении заходит речь о геноциде, причем по аналогии с Холокостом, но о геноциде не только евреев, но и других народов, проживавших на территории Советского Союза: «Преступление на всех временно оккупированных территориях нацистами однозначно свидетельствует о подлинном геноциде не только в отношении евреев, но и всего славянского народа»¹¹.

Запуск проекта «Без срока давности» в 2019 г. привел не только к активизации общественной деятельности по поиску захоронений и установке памятников жертвам нацизма, но и появлению правовой практики возбуждения уголовных дел по статье 357 УК РФ за преступления, совершенные во время Великой Отечественной войны. Первым прецедентом вынесенного судебного решения стало признание военным преступлением против человечества массового убийства мирных граждан в 1942–1943 гг. в деревне Жестяная Горка Новгородской области. Солецкий районный суд, который вынес свой вердикт 27 октября 2020 г., согласился с доводами прокуратуры о том, что непризнание данного преступления геноцидом ограничит права потерпевших¹².

На протяжении последующих лет (2020–2024) аналогичные решения были приняты судами целого ряда субъектов Российской Федерации, причем динамика и география принимаемых решений позволяют судить о том, что в ближайшей перспективе все регионы, на территории которых происходили

¹⁰ Заседание оргкомитета «Победа» (12 декабря 2018 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59388> (дата обращения: 12.10.2024).

¹¹ Там же.

¹² *Кикнадзе В.Г.* Геноцид нашего народа впервые признан судом, 28.10.2020 [Блог Владимира Кикнадзе. Вып. 39]. URL: <https://www.noo-journal.ru/blog/patrioticheskie-svodki-ot-vladimira-kiknadze/genotsid-naseleniya-rossii-resheniye-suda-novgorodskaya-oblast-zhestyanaya-gorka/> (дата обращения: 12.10.2024).

в 1941–1945 гг. военных действия, присоединятся к данному процессу. Осенью 2024 г. факт геноцида был официально установлен на территории республики Адыгеи (26 сентября)¹³ и Донецкой народной республики (1 октября).¹⁴

Не удивительно, что уже весной 2023 г. практика признания преступления против мирного населения проявлениями геноцида оказалась выведена на федеральный уровень. 22 марта 2023 г. появилось Заявление Государственной Думы РФ, в котором говорилось следующее: «Государственная Дума... признает преступные деяния немецко-фашистских захватчиков и их пособников в отношении мирного населения СССР геноцидом народов Советского Союза»¹⁵. В указанной формулировке следует подчеркнуть два принципиальных аспекта. Во-первых, это апелляция к нормативным актам ООН в части формулировок, уточняющих и конкретизирующих понятие геноцида («геноцид национальных, этнических и расовых групп, представлявших собой население СССР»). Во-вторых, это указание на множественное число тех народов, которые выступают жертвами целенаправленной деятельности по их уничтожению со стороны нацистов и их пособников (в том числе и из числа жителей оккупированных территорий).

Стенограмма заседания Государственной Думы позволяет оценить те разногласия, которые возникли между депутатами по поводу формулировок документа. В частности, было заявлено несколько вариантов уточнения состава народов СССР, а особое внимание предлагалось уделить русскому народу, что

¹³ В Адыгее суд удовлетворил заявление прокурора об установлении факта геноцида народов Советского Союза, подготовленное по поручению Генпрокурора России Игоря Краснова, 26.09.2024. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=98137931> (дата обращения: 12.10.2024).

¹⁴ В Донецке суд удовлетворил заявление прокурора об установлении факта геноцида народов Советского Союза, подготовленное по поручению Игоря Краснова, 01.10.2024. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=98237033> (дата обращения: 12.10.2024).

¹⁵ Заявление Государственной Думы «О геноциде народов Советского Союза Германией и ее пособниками в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», 22.03.2023. URL: <http://duma.gov.ru/news/56676/> (дата обращения: 12.10.2024).

вызвало очень характерный комментарий председателя комитета по обороне А. Картаполова «Их убивали, резали, жгли, насиловали как граждан Советского Союза, а не как украинцев, белорусов, дагестанцев, евреев и татар, поймите это!»¹⁶. Несмотря на то, что уточнение про граждан Советского Союза в итоговый документ не вошло, оно очень хорошо характеризует ту категориальную развилку, в которой оказалась инициатива по приданию преступлениям против мирного населения статуса геноцида. Представление о геноциде по отношению к народам СССР более четко соответствует духу Конвенции 1948 г., но ставит вопрос о точном составе народов, подвергшихся геноциду (учитывая определенную двусмысленность переписей населения). Представление о геноциде по отношению к народу СССР в значении гражданской нации заставляет обращаться к буквальной трактовке Конвенции 1948 г. относительно различия этнических и национальных общностей, к тому же отсылая к формулировке Конституции 1977 г.: «...общество зрелых социалистических общественных отношений, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей – советский народ»¹⁷.

Отсутствие четкого решения данной задачи демонстрирует и законопроект «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», внесенный в Государственную Думу 18 июня 2024 г.¹⁸ В нем, с одной стороны, «геноцид» применяется по отношению к термину «народ» в единственном числе, а с другой – в самом

¹⁶ *Веретенникова К.* Депутаты поискали прошлое в настоящем, 22.03.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5888941> (дата обращения: 12.10.2024).

¹⁷ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 12.10.2024).

¹⁸ Законопроект № 650430-8 «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/650430-8> (дата обращения: 12.10.2024).

определении геноцида советского народа содержится отсылка к этнической трактовке данного термина: «Геноцидом советского народа признаются действия нацистской Германии и ее пособников, направленные на полное или частичное уничтожение национальных, этнических и расовых групп, населявших территорию СССР, в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов»¹⁹. Связанные с неопределенностью терминологии затруднения носят не только сугубо теоретический характер, но и имеют вполне определенное практическое значение, поскольку позволяют поставить вопрос о соответствии принимаемых нормативных актов международному законодательству, в частности, Конвенциям 1948 и 1968 годов, разработанных при непосредственном участии представителей СССР. Кроме того, по справедливому комментарию на законопроект со стороны Счетной палаты, возникает коллизия, связанная с определением границ самого понятия «жертвы геноцида советского народа»: «...остается неясным, предполагается ли рассматривать жертв геноцида советского народа как отдельную от жертв Великой Отечественной войны категорию граждан, либо речь идет об уточнении понятия жертвы Великой Отечественной войны»²⁰. В настоящее время поправки в данный законопроект не внесены, поэтому понимание того, какая именно траектория будет выбрана для нормативного оформления темы геноцида, пока отсутствует.

В качестве заключительных выводов хочется отметить следующее:

1. Разворачивание мемориальных войн в современных международных отношениях приводит к стремлению использовать трагические события прошлого в качестве инструментов символической политики. Использование коллективных травм в качестве политических аргументов приводит к девальвации жертвенности, то есть утрате символического значения обычных войн или вооруженных конфликтов, что вынуждает стороны в попытке «повышения ставок» обращаться к тематике преступлений против человечества. При этом необходимо учитывать, что понятие «геноцид» не является юридически равным понятию «преступление против человечества», точнее

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

говоря, представляет лишь один из видов подобных преступлений.

2. Моделью для инструментализации геноцида становится Холокост, способы закрепления памяти о котором в символическом пространстве (памятники, публичные выступления, нормативные акты, устанавливающие ответственность за отрицание) начинают тиражироваться по отношению к тем событиям, которые обладают жертвенным потенциалом. Особую остроту использование геноцидов в символическом пространстве приобретает в условиях восточноевропейских и балканских стран, где исторически этническая неоднородность становится основанием для возможности подобной интерпретации.

3. Тематика геноцида в качестве способа реализации мемориальной культуры и исторической политики представляет собой сложное сочетание нескольких мотивов – как стремления сохранить в публичном пространстве память о совершенных преступлениях, так и акта символической борьбы, направленного на переосмысление исторической повестки. Вопрос о геноциде советского народа, активно затрагиваемый в последние годы не только в публичном пространстве, но и в нормативных актах и законопроектах, служит проявлением этой неоднозначности и противоречивости.

4. С правовой точки зрения, нуждающимися в дополнительной проработке и аргументации являются аргументы о существовании советского народа как самостоятельной национальной общности, что логически следует из формулировок Конвенции 1948 г., либо речь должна идти о геноциде народов Советского Союза, что запускает процесс внутренней символической конкуренции между отдельными политическими акторами уже внутри современной России. В рамках политической перспективы представляется важным исследование не только контекста актуализации подобной тематики в современном российском обществе, но и перспектив его трансформации в новую систему гражданских целей и приоритетов прежде всего для молодежи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аникин Д.А., Головашина О.В. 2023. Память в законе: нормативное регулирование политики памяти в сетевом пространстве //

Память в сети: цифровой поворот в memory studies / под ред. А.Ф. Павловского и А.И. Миллера. Санкт-Петербург : Изд-во Европ. ун-та. С. 166–179.

Дадуани Т.Г. 2011. Сравнительный анализ положений резолюции ГА ООН 96 (I) и Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». № 4. С. 140–147.

Илларионов Г.А., Мосиенко М.К. 2023 «Войны памяти» и проблема социально-эпистемологического релятивизма // Антиномии. Т. 23, вып. 1. С. 30–50. DOI 10.17506/26867206_2023_23_1_30

Касьянов Г. 2004. Разрытая могила: голод 1932–1933 годов в украинской историографии, политике и массовом сознании // Ab Imperio. № 3. С. 237–269.

Копосов Н.Е. 2011. Память строгого режима. История и политика в России. Москва : Новое лит. обозрение. 315 с.

Летняков Д.Э. 2021. Оспариваемое прошлое: к обоснованию плюралистического подхода к исторической памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». Т. 18, № 2. С. 61–76. DOI 10.17506/18179568_2021_18_2_61

Меньковский В.И. и др. 2021. «Голодные игры»: Голод 1932–1933 гг. в исторической политике Украины и России / В.И. Меньковский, М. Шмигель, Л. Дубинко-Гуща // Журнал Белорусского государственного университета. История. № 4. С. 7–20. DOI 10.33581/2520-6338-2021-4-7-20

Русакова О.Ф. 2023. Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России // Дискурс-Пи. Т. 20, № 2. С. 32–51. DOI 10.17506/18179568_2023_20_2_32

Эльячефф К., Суле-Ларивьер Д. 2022. Время жертв. Москва : Ин-т общегуманит. исслед. 256 с.

Яркеев А.В. 2023. Роль политической теологии мученичества в становлении протонационального патриотизма в средневековой Европе // Антиномии. Т. 23, № 2. С. 7–26. DOI 10.17506/26867206_2023_23_2_7

Daniil A. Anikin

Lomonosov Moscow State University, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia. E-mail: dandee@list.ru

Genocide of the Soviet People: Trajectories of Legal Culture and Politics of Memory

Abstract. Criminalisation and victimisation, which characterise contemporary politics of memory, result in the construction

of collective traumas as instruments for the political consolidation of society. The political instrumentalisation of genocide occurs in the context of memory wars unfolding between the countries of Eastern Europe and the Russian Federation as part of a process of rethinking their common socialist past. The recognition of historical events such as the famine of 1932–1933 as “genocide” thus becomes not only an important factor in civil nation-building, but also a symbolic instrument of international geopolitical struggle. The historical development of the concept of “genocide” in relation to the crimes of the Nazi regime at the level of judicial decisions and federal legislation can be seen as a response to the use of this concept by Eastern European countries as a justification for revising the post-war international order as enshrined in the decisions of the Nuremberg trials. The submission to the Russian State Duma in 2024 of a bill “On perpetuating the memory of the victims of the genocide of the Soviet people during the Great Patriotic War of 1941–1945” leaves a number of questions unanswered. First of all, these consists in the problem of interpreting the concept of “a people” from the point of view of the ethnic or civic understanding of the nation. In addition, a question arises concerning the correlation of newly developed categories of memorial legislation with concepts already enshrined in existing regulatory acts (victims of the Great Patriotic War).

Keywords: genocide; trauma; memory law; Soviet people; crime against humanity; memory wars; instrumentalisation; peoples

Виктор Дмитриевич Балакаев
Институт государства и права РАН
г. Москва, Россия
E-mail: balakaev.work@gmail.com

«Бороться и искать»: в поисках права на национальную идентичность в общем международном праве

Аннотация. Защита суверенитета и национальной идентичности от внешних угроз является актуальной задачей в условиях глобального многополярного мира. При этом деструктивные установки, направленные на подрыв национальной безопасности и идентичности, могут транслироваться через международные институты. Это требует разработки правовых механизмов, позволяющих государству защищать свою национальную идентичность. При этом данные механизмы должны учитывать и такие исключительные ситуации, в которых защита идентичности невозможна без отказа от исполнения того или иного международного обязательства. Неординарность задачи не только в том, что она вынуждает искать способы отступления от норм международного права. Прежде всего требуется убедиться в наличии у государств права на национальную идентичность и ее защиту обозначенным способом. Настоящее исследование открывает цикл статей, посвященных анализу положений общего международного права, допускающих либо ограничивающих применение государствами механизмов защиты собственной национальной идентичности. Его цель – поиск в международном правопорядке права государств на национальную идентичность. В представленной работе автор начинает исследовать данный вопрос в свете принципа невмешательства во внутренние дела и права народов на самоопределение. С опорой на судебную практику, акты главных органов ООН и доктрину автор приходит к выводу, что право государств на национальную идентичность не может быть обнаружено в этих принципах. Причинами тому являются неопределенность их позитивно-правового содержания, исторические особенности их возникновения и, как следствие, невозможность их расширительного толкования. Сказанное, однако, не означает, что государства вовсе не обладают искомым правом; его поиски могут и должны быть продолжены.

Ключевые слова: национальная идентичность, международное право, принцип невмешательства во внутренние дела, право народов на самоопределение, Международный Суд ООН

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого Федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Постановка проблемы. В мире продолжают протекать глобализационные процессы. Наряду с позитивными трансформациями, привнесенными ими в общественно-политическую жизнь, некоторые исследователи усматривают в них угрозу национальной идентичности современных обществ и государств. В научной среде тех стран, в дискурсе которых фигурирует тема защиты национальной идентичности (например, в России), она понимается как система важнейших ценностей, разделяемых большинством членов того или иного общества (Шабров 2023: 18). Проблемы национальной идентичности в контексте глобализации рассматривают и западные ученые (Kennedy 2001: 18).

Вместе с тем национальная идентичность – явление не только социокультурное, но и правовое. В частности, оно имеет значение для международно-правового статуса коллективных субъектов, например, народов¹. Так, Международный Суд ООН в консультативном заключении по *делу о Западной Сахаре*, в котором рассматривались притязания Мавритании и Марокко на данную территорию, оценивал доводы Мавритании о том, что в Западной Сахаре в период испанского владычества проживали племена (шингетти), представлявшие собой целое общество, объединенное общими языком, образом жизни и культурой², т.е. обладавшее известной степенью идентич-

¹ Так, Декларация ООН о правах коренных народов 2007 года акцентирует внимание на том, что коренные народы обладают правом на самоопределение, которое предоставляет им возможность самостоятельно осуществлять свое культурное развитие (ст. 3, 4).

² International Court of Justice (далее – ICJ). *Western Sahara. Advisory Opinion of 16 October 1975.* § 132(b). URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/61/061-19751016-ADV-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 10.10.2024).

ности. С учетом этого Суд пришел к выводу, что между Марокко, Мавританией и этими племенами, не имевшими своей государственности, возникали тесные юридические связи³. В доктрине международного права способность коллективов вступать в такие связи является признаком международной правосубъектности (Worster 2016: 210-211), хотя Суд и не признал таковую за этими племенами.

Почему проблемы национальной идентичности целесообразно рассматривать в т.ч. через призму международного права? Дело в том, что к настоящему времени сформировалась тенденция рассматривать данные явления как противостоящие: в ряде юрисдикций международное право считается угрозой национальной идентичности, а последняя – правовым инструментом, позволяющим не допустить исполнения международно-правового акта (как правило, решения международного суда), противоречащего принципам и ценностям конкретного общества. В правовой системе эти ценности обычно приобретают вид конституционных норм, а отказ от исполнения международно-правового акта мотивируется его несовместимостью с требованиями конституции. В этом контексте уместно обратиться к доктрине Италии и России как государств, применяющих концепцию национальной идентичности в этом ключе.

Так, председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин говорит о «национальной конституционной идентичности»⁴ главным образом в контексте необходимости разрешения противоречий между национальным и международным правом, поддерживая возможность отказа России от исполнения отдельных решений международных судов (Зорькин 2017: 1, 24). Профессор Неаполитанского университета Ф. Паломбини убежден, что отступление государства от решения международного суда (англ. *counter-limits argument*) допустимо, хотя и не без соблюдения строгих условий, таких как противоречие решения фундаментальным

³ Ibid. § 162.

⁴ В.Д. Зорькин использует понятия «национальная идентичность» и «конституционная идентичность» как контекстуальные синонимы: он полагает, что «конституционные ценности» являются «ценностями общего блага», и именно они составляют идентичность народа и государства, будучи при этом закрепленными в конституции (Зорькин 2017: 1, 8).

принципам, отражающим самобытность национального право-порядка, или игнорирование международным судом интересов тех лиц, права которых защищены национальной конституцией (Palombino 2015: 528-529). Тем временем профессор Университета Милана П. Палчетти иронично задается вопросом, имеет ли смысл в эпоху евроинтеграции и глобализации ссылаться на итальянскую или любую другую национальную школу международного права как нечто отличающееся от других школ, которые рискуют в скором времени оказаться пережитком прошлого (Palchetti 2018: 15).

Проблема любых механизмов разрешения несоответствий между национальным и международным правом со ссылкой на защиту национальной (конституционной) идентичности состоит в том, что они обсуждаются и применяются без предварительного ответа на ключевой вопрос о том, обладает ли в принципе государство (государствообразующее общество) правом на национальную идентичность. Если мы можем представить себе право, не снабженное средством защиты (*nudum jus*), то средство защиты в отсутствие защищаемого права – нет.

Таким образом, настоящая работа преследует цель положить начало разрешению методологически важного вопроса о том, обладает ли государство правом на национальную идентичность по общему международному праву и если да, то позволяет ли оно государству отказаться от исполнения международно-правового акта в исключительных случаях, когда иными способами – без ущерба обязательности международно-правовых предписаний – защитить национальную идентичность невозможно. Рассмотрение столь сложного вопроса является предметом не одного исследования, в связи с чем настоящая работа сосредотачивается на поиске этого права в контексте двух императивов международного права: принципа невмешательства во внутренние дела государств и права народов на самоопределение.

Анализ содержания двух указанных принципов на предмет того, можно ли вывести из них право государств на национальную идентичность, требует двух важных замечаний.

Во-первых, международное право неизменно исходит из своего верховенства. Так, еще в 1932 году Постоянная палата международного правосудия в консультативном заключении по делу об

обращении с гражданами Польши и другими лицами польского происхождения на территории Данцига указала, что содержание национальных законов является для международного права лишь вопросом факта, а государство не вправе ссылаться на положения своего законодательства, в т.ч. конституционного, в оправдание неисполнения международно-правовых норм⁵. В XXI веке этот тезис подтвердила Комиссия международного права ООН, комментируя ныне действующий Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния⁶.

Во-вторых, тем не менее, международное право, как и любая правовая система, не исключает отступления от собственных положений (применение силы в рамках самообороны, дозволенной ст. 51 Устава ООН, дерогация в международном праве прав человека, неприменение ряда международно-правовых гарантий к государству-агрессору (Dörr, Schmalenbach 2018: 1381-1383) и др.⁷). То есть было бы преждевременным утверждать, что государство не вправе исключать для себя действие уже взятых на себя международных обязательств всегда и во всех случаях, даже если речь идет о защите национальной идентичности.

Национальная идентичность и принцип невмешательства во внутренние дела государств. Поскольку национальная

⁵ Permanent Court of International Justice. Treatment of Polish Nationals and Other Persons of Polish Origin or Speech in the Danzig Territory. Advisory Opinion of 4 February 1932. § 61-62. URL: https://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1932.02.04_danzig.htm (дата обращения: 10.10.2024).

⁶ International Law Commission. Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries. Adopted by the International Law Commission at its fifty-third session, in 2001. P. 37–38. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_2001.pdf (дата обращения: 08.10.2024).

⁷ Сказанное, однако, не отменяет того факта, что у каждого из приведенных примеров допустимого отступления от норм международного права имеются четкие пределы, определенные самим же международным правом. Так, считается, что самооборона, реализуемая в порядке ст. 51 Устава ООН, допускается только в ответ на вооруженное нападение (O’Meara 2022: 322-323), а дерогация в рамках европейского правозащитного механизма возможна не иначе как при условии соблюдения надлежащей процедуры в виде уведомления об этом Генерального секретаря Совета Европы (п. 3 ст. 15 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года).

идентичность обычно детерминирована через систему ценностей, ее следует считать продуктом самобытного культурного развития общества. Международно-правовые акты признают право на такое развитие, причем именно в контексте принципа невмешательства во внутренние дела государств.

В современном международном праве, основанном на системе ООН, данный принцип исторически сформулировался исключительно как негативное обязательство государств не совершать действия, направленные на вмешательство во внутренние дела друг друга. Такие формулировки используются в Уставе ООН (п. 7 ст. 2), двусторонних соглашениях (например, индийско-китайское соглашение о «Пяти принципах мирного сосуществования» 1954 года) и актах международных конференций (Бандунгские принципы 1955 года).

Культурный аспект данного принципа был подчеркнут Генеральной Ассамблеей ООН в Декларации о принципах международного права 1970 года. Декларация предлагает квалифицировать любые угрозы (вооруженные или невооруженные) в отношении культурных основ государства как нарушение принципа невмешательства во внутренние дела, а также как «применение силы, имеющее целью лишить народы их национальной самобытности»⁸. Более того, впервые Декларация привнесла в содержание данного принципа позитивно-правовой элемент, а именно право государств на выбор культурной системы без вмешательства извне.

Между тем представляется, что даже такого прямого указания на наличие у государств соответствующих прав не вполне достаточно для вывода о том, что государства обладают правом на национальную идентичность согласно общему международному праву, тем более – на отступление от его положений в целях ее защиты. О последнем текст Декларации 1970 года предсказуемо не говорит. Кроме того, следует учитывать, что сама по себе Декларация является актом мягкого права.

⁸ UN General Assembly. Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations 1970. Adopted at the 25th Session of UN General Assembly, on 24 October 1970. A/RES/2625(XXV). URL: https://treaties.un.org/doc/source/docs/A_RES_2625-Eng.pdf (дата обращения: 10.10.2024).

Действительно, Суд в решении по делу *о военных активностях в Никарагуа и против Никарагуа* признал, в т.ч. со ссылкой на Декларацию, что запрет вмешательства во внутренние дела государства означает недопустимость вмешательства в выбор культурной системы⁹. Однако Суд здесь же оговаривается, – очевидно, предостерегая расширительное толкование своих выводов, – что поскольку обращение Никарагуа касается актов вооруженного вмешательства, Суд в данном деле будет проверять на предмет соответствия принципу невмешательства только такие акты¹⁰. Более того, Суд указал на то, что противоправным является не всякое вмешательство, а лишь характеризующееся определенной степенью принуждения¹¹. В дальнейшем Суд также апеллировал к принципу невмешательства не иначе как в ситуациях, связанных с применением силы¹², т.е. в условиях очевидности принуждения. При этом характерно, что Суд за долгое время не обратился к данному принципу в иных контекстах, в т.ч. культурных.

Более того, неготовность к расширительному толкованию принципа невмешательства демонстрируют и сами государства. Это показывают, например, возражения против применения принципа невмешательства при квалификации межгосударственных кибератак. В частности, Россия занимает довольно категоричную позицию и указывает на недопустимость «простой экстраполяции» норм международного права на киберпространство, в т.ч. принципа невмешательства¹³. США, признавая, что кибератаки могут нарушать данный принцип, оговариваются, что

⁹ ICJ. *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*. Judgment of 27 June 1986. § 204. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 10.10.2024).

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid. § 205.

¹² ICJ. *Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda)*. Judgment of 19 December 2005. § 164. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/116/116-20051219-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).

¹³ UN General Assembly. Official compendium of voluntary national contributions on the subject of how international law applies to the use of information and communications technologies by States submitted by participating governmental experts in the Group of Governmental Experts

«принцип невмешательства рассматривается как относительно узкая норма международного обычного права»¹⁴.

Наконец, немаловажно, что аргументы в пользу национальной идентичности обычно выдвигаются в контексте неисполнения решений международных органов по защите прав человека. В то же время распространена позиция, согласно которой права человека и их защита не могут являться внутренним делом государства, представляя собой предмет международной озабоченности (Slater, Nardin 1986: 88). По этой причине, в частности, обсуждается вопрос о допустимости гуманитарной интервенции, являющейся легализованной формой вмешательства в дела государства (Rodley 1989: 332).

Таким образом, право государства на национальную идентичность очевидно не вытекает из принципа невмешательства – как по причине его негативного характера, так и в силу затруднительности его расширительного толкования.

Национальная идентичность и право народов на самоопределение. На первый взгляд, имеются предпосылки к тому, что право на национальную идентичность может проистекать из права народов на самоопределение. Они обнаруживаются в Декларации о принципах международного права 1970 года, согласно которой все народы вправе свободно, без вмешательства извне осуществлять свое культурное развитие. Кроме того, такие предпосылки сформулированы Международным Судом ООН в консультативном заключении по *делу о правовых последствиях политики и практик Израиля на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим*, где отмечено, что право народов на самостоятельное культурное развитие является ключевым элементом права на самоопределение¹⁵.

on Advancing Responsible State Behaviour in Cyberspace in the Context of International Security established pursuant to General Assembly resolution. Adopted at the 76th Session UN General Assembly, on 13 July 2021. A/76/136. P. 81. URL: <https://front.un-arm.org/wp-content/uploads/2021/08/A-76-136-EN.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).

¹⁴ Ibid. P. 139-140.

¹⁵ ICJ. Legal Consequences arising from the Policies and Practices of Israel in the Occupied Palestinian Territory, including East Jerusalem. Advisory Opinion of 19 July 2024. § 241. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/186/186-20240719-adv-01-00-en.pdf> (дата обращения: 10.10.2024).

Складывается впечатление, что содержание права на самоопределение может быть выявлено более точно, чем содержание принципа невмешательства, в т.ч. для целей защиты национальной идентичности. Более того, право народов на самоопределение обладает более высоким правовым статусом, поскольку в отличие от принципа невмешательства, с точки зрения Комиссии международного права ООН, оно является нормой *jus cogens*¹⁶.

Между тем исторически право народов на самоопределение является продуктом демонтажа колониальной системы. Приведенные выше формулировки Декларации о принципах международного права 1970 года буквально идентичны положениям Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 года¹⁷, в которой они и появились впервые. Этот исторический контекст усматривается и в практике Международного Суда ООН, который даже в 2024 г. признает за правом на самоопределение статус императивной нормы международного права только в случаях иностранной оккупации¹⁸. Анализируя более ранние решения Суда, следует признать, что судебная практика по данному вопросу является нерегулярной и нестабильной. Так, если в консультативном заключении по *делу о правовых последствиях строительства стены на оккупированных палестинских территориях* Суд касался вопроса содержания права на самоопределение хотя бы отчасти¹⁹, в дальнейшем, например, в заключении по *делу о соответствии международному праву декларации*

¹⁶ International Law Commission. Draft conclusions on identification and legal consequences of peremptory norms of general international law (jus cogens), with commentaries. Adopted by the International Law Commission at its seventy-third session, in 2022. P. 16. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_14_2022.pdf (дата обращения: 10.10.2024).

¹⁷ UN General Assembly. Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples 1960. Adopted at the 15th Session of UN General Assembly, on 14 December 1960. URL: <https://www.refworld.org/legal/resolution/unga/1960/en/7290> (дата обращения: 09.10.2024).

¹⁸ ICJ. Legal Consequences arising from the Policies and Practices of Israel in the Occupied Palestinian Territory, including East Jerusalem. Advisory Opinion of 19 July 2024. § 233.

¹⁹ ICJ. Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory. Advisory Opinion of 9 July 2004. § 88.

независимости Косово, Суд вовсе устранился от него²⁰. Что же касается национальной идентичности, в доктрине международного права нет консенсуса насчет того, какие факторы являются решающими для реализации права на самоопределение: субъективные (в т.ч. связанные с идентичностью) или объективные (например, территориальные). Соответственно, и право на самоопределение – с учетом его обремененности историческим контекстом – не может являться достаточной основой для возникновения у государств права на национальную идентичность в том смысле, в котором оно рассматривается в настоящем исследовании.

Заключение. Верховный Суд Канады в решении по делу *о некоторых вопросах, касающихся сепарации Квебека*, указывал на необходимость строгого различия между правом народа действовать и его конкретными правомочиями на эти действия²¹. Пожалуй, именно поэтому и был поставлен вопрос о наличии у государств права на национальную идентичность. Ответ на этот вопрос необходимо получить прежде, чем исследовать конкретные правомочия государства, в частности, правомочие по отступлению от своих отдельных обязательств в качестве крайней меры защиты идентичности.

Выводы, полученные в настоящем исследовании, не предвещают ответа на эти вопросы и свидетельствуют лишь о том, что они должны быть рассмотрены в более широком международно-правовом контексте. Если обнаружение права на национальную идентичность в контексте рассмотренных принципов затруднительно (в т.ч. потому, что об их содержании приходится судить по консультативным актам судов, *stricto sensu* не имеющим обязательной силы), оно может быть обнаружено в контексте иных принципов, что является задачей дальнейших исследований. В частности, сэр М. Вуд и М. Джамнежад полагают, что ответ кроется в правоприменительном

²⁰ ICJ. Accordance with international law of the unilateral declaration of independence in respect of Kosovo. Advisory Opinion of 22 July 2010. § 82-83. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/141/141-20100722-ADV-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 07.10.2024).

²¹ Supreme Court of Canada. Reference re Secession of Quebec. Judgement of 20 August 1998. 2 SCR 217. § 106. URL: <https://decisions.scc-csc.ca/scc-csc/scc-csc/en/item/1643/index.do> (дата обращения: 07.10.2024).

концепте свободы усмотрения государств при разрешении особенно чувствительных для них вопросов (Jamnejad, Wood 2009: 377)²², в т.ч. в свете принятых в этом государстве ценностей, составляющих идентичность его общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Зорькин В.Д. 2017. Конституционная идентичность России: доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. № 4. С. 1–40.

Шабров О.Ф. 2023. Национально-государственная идентичность в контексте глобального противостояния: проблема устойчивости социальных систем // Социально-политические науки. Т. 13, № 4. С. 16–26. DOI 10.33693/2223-0092-2023-13-4-16-26

Dörr O., Schmalenbach K. (eds.) 2018. Vienna Convention on the Law of Treaties: A Commentary / Ed. by O. Dörr, K. Schmalenbach. 2nd ed. Berlin : Springer-Verlag. 1535 p.

Jamnejad M., Wood M. 2009. The Principle of Non-intervention // Leiden Journal of International Law. Vol. 22, № 2. P. 345–381.

Kennedy P. 2001. Introduction: Globalization and the Crisis of National Identities // Globalization and National Identities. Crisis or Opportunity? / Ed. by P. Kennedy, Catherine J. Danks. Basingstoke : Palgrave. P. 1–28.

O'Meara C. 2022. Reconceptualising the right of self-defence against 'imminent' armed attacks // Journal on the Use of Force and International Law. № 1. P. 278–323. DOI 10.1080/20531702.2022.2097618

Palchetti P. 2018. International Law and National Perspective in a Time of Globalization: The Persistence of a National Identity in Italian Scholarship of International Law // KFG Working Paper Series. № 20. P. 3–15.

Palombino F.M. 2015. Compliance with International Judgments: Between Supremacy of International Law and National Fundamental Principles // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. № 75. S. 503–529.

Rodley N.S. 1989. Human Rights and Humanitarian Intervention: The Case Law of the World Court // The International and Comparative Law Quarterly. Vol. 38, iss. 2. P. 321–333. DOI 10.1093/iclqaj/38.2.321

²² Эти же авторы не исключают, что нарушением принципа невмешательства могут являться, например, отдельные случаи противоправного телевидения и пропаганды на территории другого государства (Jamnejad, Wood 2009: 374). Как известно, современные телекоммуникационные технологии могут весьма активно влиять на общественное мнение и, как следствие, на отношение к принятым в обществе ценностям, что в контексте национальной идентичности имеет особое значение.

Slater J., Nardin T. 1986. Nonintervention and Human Rights // The Journal of Politics. Vol. 48, № 1. P. 86–96. DOI 10.2307/2130926

Worster W.T. 2016. Relative International Legal Personality of Non-State Actors // Brooklyn Journal of International Law. Vol. 42, № 1. P. 207–273. DOI 10.2139/ssrn.2682444

Viktor D. Balakaev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: balakaev.work@gmail.com

“To strive, to seek”: Searching the Right to National Identity in General International Law

Abstract. In the emerging context of a multipolar world order, providing for the protection of sovereignty and national identity from external threats becomes an urgent task. At the same time, destructive attitudes aimed at undermining national security and identity can be transmitted through international institutions. Such a situation necessitates the development of legal mechanisms by means of which states may protect their national identity. However, such mechanisms must also consider the possibility that exceptional situations may arise in which the protection of identity becomes impossible without refusing to fulfil one or another international obligation. The exceptional nature of the task consists not only in it forcing us to look for ways to deviate from the norms of international law, since, in the first place, it is necessary to ensure that states have the right to national identity and an appropriate means of protecting it. The present study opens a series of articles aimed at analysing the provisions of general international law that permit or limit the use by states of various mechanisms to protect their own national identity. Here, the aim is to provide a justification on the part of states to assert their national identity within the international legal order. In the present work, this issue is discussed in light of the principle of non-interference in internal affairs and the right of peoples to self-determination. Based on judicial practice, acts of the main organs of the UN and international legal doctrine, a conclusion is reached that the right of states to assert a national identity cannot be discovered in these principles. The reasons for this include the uncertainty of their positive legal content and the historical features of their origin, as well as the consequent impossibility of their broad interpretation. This does not mean, however, that states do not possess the sought-after right at all; on the contrary, the search for it can and should continue.

Keywords: national identity; international law; principle of non-interference in internal affairs; right of peoples to self-determination; International Court of Justice

Междисциплинарная интеграция публичного права и социальных наук: проблемы и решения

УДК 340.122:17:51-7:512:340.121:21

Владимир Олегович Лобовиков

Институт философии и права

Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: vlobovikov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8760-0452

SPIN-код: 3994-4289

Естественное государство – фильтр на двузначной булевой алгебре естественного права

(О неудовлетворительном положении дел
в «теории» естественного права
в течение последних веков на этой планете)

Аннотация. Объект исследования – естественное право как система формально определенных законов. Предмет исследования – собственно алгебраический аспект системы формально определенных законов естественного права. Цель (задача) исследования – дополнить широко обсуждаемую «теорию» естественного права практически неизвестной теорией естественного государства, в точном определении которого вообще не упоминаются животные вида “homo sapiens” (они лишь частный случай) и которое предстает в виде некоего абстрактного идеализированного объекта естественно-правовой теории, необходимо подвергнутой математизации. Метод – математическое моделирование предмета исследования. Научная новизна результата исследования: двузначная алгебраическая система (формально определенных законов) формальной аксиологии естественного права дополнена точно сформулированной концепцией естественного государства, являющегося по определению

фильтром на двузначной булевой алгебре естественного права. При этом термины «алгебраическая система», «алгебра» и «фильтр (в частности, ультрафильтр) на булевой алгебре» использованы в *собственно математическом* (алгебраическом) значении, а не в смутном метафорическом смысле.

Ключевые слова: двузначная алгебра естественного права, фильтр как собственно алгебраическое понятие, естественное государство как абстрактный идеализированный объект теории естественного права, фильтр на двузначной булевой алгебре естественного права, формальная определенность законов естественного права

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Данная статья посвящена актуальным теоретическим проблемам *публичного* права. В отличие от права частного *публичное право есть право государственное*. Оно рассматривает много конкретных проблем, представляющих собой реакцию на злобу дня. Но публичное право содержит также и *фундаментальные собственно теоретические* проблемы государствоведения. Одна из них – предмет настоящей статьи. Необходимая связь понятий «государство» и «право» в юридическом позитивизме дополняется необходимой связью этих понятий в юридическом натурализме. Взаимодополнение позитивизма и натурализма (их симметрия) в целостной философии права требует введения «странного», необычного понятия «естественное государство» и строго формального определения его содержания в строго формально определенных терминах *дискретной математической модели* юснатурализма – двузначной *алгебры* естественного права.

Восстав против тысячелетней традиции, создатель современной физики Галилео Галилей был твердо уверен, что *книга природы написана на языке математики*. Именно то, что данный эвристически важный тезис упрямого Галилея (возмутительный для культурных людей его времени) является истинным, легко объясняет тот удивительный для современного культурного человека факт, что все «физики» в течение очень длительного периода времени – от Аристотеля до Галилея – были

чистыми гуманитариями («лириками»), рассуждавшими о природе на уровне ее метафизики, используя исключительно естественный язык для написания *стихотворных поэм*, часто называвшихся «О природе». Лишь Галилей, свободно владевший тем особым языком, на котором написана «Книга Природы», заложил основы современной физики (и естествознания в целом) как науки в собственном смысле слова. По моему мнению, *аналогичная* ситуация сложилась и вокруг *естественного права*: перефразируя Галилея, можно сказать, что строго формально определенные необходимо универсальные и неизменные законы естественного права – Права Природы точно сформулированы на специальном языке математики, поэтому юристы, в подавляющем большинстве своем этим особым языком не владеющие и им овладеть не желающие, прочитать и понять «Книгу Права Природы» не могут (да и не хотят) в принципе.

Впрочем, справедливости ради, необходимо заметить, что отнюдь не все известные философы и профессиональные юристы имели слабую математическую подготовку и недооценивали роль математики в прогрессивном развитии человеческой культуры: собственно философской, морально-правовой, художественно-эстетической, религиозно-метафизической и культуры в целом. Например, дипломированный и ослепленный *юрист* Г.В. Лейбниц – гений собственно математического и логического творчества – явное исключение из упомянутой среднестатистической нормы. И к математике, и к логике, и к философии права, в частности к праву естественному, он относился творчески, стремясь достичь максимально возможного в свою эпоху; его перу принадлежит, к примеру, незаконченная работа «Элементы естественного права» (Leibniz 1971), перевод которой с латинского языка на русский до сих пор не опубликован. Серьезный интерес и уважительное отношение и к математике, и к естественно-правовой теории были характерны и для других выдающихся философов, живших в так называемую золотую эру натурализма в праве (см.: Гоббс 1936; Локк 1988; Монтескье 1999). Историки и теоретики права вполне обоснованно придают этой эпохе в развитии натурализма в праве (XVII и XVIII вв.) очень большое значение (см.: Entreves 1951; Finnis 1980; Finnis 1991; Покровский 1998: 62). Для прогрессивного развития доктрины естественного права

это был очень важный период истории. Но, к сожалению, в ту весьма благоприятную для юснатурализма эру математика еще не дозрела до осознания себя как универсальной теории *абстрактных математических структур*: теории множеств, алгебры Буля и универсальной алгебры тогда еще не было. Именно недостаточная развитость математики той эпохи объясняет тот факт, что в то время попытки изобретения (преднамеренного построения) *дискретных математических моделей естественного права* или вообще не предпринимались, или были неудачными.

Крайне неудовлетворительное положение дел как в научном исследовании, так и в преподавании «теории» естественного права сохраняется на этой планете на протяжении тысячелетий: от Античности до наших дней. В XX в. математика уже достаточно созрела для того, чтобы стать адекватным языком и методом теории естественного права, но в философии права господствовал юридический позитивизм. Несогласованность (отсутствие корреляции) развития математической и юридической подсистем человеческой культуры как целого еще более усилилась, начав походить на абсолютно непреодолимую пропасть.

В начале XX в. на этот существенный недостаток развития целостной культуры *“homo sapiens”* обратил особое внимание О. Шпенглер, впервые вполне осознанно связавший основные соответствующие друг другу этапы исторического развития собственно юридической и собственно математической культур человечества (Spengler 1928: 67, 82). Он писал: «The affinity between mathematical and legal thought is very close» (Spengler 1928: 67). По его мнению, для преодоления явного несоответствия (существенного разрыва, пропасти) между этими *объективно взаимосвязанными* культурами человечеству в то время нужно было еще примерно сто лет, то есть как минимум весь двадцатый век (Spengler 1928: 83), но этот прогноз оказался слишком оптимистичным: его не поняли или поняли, но проигнорировали, а потом просто забыли.

Поэтому, к сожалению, на протяжении последних веков «юридические» (философско-правовые) дискуссии о естественном праве представляют собой очень мутные потоки чисто гуманитарного сознания и ведутся на исключительно естествен-

ном языке: дискутирующие не утруждают себя и собеседников точными определениями значений используемых слов и словосочетаний, из-за чего действительное взаимопонимание и согласие, а также действительное взаимопонимание и несогласие оказываются маловероятными случайными событиями.

В профессиональном языке юристов Древнего Рима словосочетание «естественное право» имело отнюдь не то значение, которое систематически используется на этой планете на протяжении последних веков: «рецепция» римского права сопровождалась его своеобразным пониманием, столкновением и редактированием, в частности «обрезанием лишнего» с помощью «бритвы Оккама». Это постепенное *качественное изменение значения термина «естественное право»* было с полным на то основанием замечено Руссо (Руссо 1998; Rousseau 1994: 330), однако юристами и особенно философами его времени это замечание было проигнорировано: они постепенно стали использовать словосочетание «естественное право» не в средневековом (пришедшем из Античности), а в *качественно ином* значении (Кареев 1902: 7-8). В отличие от таких знаменитых древнеримских юристов, как Ульпиан и Павел (см.: Перетерский 1984: 23-25), в немецкой классической философии (и параллельно в национальных философиях права других цивилизованных стран) субъектами естественного права были объявлены *лишь разумные существа*, то есть Бог и животные вида *homo sapiens*; не только бактериям, но и всем прочим живым существам (даже таким весьма интеллектуальным животным, как дельфины и шимпанзе) в естественной правосубъектности было отказано из-за отсутствия у них «разума». А ведь не так уж и давно (в Средние века) не только быки и свиньи *обвинялись в убийствах людей и по решению суда* часто подвергались высшей мере наказания (смертной казни), но даже гусеницы считались субъектами естественного права, были *подсудимыми, подзащитными* (имели адвокатов), *осужденными и отлученными от церкви* (Канторович 2012).

Время от времени в истории философии права происходило обострение интереса к естественно-правовой доктрине. Хотя большинство профессиональных юристов последних двух веков были уверены, что эта бессмысленная *метафизическая химера* абсолютно мертва, некоторые юристы призывали

ее реанимировать и возродить (Штаммлер 1907; Штаммлер 1908; Гессен 1902; Новгородцев 1902; Новгородцев 1904а; Новгородцев 1904б; Покровский 1909; Покровский 1998: 60-76; Петражицкий 1913; Трубецкой 1907; Кистяковский 1998), а ряд юристов с ними не соглашались по принципиальным соображениям (Кареев 1902; Ковалевский 1902).

Однако на стыке XIX и XX вв., находясь под сильным впечатлением от кантианской философии морали и права, сторонники так называемого возрожденного естественного права имели в виду именно «обрезанный» его вариант – «царство разума», описанное на *исключительно естественном языке*; они были уверены, что владеющие современной научной теорией юристы уже не могут нести ответственность за те глупости, которые наговорил их древнеримский коллега Ульпиан о естественном праве как необходимо универсальном неизменном праве природы, объединяющем всех людей не только со всеми животными, но и вообще со всеми видами живого (Кареев 1902: 2, 15; Ковалевский 1902: 33, 62-63).

Справедливости ради, необходимо отметить, что в явном противоречии с упомянутым (характерным для Нового времени) критическим (демонстративно пренебрежительным) отношением к естественно-правовой концепции Ульпиана находилось в XIX в. опиравшееся на *научные знания биологии* учение о «взаимной помощи среди животных» (Кропоткин 1904: 3-50). Князь П. Кропоткин, развивавший анархистскую теорию государства и права, утверждал, что животным присуще чувство справедливости; он утверждал, что «общество в животном мире было найдено на всех ступенях эволюции» (Кропоткин 1904: 39). Его (возмутительные для среднестатистических юристов XIX в.) идеи вполне соответствовали тому, что писал в свое время Ульпиан о естественном праве (общем для человека и животных, объединяющем все живое). Последовательно критикуя и корректируя крайности дарвинизма, мятежный князь настаивал на том, что «общественность является таким же законом природы, как и взаимная борьба» (Кропоткин 1904: 6); взаимопомощь – «закон природы и главный фактор эволюции» (Кропоткин 1904: 7). По моему мнению, оригинальные диссидентские рассуждения Кропоткина о «животных сообществах», об «общественной жизни животных», основанной на «взаимо-

помощи во благо всех членов сообщества» (Кропоткин 1904: 6) можно считать важными историческими предпосылками формирования *абстрактного идеализированного объекта* научной теории, который может быть назван «естественное государство» и находится в *необходимой* связи со *строго определенным* (в алгебре поступков) научно-теоретическим понятием «естественное право».

Наряду с Кропоткиным, наличие в живой природе не только борьбы, но и «солидарности», а также социальных союзов живых существ, в частности «животных обществ» или «обществ животных», ссылаясь на О. Конта, обсуждал М.М. Ковалевский (Ковалевский 1902: 34, 45-48), критически относившийся к идее «возрожденного естественного права» (Ковалевский 1902: 33, 62-63). Анализируя социологические идеи О. Конта, Ковалевский обсуждал даже утверждение Конта о существовании «своеобразных обществ, свойственных низшим организмам» (Ковалевский 1902: 47).

Интеллектуальное движение, получившее в начале XX в. название «возрожденное естественное право», закончилось ничем – много шума из ничего: естественно-правовой теории как именно (абстрактной) теории (необходимо универсальной или хотя бы стремящейся к универсальности) не возникло. П.И. Новгородцев, по сути дела, признал этот огорчительный факт следующим своим утверждением: «Если взять те имена и сочинения, которые нередко выдвигаются в связи с вопросом о возрождении естественного права, то окажется, что в крупнейших теоретических работах наших дней проблема естественного права не только не была разработана, но скорее была устранена и заменена другими проблемами» (Новгородцев 1913: 18).

Почему на стыке XIX и XX вв. *действительно научная* теория естественного права как *точно сформулированная система неизменных и необходимо универсальных формально определенных законов* так и не возникла и существовала ли, в принципе, реальная возможность для ее возникновения в рамках того исторически ограниченного интеллектуального движения? По моему мнению, такой возможности не было: «умершая» или на долгие времена «усопшая» естественно-правовая доктрина не могла быть реанимирована и возрождена усилиями

Штамллера, Гессена, Новгородцева, Покровского, Петражицкого, Кистяковского и Ко; и их отчаянная попытка была обречена на провал. Бесспорно, что такое критическое мнение нуждается в обосновании. Рассмотрим следующие аргументы.

Согласно философии науки, теория есть логически организованная система законов, то есть *необходимых и общих утверждений* о ее объектах; от случайностей и частных теория должна систематически абстрагироваться, концентрируясь на рассмотрении своих объектов в самом общем виде. Теория не относится непосредственно к материальным объектам реального мира; непосредственно теория относится к ее *абстрактным идеализированным объектам*; если таковых пока еще нет, то нет пока еще и теории. Новгородцев и К^о осознавали это очень плохо.

Согласно теории позитивного права, *необходимым* признаком собственно юридического закона является его строгая *формальная определенность*. Юридический позитивизм вполне обоснованно подчеркивает строгую *формальную определенность* норм позитивного права, в отличие от «законов естественного права», упоминавшихся (сформулированных на чрезвычайно многозначном естественном философском языке) в ходе многовековой истории политических и правовых учений. В отношении расплывчато формулируемой на исключительно естественном языке «теории» естественного права многих предыдущих веков С.С. Алексеев совершенно справедливо замечает: «...категории естественного права... лишены качеств строгой определенности – решающего и уникального достоинства юридического регулирования» (Алексеев 2010: 337).

Однако, по моему мнению, сфера истинности этого совершенно справедливого замечания имеет как исторические, так и логические границы, за которыми это замечание уже не является справедливым, – в третьей четверти XX в. ситуация существенно изменилась, в начале 70-х гг. появилась *двузначная алгебра поступков и лиц* (индивидуальных или коллективных – не важно). Впервые в истории естественно-правовая доктрина была точно сформулирована на некоем *вполне однозначном искусственном языке*; а понятию «закон естественного права» было дано строгое (явное и точное) формальное

определение в *алгебраической системе естественного права как формальной аксиологии*. С этого исторического момента упрек в отсутствии (или в недостаточности) строгой *формальной определенности* у законов естественного права уже неуместен (Lobovikov 2022: 81). Но, к сожалению, подавляющее большинство юристов нашего времени об этом ничего не знает. Данное обстоятельство свидетельствует о важности создания, прогрессивного развития и плодотворного применения *принципиально новой* (современной) *необходимо математизированной* теории естественного права как формальной аксиологии, необходимо всеобщие законы которой отличаются *формальной определенностью* и неизменностью (в гораздо большей степени, чем законы права позитивного) вопреки очевидным эмпирическим фактам изменчивости и относительности оценочных суждений (Lobovikov 2022: 81). Эти очевидные факты изменчивости и относительности оценок не противоречат вечным (неизменным) необходимо всеобщим *формально определенным* законам двузначной булевой алгебры естественного права.

Но основным аспектом научной новизны результатов исследований, представленных в настоящей статье, является не то весьма непривычное для стандартных юристов-позитивистов, что сказано выше о *формальной определенности законов* двузначной булевой алгебры естественного права, а то, что необходимым этапом прогрессивного развития современной (математизированной) теории естественного права является введение в ее концептуальную систему понятия «естественное государство». По моему мнению, это психологически неожиданное (шокирующее стандартных юристов-позитивистов) научно-теоретическое понятие должно быть каким-то образом представлено в существующей *дискретной математической модели естественного права* – алгебре формальной аксиологии (Лобовиков 2002; Lobovikov 2022). Речь идет не об эмпирическом поиске, обнаружении и чувственном восприятии естественного государства (являющегося *абстрактным идеализированным объектом* теории) в материальном мире, а об изобретении (преднамеренном абстрактно-теоретическом конструировании) некой *особой алгебраической структуры*, тесно связанной с уже существующей алгебраической системой естественного права как формальной аксиологии.

Как в научной, так и в учебной литературе по теории государства и права положение о том, что *право и государство необходимо взаимосвязаны*, является если не общепринятым, то по крайней мере явно доминирующим. Принципиальных разногласий на этот счет между уважаемыми теоретиками государства и права на Западе (Kelsen 2007) и на Востоке (Алексеев 2015) нет: практически всеми интеллектуально уважаемыми профессиональными юристами цивилизованных стран признается, что именно *государство – источник и гарант реализации права*. Но при этом имеется в виду *позитивное право*, создаваемое *исключительно людьми*, специально на то уполномоченными *позитивным* государством, представляющим собой *организацию, искусственно созданную исключительно людьми*. Термин «естественное право» часто или редко, явно или неявно употребляют почти все теоретики права (см., напр.: Алексеев 2015; Kelsen 2007), но термин «естественное государство» либо вообще ими не употребляется, либо представляет собой очень большую редкость – налицо явная *асимметрия*. Для ее устранения путем введения недостающего для симметрии элемента необходимо признать, что в природе объективно существуют системы, которые могут быть названы *естественными государствами – источниками естественного права, адекватными формами его существования и эффективными средствами его реализации*. Впервые этот необычный (психологически неожиданный для юристов-позитивистов) тезис был высказан более 20 лет назад во время устного доклада на научной конференции «Логика толерантности и права» (Екатеринбург, 24–25 декабря 2001 г.) и затем опубликован в материалах этой конференции (Лобовиков 2002). Но никакой реакции, к сожалению, не последовало, хотя, на мой взгляд, упомянутый весьма нетривиальный философско-правовой тезис заслуживает обсуждения в среде специалистов по философии права, так как затрагивает существенные аспекты общей теории права и государства.

Теперь от содержательных философско-правовых рассуждений, представленных на нечетком и многозначном естественном языке, целесообразно перейти к точным определениям обсуждаемых естественно-правовых понятий на совершенно однозначном искусственном языке математики. Если, согласно принимаемому в данной статье определению,

естественное государство есть фильтр на двузначной булевой алгебре поступков (актов) и лиц (агентов), то что такое «фильтр на булевой алгебре»? Ответом на этот вопрос может служить следующая цитата:

«Фильтром на булевой алгебре M называется непустое подмножество $D \subseteq M$, удовлетворяющее условиям:

- (1) $x, y \in D \Rightarrow (x \cap y) \in D$,
- (2) $x \in D, x \leq y \Rightarrow y \in D$,
- (3) $x \in D \Rightarrow (-x) \notin D$.

Фильтр D на булевой алгебре M называется *ультрафильтром*, если он удовлетворяет условию

- (4) $x \in D$ или $(-x) \in D$ для любого $x \in M$.

Фильтр D на булевой алгебре M называется *простым*, если он удовлетворяет условию: для любых $x, y \in M$

- (5) $(x \cup y) \in D \Rightarrow x \in D$ или $y \in D$.

Фильтр D на булевой алгебре M называется *максимальным*, если он не содержится ни в каком другом фильтре на M » (Лавров, Максимова 1975: 22). Точные определения понятия «фильтр на булевой алгебре» можно найти также в работах П.М. Кона, Д.А. Владимировой и А.И. Мальцева (Кон 1968: 212; Владимиров 1969: 39; Мальцев 1970: 193).

По моему мнению, очень важной для использующих методы математического моделирования рациональных философско-правовых рассуждений о «граде Божиим» (Августин Блаженный 1998) и о *необходимом* для современной научной теории естественного права понятии «естественное государство» является «**Теорема 2.7.** *Каждый фильтр булевой алгебры содержится в ультрафильтре*» (Кон 1968: 212).

Для облегчения восприятия вышесказанного рассмотрим следующую графическую модель. Пусть символ M обозначает представленное ниже серым четырехугольником множество либо хороших, либо плохих актов (действий) и акторов (действующих лиц), на котором построена *двузначная булева алгебра естественного права*, а символ T обозначает такое подмножество множества M (представленное кругом внутри четырехугольника), которое ограничено вполне определенным временем (эпохой), пространством (территорией) и народом, проживающим в это время в этом месте и вполне эффективно контролирующим эту территорию в течение данного промежутка времени.

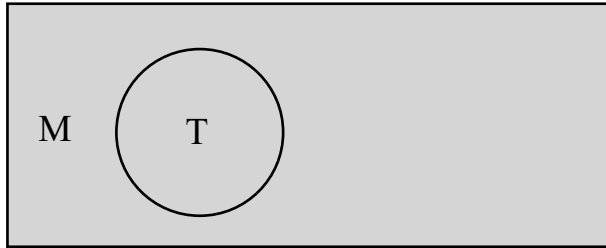


Рис. 1. *Позитивное* государство Т, определенное на множестве акторов и актов

Итак, на рис. 1 представлено *позитивное* государство Т, определенное территорией, историей и народом: имеется в виду определение без использования таких оценочных категорий естественного права, как «доброе (хорошее)» и «справедливое». Иначе говоря, на рис. 1 графически моделируется *позитивистская* дефиниция государства Т, систематически абстрагирующаяся от добра и зла.

Можно ли как-то визуализировать (представить на уровне наглядной графической модели) данное выше точное формальное определение абстрактного понятия «*естественное* государство»? По моему мнению, можно. Рассмотрим *естественное* государство на территории Т. Если всякое хорошее (действие или лицо) обозначить белым, а плохое – черным, то представленное на рис. 1 серым кругом подмножество Т множества М (моделируемого серым четырехугольником) будет выглядеть следующим образом:

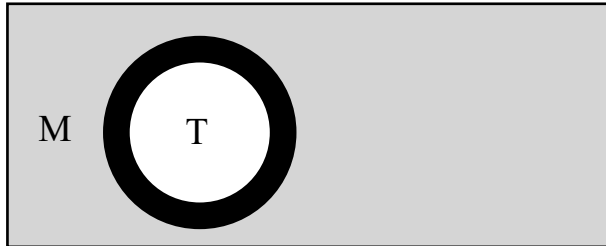


Рис. 2. *Естественное* государство Т как фильтр на двузначной булевой алгебре естественного права

Белый круг внутри четырехугольника моделирует *естественное* государство Т. В полном соответствии с данным выше

точным формальным определением абстрактного понятия «естественное государство» этот (белый) круг представляет собой множество, элементами которого являются все хорошие и *только* хорошие акты и акторы, принадлежащие множеству Т. Элементов черного цвета в естественном государстве Т нет; они «отфильтрованы» и сосредоточены исключительно в том подмножестве множества Т, которое выделено черным цветом.

Данное выше математически точное *естественно-правовое* определение понятия «государство» отнюдь не отрицает существующую позитивно-правовую дефиницию этого понятия – они *взаимодополняют* друг друга, образуя гармоничный концептуальный синтез. Конкретный пример их гармонии: такой важнейший элемент позитивистской юридической техники, как презумпция невиновности, прекрасно соответствует тому, что в естественном государстве, согласно его определению, имеют место исключительно хорошие акты и акторы: плохие из него «отфильтровываются» в другое место. Но и в позитивном государстве все акторы невиновны, согласно упомянутой презумпции; а если в какой-то момент времени какой-то актер признан виновным по решению суда, то с этого момента он «отфильтровывается» государством в другое место.

Нетрудно заметить, что обсуждаемое в настоящей статье понятие «естественное государство», определяемое как «*фильтр на булевой алгебре поступков и агентов (субъектов)*», не связано необходимо с понятиями «разум», «разумное существо», «естественный интеллект», «человек», «Бог» и т.п. Такая связь возможна, но *случайна*, представляет собой *частный* случай, значит, рассуждая о естественном государстве в самом общем виде, от нее нужно абстрагироваться. С этой точки зрения *агентами или акторами (субъектами актов) могут быть любые живые существа* в полном соответствии с древнеримской теорией естественного права Ульпиана и Павла (см.: Перетерский 1984: 23-25), а естественное государство есть в таком случае некое гармоничное *содружество, сообщество* (commonwealth, symbiosis) любых живых систем, их хорошо организованная взаимовыгодная *кооперация (взаимопомощь), солидарность*, имеющая целью *общее благо* (common wealth). При этом «град Божий» (Августин Блаженный 1998) оказывается очень важным частным случаем рассмотренной необходимо универсальной

абстрактно-теоретической системы двузначной формальной аксиологии, а именно *максимальным* фильтром на двузначной булевой алгебре актов и акторов (индивидуальных или коллективных – не имеет значения).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Августин Блаженный. 1998. Творения. В 4 т. Т. 3. Кн. 1–13 / сост. и подгот. текста к печати С.И. Еремеева. Санкт-Петербург : Алетейя ; Киев : УЦИММ-пресс. 595 с.

Алексеев С.С. 2010. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 6. Восхождение к праву. Москва : Статут. 558 с.

Алексеев С.С. 2015. Государство и право. Москва : Проспект. 152 с.

Владимиров Д.А. 1969. Булевы алгебры. Москва : Наука. 318 с.

Гессен В.М. 1902. Возрождение естественного права. Санкт-Петербург : Тип. Е. Евдокимова. 43 с.

Гоббс Т. 1936. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Москва : Соцэкгиз. 503 с.

Канторович Я.А. 2012. Процессы против животных в Средние века. Москва : КРАСАНД. 64 с.

Кареев Н.Н. 1902. Нужно ли возрождение естественного права? // Русское богатство. № 4. С. 1–15.

Кистяковский Б.А. 1998. Философия и социология права. Санкт-Петербург : Изд-во Рус. Христиан. гуманист. ин-та. 798 с.

Ковалевский М.М. 1902. Социология и сравнительная история права // Вестник воспитания. № 2. С. 31–63.

Кон П.М. 1968. Универсальная алгебра. Москва : Мир. 352 с.

Кропоткин П. 1904. Взаимопомощь среди животных и людей. Санкт-Петербург : Изд. Тов. М.Д. Орехова и Ко. 211 с.

Лавров И.А., Максимова Л.Л. 1975. Задачи по теории множеств, математической логике и теории алгоритмов. Москва : Наука. 240 с.

Лобовиков В.О. 2002. Дискретная математическая модель естественного права и государства: от логики ригоризма к логике толерантности // Логика толерантности и права : материалы науч. конф. (Екатеринбург, 24–25 дек. 2001 г.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. С. 159–187.

Локк Дж. 1988. Сочинения. В 3 т. Т. 3. Москва : Мысль. 668 с.

Мальцев А.И. 1970. Алгебраические системы. Москва : Наука. 392 с.

Монтескье Ш.Л. де 1999. О духе законов. Москва : Мысль. 672 с.

Новгородцев П.И. 1902. Нравственный идеализм в философии права (К вопросу о возрождении естественного права) // Проблемы идеализма. Москва : Моск. психолог. о-во. С. 236–296.

Новгородцев П.И. 1904а. Государство и право // Вопросы философии и психологии. № 74. С. 397–450.

Новгородцев П.И. 1904b. Государство и право // Вопросы философии и психологии. № 75. С. 508–538.

Новгородцев П.И. 1913. Современное положение проблемы естественного права // Юридический вестник. № 1. С. 18–24.

Перетерский И.С. 1984. Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты с примечаниями. Москва : Наука. 458 с.

Петражицкий Л.И. 1913. К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права // Юридический вестник. № 2. С. 5–59.

Покровский И.А. 1909. Естественные-правовые течения в истории гражданского права. Санкт-Петербург : Тип. Б.М. Вольфа. 53 с.

Покровский И.А. 1998. Основные проблемы гражданского права. Москва : Статут. 353 с.

Руссо Ж.-Ж. 1998. Об общественном договоре. Трактаты. Москва : КАНОН-пресс : Кучково поле. 416 с.

Трубецкой Е.Н. 1907. Энциклопедия права. Москва : Изд. студентов. 224 с.

Штаммлер Р. 1907. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Т. 1. Санкт-Петербург: Начало. 408 с.

Штаммлер Р. 1908. Сущность и задачи права и правоведения. Москва : Тип. Тов. И.Д. Сытина. 326 с.

d'Entreves A.P. 1951. Natural Law: An Historical Survey. New York : Macmillan Co. 658 p.

Finnis J.M. 1980. Natural Law and Natural Rights. Oxford : Clarendon Press. 425 p.

Finnis J.M. (ed.). 1991. Natural Law (a collection of papers). Oxford : Clarendon Press. 843 p.

Kelsen H. 2007. General Theory of Law and State. Clark, New Jersey : The Law-Book Exchange, Ltd. 516 p.

Leibniz G.W. 1971. Elementa Juris Naturalis [Elements of the Natural Law] // G.W. Leibniz. Philosophische Schriften. Erster Band (1663–1672). Berlin : Akademie-Verlag. P. 431–485.

Lobovikov V.O. 2022. Natural Legal Law as Mathematics of Freedom (Four Mathematically Different Moral-Legal-Value-Functions “Freedom” and Four Ones “Slavery” Defined Precisely in Two-Valued Algebra of Formal Axiology of Ethics and Jurisprudence) // Antinomies. 2022. Vol. 22, iss. 1. P. 65–90. DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_65

Rousseau J.-J. 1994. A Discourse on a Subject Proposed by the Academy of Dijon: What is the Origin of Inequality among Men, and is It Authorized by Natural Law? // Adler Mortimer (Ed.), Great Books of the Western World. V. 35: Montesquieu; Rousseau. Chicago ; Auckland ; London ; Madrid : Encyclopedia Britannica, Inc. P. 323–366.

Spengler O. 1928. The Decline of the West (in two volumes). Vol. 2. Perspectives of the World History. New York : Alfred A. Knopf, Inc. 408 p.

Vladimir O. Lobovikov

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. E-mail: vlobovikov@mail.ru

**The Natural State – A Filter
on the Bivalent Boolean Algebra of Natural Law
(On the Unsatisfactory State of Affairs
in the “Theory” of Natural Law
over the Last Few Centuries on This Planet)**

Abstract. The study focuses on natural law as a system of *formally defined* laws, specifically examining the *algebraic aspect* of this system. Its goal is to complement the well-known “theory” of natural law with the lesser-known theory of the *natural state*. In the precise definition of the natural state, animals of the species “*Homo sapiens*” are not mentioned at all (they are only a *specific case*), and the natural state appears as an *abstract, idealized concept* within natural law theory, which is *necessarily subjected to mathematization*. Methodologically, the study relies on *mathematical modeling*. The novelty of this research lies in the fact that it adds a precisely defined concept of the *natural state* to the *bivalent algebraic system* (of *formally defined laws*) of *formal axiology* within natural law. The natural state serves as a *filter applied to the bivalent Boolean algebra of natural law*. In this context, the terms “algebraic system”, “algebra”, and “filter” (specifically, ultrafilter) are used in their *formal, mathematical (algebraic) sense*, rather than in a metaphorical or vague manner.

Keywords: bivalent algebra of natural law; filter as a strictly algebraic concept; natural state as an abstract idealized object of the theory of natural law; filter on the bivalent Boolean algebra of natural law; formal definition of the laws of natural law

Александр Борисович Белоусов

Институт философии и права

Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: ektb@ya.ru

ORCID: 0000-0003-0082-909X

«Сплоченная масса ненависти»: концепция пропаганды Гарольда Лассуэлла

Аннотация. В представленных тезисах рассматривается концепция пропаганды американского политолога Гарольда Лассуэлла. Он является представителем первой волны исследователей пропаганды, опубликовавших свои труды в 1920-е, и в их числе – единственным представителем академической сферы. Его знаменитый труд «Техника пропаганды в мировую войну» (1927) вошел во все учебные курсы по пропаганде, однако в России полноценно был переведен только в 2021 г. Это обстоятельство, а также ряд других причин, привели к тому, что концепция пропаганды Лассуэлла остается неизвестной в российской политической науке. Проведенный анализ показал, что она основана на противопоставлении на фигуре врага и чувстве ненависти. Показано, как в «Технике пропаганды...» демонстрируются ключевые моменты управления ненавистью: от опознания врага и приписыванию ему целого спектра негативных свойств до персонализации ненависти, а также ее переводу на другие объекты с целью дестабилизации противника. Выделяются и другие преимущества его работы 1927 г.: систематизированное изучение военной пропаганды, большое количество показательных примеров, внедрение психологического подхода. Кроме этого, он вписал ее в организационный, политический и аппаратный контекст. Анализ дальнейшего изучения пропаганды Гарольдом Лассуэллом выявил два ключевых этапа ее исследования: этап концептуальных и этап количественных исследований. Однако, несмотря на сдвиг интересов в сторону изучения революционной пропаганды в 1930-е гг., концептуальным ядром остается манипуляция противоречивыми отношениями. Показывается, что концепция Лассуэлла актуальна для текущих политических процессов в России, когда необходимо давать оценки формированию сплоченности общества не на субъективных впечатлениях, а на научной основе.

Ключевые слова: пропаганда, Первая мировая война, Гарольд Лассуэлл, общество, сплоченность

Введение: первая волна изучения пропаганды и роль «Техники пропаганды». Тема сплоченности, единства общества актуальна в наши дни по вполне понятным причинам: в начале 20-х гг. текущего века Россия столкнулась с беспрецедентными внешнеполитическими вызовами. Когда речь заходит не просто об оценке уровня сплоченности и поддержки власти, а о формировании единства, невозможно обойти стороной такую тему как пропаганда. Важность пропаганды обусловлена тем, что, как правило, начало тех или иных военных конфликтов раскалывает общество: одна часть воспринимает происходящее с воодушевлением, другая же – со значительным психологическим сопротивлением. В дальнейшем сплочение нации бывает непросто поддерживать в силу усталости общества, что может привести к самым печальным последствиям. К сожалению, это совершенно отчетливо показали события в России в 1917 г. Преодоление сопротивления и предотвращение усталости – одна из главных функций пропаганды. Поэтому при всей кажущейся банальности, ее механизмы не так уж и просты. В использовании пропаганды и получении эффективных результатов выработаны свои закономерности, которые описаны в специальных научных исследованиях на эту тему. В корпусе этих трудов особняком стоят концептуальные разработки Гарольда Лассуэлла, и в первую очередь его труд «Техника пропаганды в мировой войне». Он стал образцовым и по сей день может считаться учебным пособием для пропагандистов. Поэтому при оценке текущей ситуации в российских общественных настроениях невозможно обойти стороной вклад данного исследователя в теорию пропаганды.

Исследования пропаганды начались в западной политической науке в 20-е гг. XX в. по окончании Первой мировой войны. Пропаганда в той войне оказала на всех столь ошеломляющее действие, что о ней начали думать как об «опасном и таинственном явлении», а немецкие генералы нашли в ней возможность переложить ответственность за свои поражения на поле боя (Lasswell 1939: iv). Пережившее множество шоков общество начало постепенно осмыслять произошедшее, анализируя, в том числе, каким образом в простых людях разжигалась ненависть, служившая «топливом» для ведения военных действий. За относительно короткий срок – порядка 10 лет по-

сле завершения Первой мировой – был опубликован корпус значимых трудов, которую мы назовем *первой волной изучения пропаганды*. К ним можно отнести «Общественное мнение» Уолтера Липпмана (Липпман 2004), «Пропаганду» Эдварда Бернейса (Бернейс 2010), «Ложь в военное время» Артура Понсонби (Ponsonby 1940) и знаменитую «Технику пропаганды в мировой войне» Гарольда Лассуэлла (Лассуэлл 2021). Все эти труды давно стали классическими и вошли в учебные курсы по политологии, социологии и связям с общественностью. Исключение составляет только «Ложь в военное время» Артура Понсонби, которая представляет собой в большей степени критический разбор способов манипуляции, нежели попытку осмысления механизмов действия пропаганды.

Среди этих работ «Техника пропаганды...» стоит особняком по целому ряду причин. Главная из них заключается в том, что это, пожалуй, единственная из указанных работ, написанная классическим ученым и представляющая собой научный труд в полном смысле этого слова. И, действительно, Лассуэлл был единственным из авторов, кто имел непосредственно отношение к академической жизни, поступив в год окончания войны на обучение в Чикагский университет и затем продолжив в нем работать в качестве доцента и профессора. Как известно, «Техника пропаганды...» была его диссертационной работой, которую он издал в виде книги через год после защиты. Что же касается остальных первооткрывателей пропаганды, то они были далеки от академической среды: Бернейс был практикующим специалистом по связям с общественностью; Липпман – журналистом и политическим советником; Понсонби – политическим деятелем в Великобритании. Липпман, Бернейс и Понсонби в той или иной степени были задействованы в пропаганде или в политике в Первой мировой войне: первые двое работали в американских пропагандистских структурах, последний – являлся членом Британского парламента. Лассуэллу же на момент окончания войны было 16 лет, и поэтому в силу своего возраста он не мог быть деятельным участником тех событий, а только наблюдателем. Как указывают биографы, он был учеником основателя Чикагской школы политологии Чарльза Мериама, который в конце Первой мировой возглавил Римский филиал Комитета общественной информации, главного

пропагандистского ведомства США времен Первой мировой. Мериам оказал ему всестороннюю поддержку в посещении основных европейских столиц и встречах с участниками событий и процессов той войны (Ефременко, Богомолов 2021: 8).

Это дало Лассуэлу отличную от других исследователей оптику видения событий, воплотившуюся в строгом научном подходе. В дальнейшем же, опираясь на «Технику пропаганды» Лассуэлл разработал свою не менее знаменитую модель политической коммуникации, вошедшую во все учебники политологии, коммуникативистики и т.д.

Однако несмотря на свою популярность на Западе и огромное влияние на развитие дальнейшей политической науки, в России трудов, разбирающих нюансы концепции пропаганды Лассуэлла наберется считанные единицы. Среди них можно отметить «Механизмы противодействия манипуляции и пропаганде в работах Г. Лассуэлла И Дж. Дьюи» (Чулков 2022) и «Пропаганда как инструмент влияния на политическое поведение в теории Г.Д. Лассуэлла» (Аргун 2021). Остальные работы российских ученых посвящены другим научным проблемам, которыми он занимался: политической и массовой коммуникации (Булкина 2000; Кривоносов, Киуру 2022), политической реальности (Алюшин 2006), феномену лидерства (Гомелаури 2018) и т.п. Впрочем, и в целом изучение наследия Лассуэлла в российской политической науке не выглядит слишком тщательным. Вероятно, это связано с несколькими причинами, которые лежат на поверхности. Во-первых, переводов его работ на русский язык опубликовано не так уж и много (Баталов 2014: 10; Ефременко 2023: 29)¹. Во-вторых, изучение пропаган-

¹ В 2005 г. была переведена «Психопатология и политика» (Лассуэлл 2005). «Техника пропаганды» была полностью переведена только в 2021 г. (Лассуэлл 2021), а сокращенный перевод, выпущенный по горячим следам в 1929 г. (Ласвель 1929), вряд ли можно считать удовлетворительным. В 2023 г. в сборнике, посвященном школе Чикагской мысли, выпущена еще одна работа – «Политика: кто достигает чего, когда и как?» (Лассуэлл 2023). К этому списку можно добавить еще несколько переводов статьей, что вряд ли дает составить представление о его творчестве насчитывающем, согласно Британской энциклопедии, более 30 книг и 250 статей. И это при том, что Лассуэлл входит в десятку наиболее цитируемых в мире американских политологов и социологов (Ефременко 2023: 29).

ды в современной российской политической науке не получило своего должного развития, вместо этого исследуются смежные с ней предметы – информационные войны, политические коммуникации, soft power и т.п.

Количественный подход к изучению пропаганды.

Ключевые тезисы своего понимания пропаганды Гарольд Лассуэлл изложил в «Технике пропаганды...». Это одна из двух его фундаментальных работ по этой теме, которые он сам отмечает в разделе «Теории пропаганды» своей аннотированной биографии 1946 года (Lasswell 1946: 131). Второй стала выпущенная в 1939 году «Мировая революционная пропаганда. Чикагское исследование» (Lasswell 1939). При этом, выделяя из 3000 наименований наиболее значимые 150 работ, он отмечает именно «Технику пропаганды...», а не «Мировую революционную пропаганду...». И это понятно, ведь именно в ней Лассуэлл, как мы увидим далее, закладывает основы изучения пропаганды, а все последующие работы развивают и дополняют ее.

Что же касается исследований революционной пропаганды, то они были вызваны практической потребностью понять, завоеует ли коммунизм Америку, и движется ли американское общество от «индивидуалистической Америки к советизированной» (Lasswell 1939: v). В качестве кейса был выбран Чикаго, поскольку, как пишет Лассуэлл, это крупный промышленный центр, переживший крах экономической жизни, а события, которые там произошли, оказались важными. Что же это были за важные события? Дело в том, что предшественница Коммунистической Партии Америки – Коммунистическая Рабочая Партия Америки (Communist Labor Party of America) была создана на съезде именно в Чикаго. Здесь работала сильная ячейка партии, которая в 30-е годы прославилась громкими акциями. Чикагские коммунисты смогли организовать под своим крылом безработных, протестовали против их выселения из домов и сокращения пособий, создали множество профсоюзов и т.п. Самым громким событием стала организация похоронной процессии в количестве 60 000 человек после того, как в 1931

² См.: URL: <http://www.encyclopedia.chicagohistory.org/pages/318.html>

г. полиция убила двух чернокожих рабочих². Исследования влияния коммунизма в Чикаго велись Лассуэллом уже преимущественно количественными методами: он подсчитывал динамику аффилированных с коммунистами организаций, число выпущенных листовок и слоганов, численность партийного членства, количество выходящих периодических изданий – федеральных и местных, на английском и других языках и т.п. (Lasswell 1939: 108, 221, 261-262).

«Мировая революционная пропаганда» стала важной вехой в творчестве Лассуэлла: спустя 10 лет после «Техники пропаганды...» он отходит от концептуального исследования в сторону использования количественных методов и к концу 40-х гг. XX в. формулирует свою позицию следующим образом: подлинное знание о влиянии может быть получено только количественными методами (Lasswell, Leites 1949: 40-52). Он смог стать настоящим первопроходцем в сфере статистического контент анализа, что требовало серьезного привлечения ресурсов. Исследователь творчества Гарольда Лассуэлла Т. Рантанен отмечает в нем два периода. Первый период, связанный с Чикагским Университетом, датируется 1918–1938 гг. и называется им академическим периодом «прогрессивного интернационализма». Второй, характеризуюсь «прагматизмом и продвижением американских интересов», датируется 1939 – началом 1970-х, когда он переехал из Чикаго и проживал в основном в Вашингтоне, Нью-Йорке и Нью Хэвене. Изменения были вызваны плотным сотрудничеством с госструктурами, в которые Лассуэлл оказался максимально инкорпорирован, что позволило Т. Рантанену оценивать его позицию в политической системе США как инсайдерскую (Rantanen 2024: 49-50). Разумеется, новая роль в системе накладывала ограничения на его оценки и суждения, что не могло не сказаться на характере его работ. Именно в этот период Лассуэлл максимально разрабатывает свои количественные методы, которые он будет использовать и в других работах, посвященных пропаганде, но уже не столь значимых.

Например, в эссе «Описывая содержание коммуникаций» (Describing the Content of Communications), вошедшем в аннотированную библиографию по пропаганде и связям с общественностью 1946 г., он ставит задачу оценить влияние пропа-

ганды стран «оси»³ на американское общество в годы Второй мировой войны. К работе над ней он приступил сразу после начала войны в 1941 г., возглавив с 1940 по 1943 гг. в Библиотеке Конгресса США экспериментальный отдел по изучению коммуникаций военного времени (Experimental Division for the Study of Wartime Communications), финансовую помощь которому оказывал Фонд Рокфеллера (Sproule 1989: 16; Rantanen 2024: 63). Для этого Лассвэлл выделяет из всей пропаганды, мониторинг которой со всей тщательностью вели соответствующие ведомства, 12 ключевых месседжей, таких как «США погрязли во внутренней коррупции», «США слабы», «Япония сильна» и т.п. Затем он подсчитал, что в период с декабря 1941 г. по март 1942 г. в американских СМИ вышло 1 195 утверждений, соответствующих вражеской пропаганде, при этом утверждений, опровергающих их – всего 45 (Lasswell 1946: 75-76).

Ценность работ о пропаганде 1939 и 1946 гг. не подлежит сомнению с точки зрения разработки методов исследований, однако они не дают существенной прибавки к пониманию сущности пропаганды. Концептуально, начиная с конца 1920-х до конца 1940-х гг. определения пропаганды, которые будут разбираться ниже, повторяют друг друга и будут отличаться лишь незначительными нюансами. Именно поэтому ниже внимание будет уделено в первую очередь «Технике пропаганды».

Особенности «Техники пропаганды в мировую войну». Прежде чем приступить к анализу концепции пропаганды Лассуэлла, изложенной им в «Технике пропаганды», остановимся на некоторых особенностях этой работы. Во-первых, от прочих ключевых работ по пропаганде первой волны она отличается систематизированным изучением своего предмета. Автору удалось в достаточно сжатой форме структурировать пропагандистскую работу: от способов ее организации (глава «Организация пропаганды») и основных целей (главы «Виновность в войне и цели войны», «Сохранение дружеских отношений», «Деморализация врага») до ключевых приемов («Демонизация

³Страны «оси» (*Axis power* или *Axis*) – популярное в англоязычном сегменте название того, что на русском языке больше принято называть германской или гитлеровской коалиции. Получило свое название от более полного термина «ось Берлин-Рим».

врага», «Иллюзия победы», «Условия и методы пропаганды»). Если Липпман касается лишь особенностей функционирования общественного мнения в условиях пропаганды, Понсонби сосредотачивается на ее функции лжи, а Бернейс и вовсе озвучен лишь тем, чтобы всячески превозносить новый чудодейственный способ работы с общественностью, то у Лассуэлла пропаганда освещается как системная работа, причем со всех сторон.

Во-вторых, данная работа – фактически огромный кейс-стади. Число приведенных в ней разнообразных приемов пропаганды огромно – от демонизации врага и задействования сюжетов о сексуальных преступлениях до использования (псевдо) научных исследований, а также «духовной и церковной интерпретации войны» (Лассуэлл 2021: 104, 113, 123). В «Технике пропаганды...» автор еще не ведет количественные подсчеты тех или иных приемов пропаганды, однако она содержит огромное число манипулятивных приемов, превращаясь в универсальный учебник по ведению пропаганды. Ее можно открывать во время любого начинающегося военного конфликта и просто наблюдать, как реализуется все или почти все, что было разложено по полочкам 100 лет назад.

Во-третьих, Лассуэлл внедряет в изучение пропаганды психологический подход, постулируя, что «разрабатывает простую классификацию различных психологических материалов... и предлагает общую теорию стратегии и тактики манипулирования этими материалами» (Лассуэлл 2021: 58). И действительно, «Техника пропаганды» насыщена апелляциями к психологическим механизмам, в разных ее местах говорится о психологической природе пропаганды: ее воздействии, сопротивлении войне, диспозициях, облегчающих работу пропагандиста, барьерах и последствиях напряженности и пр. Таким образом, автор задает вектор новому направлению – психологии пропаганды. Сам он в дальнейшем также будет применять психологический подход, но к другому кругу проблем – главным образом к личности (Lasswell 1935, Lasswell 1948, Лассуэлл 2005), что позволит говорить о нем как об одном из родоначальников политической психологии (Ascher, Hirschfelder-Ascher 2004).

В-четвертых, Гарольд Лассуэлл помещает пропаганду в организационный, политический и аппаратный контекст,

причем делает это по-научному рационально, что является немаловажным. В первой волне изучения пропаганды встречаются примеры прямо противоположные: так Уолтер Липпман, проиграв борьбу за влияние на американскую пропаганду руководителю Комитета общественной информации Джорджу Крилу, обиделся на всех пропагандистов и в своей работе поставил их в один ряд с шарлатанами, мошенниками и террористами⁴. Лассуэлл же препарирует политические течения вокруг пропаганды с холодным безразличием хирурга: вот влиятельные силы в британском кабинете министров, застигнутые перспективой неминуемой войны, пытаются «жать на тормоза» в СМИ, а у немцев наблюдается все меньше согласованности пропагандистских усилий и все больше обостряется конфликт между гражданскими и военными властями (Лассуэлл 2021: 65-66, 85-87). В «Технике пропаганды» Лассуэлл затрагиваются вопросы кадрового рекрутинга, взаимоотношения пропагандистских ведомств с законодательными властями и даже финансовые аспекты данной работы. Такие организационные детали редко освещаются в научной литературе по этой теме.

Наконец, Лассуэлл оказался не чужд и философских рассуждений о природе пропаганды. В самом конце своей работы он излагает несколько действительно глубоких максим, которые трудно встретить в других работах: «пропаганда – уступка рациональности современного мира» и «пропаганда – отражение необъятности, рациональности и своевольности современного мира. Это новый динамик общества, ведь власть в нем разделена и рассеяна, и иллюзиями можно добиться большего, чем принуждением» (Лассуэлл 2021: 227, 229). Здесь при желании можно найти отсылки и к Фрейдю (уступка рациональности), и к Макиавелли («иллюзиями можно добиться больше, чем принуждением»), и к Фуко (рассеянная власть).

Определения пропаганды. Традиционно определения пропаганды строятся вокруг отношений власти и мнения масс, описываемых в терминах воздействия, манипуляции,

⁴ *Lippmann W.* The Basic Problem of Democracy // Atlantic. November. 1919. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1919/11/the-basic-problem-of-democracy/569095/> (дата обращения: 05.09.2024).

контроля, влияния. Например, у Липпмана в «Общественном мнении» оно формулируется следующим образом: «группа людей, которая может перекрыть другим прямой доступ к происходящему, подает новости в таком ключе, чтобы они служили целям этой группы» (Липпман 2004: 60). В «Технике пропаганды...» Лассуэлл также дает свое: «...пропаганда... относится исключительно к контролю над мнениями с помощью значимых символов... Пропаганда пытается управлять мнениями и установками путем прямого манипулирования социальным внушением» (Лассуэлл 2021: 54-55). Более четкое и однозначное определение он дает в статье «Теория политической пропаганды», вышедшей в тот же 1927 год, что и его знаменитая книга: пропаганда – это управление коллективными отношениями с помощью манипулирования значимыми символами (Lasswell 1927a: 627). В течение последующих 20 лет он уточняет и развивает данное определение пропаганды, однако ее ядро остается неизменным. В работе 1936 года «Политика: кто достигает чего, когда и как?» он пишет: «...любая элита защищает и утверждает себя от имени символов общей судьбы. Таковыми являются “идеология” установленного порядка, “утопия” контрэлит... Прочно установившаяся идеология увековечивает себя с помощью толики плановой пропаганды со стороны тех, кто больше всего от нее выигрывает» (Лассуэлл 2023: 94). Исследователи отмечают, что он стремился придать определениям пропаганды социально нейтральную окраску (Sproule 1989: 16), что объясняется его приверженностью количественным методам. Подобное нейтральное определение, однако, начинает размывать границы пропаганды, поэтому в какой-то момент Лассуэлл фиксирует, что она становится «синонимом для любой формы коммуникации – от вкрадчивого шепота соседей по лекции до «Голоса Америки» и распространению книг о том, как планета Венера повлияла на судьбу человечества» (Lasswell 1950: 284). Далее, он поясняет, что такое расширительное понимание не несет в себе ничего полезного и пытается указать на рамки пропаганды как преднамеренной деятельности по управляемым каналам коммуникации.

В то же время местами Лассуэлл и сам прикладывает руку к тому, чтобы пропаганда понималась максимально расшири-

тельно, утверждая, что мейнстрим американской пропаганды – это не религиозная, партизанская, реформистская, официальная или филантропическая пропаганда, но пропаганда коммерческая, а если точнее – реклама. И «если Колумб открыл континент, то (американская. – А. Б.) нация была сформирована рекламодателем» (Lasswell 1941: 37). Здесь его позиция начинает совпадать с позицией Бернейса, продвигавшего в 20-х гг. XX в. под именем пропаганды рекламные услуги. Впрочем, иногда он отходит от нейтральных формулировок. Так, в определении, данном им для «Энциклопедии социальных наук» в 1933 г., Лассуэлл говорит о ней как об аморальном феномене, который, однако, вынуждены использовать демократические лидеры в качестве альтернативы насилию как средству координировать действия общества (Lasswell 1933: 522-526). Подобная открытость – редкость для раннего этапа исследовательской карьеры Лассуэлла, и уж подавно для более позднего этапа, когда он был инкорпорирован в американский политический истеблишмент.

Развитие исследований пропаганды. Со временем Лассуэлл расширяет предметное поле пропаганды. В работе «Политика: кто достигает чего, когда и как?» он выделяет ее новый вид – революционную пропаганду. Под ней он понимает «сепарацию чувства привязанности масс от существующих символов власти» и присоединение их «к символам, бросающим им вызов», а возникающие при этом враждебные чувства направляются на существующие символы власти. По оценке Лассуэлла, данная задача – значительно более сложная, чем задачи военной пропаганды, поскольку в последнем случае деструктивные энергии канализируются привычными способами (Лассуэлл 2023: 103). Но если обратиться к «Технике пропаганды...», то обнаружится, что подобного рода пропаганды он касался и в главе «Деморализация» врага», описывая возможности перевода народного гнева на новый независимый объект, рядом с которым номинальный враг утратит свое значение. Новыми объектами для гнева в военное время могут стать собственное правительство и властители, при этом также отмечался чрезвычайно трудный характер подобных операций (Лассуэлл 2021: 182). Несложно проследить, что в «Политике...» он развивает тезисы из «Техники пропаганды...»,

вводя в оборот новые термины и выделяя новые направления исследований.

В работе 1939 г. «Мировая революционная пропаганда» Лассуэлл подробно описывает данные процессы, уточняя, что субъектами данного рода пропаганды становятся контрэлиты, а к процессам контроля над массами в мирное время подключается образование. В определении пропаганды он повторяет практически слово в слово то, которое он давал в 1927 г., заменяя характеристику всего процесса с «управления» на «контроль», а в описании использования пропаганды элитами точно так же, как и в работе «Политика....» 1936 г., прибегает к оперированию символам. Символы используются элитами, чтобы идентифицировать себя и описать свою историческую миссию. Набор символов у властных элит каждой страны своей собственный: в США во время Лассуэлла это была Декларация независимости и Конституция США, в СССР – Маркс, Ленин и Сталин. Когда контрэлиты начинают в противовес внедрять свои символы, их целью становится разрушение веры в общепринятые символы. Продолжая развивать свою логику, он указывает, что сходство образования и пропаганды состоит в том, что оба они оперируют символами, однако образование сосредоточено на передаче общепринятых взглядов, тогда как пропаганда манипулирует противоречивыми отношениями. Это важное уточнение позволяет понять, что пропаганда появляется там, где формируется конфликт установок внутри индивида и возникают психологические противоречия или напряжения. На него мы еще обратим более подробное внимание далее. Образование с такого рода проблемами, очевидно, справиться не способно. Таким образом, получается, что для США насаждение традиционного американизма и индивидуализма – это образование, а отставание идей коммунизма (или, например, в наши дни – «русского мира», «двуполярного мира») – это пропаганда. И наоборот: в СССР распространение коммунизма осуществлялось в сфере образования, а отставание идей индивидуализма считалось пропагандой (Lasswell 1939: 9-10). В дальнейшем он подтвердит, что пропаганда задействуется, когда речь заходит о противоречивых вопросах, а образование имеет дело только с трансляцией непротиворечивых отношений – в этом главное их различие (Lasswell 1946: 1).

Пропаганда ненависти. Несмотря на то, что в своем изучении пропаганды Лассуэлл двигался от изучения военной пропаганды к революционной, ядро его представлений принципиально не менялось. Он сохраняет от работы к работе с незначительными изменениями определение пропаганды, связанное с манипулированием символами. Однако главная ценность его работ, и в первую очередь «Техники пропаганды...», на наш взгляд, состоит в том, что он выходит за стандартные определения и исследует сам характер, сущность пропаганды. Подобным подходом пользовался Артур Понсонби, который в своей критической работе сосредотачивается на лжи, предлагая читателю ее подробнейшую систематизацию – от официальной лжи и намеренных упущений до преднамеренных фейков и лживых обвинений (Ponsonby 1940: 19-22). У Лассуэлла главной характеристикой пропаганды становится то, что вся она строится вокруг фигуры врага, а ее ключевой эмоцией является ненависть.

В «Технике пропаганды» он формулирует несколько главных вопросов касательно пропаганды: как разжечь ненависть к врагу, деморализовать его, одновременно укрепляя связи с нейтральными и союзными народами? Отвечая на них, он обозначает четыре стратегических цели пропаганды: (1) мобилизовать ненависть по отношению к врагу; (2) сохранить дружественные отношения с союзниками; (3) сохранить дружественные отношения с нейтральными странами и, насколько возможно, заручиться их сотрудничеством; (4) деморализовать врага (Лассуэлл 2021: 207). В этих способностях он видит наиболее могущественную роль пропаганды. Как видно из приведенных выше целей, пропаганда начинается с ненависти к врагу и заканчивается его деморализацией. Использование столь любимого Лассуэллом количественного метода показывает, что понятие «враг/вражеский» дважды фигурирует в названии глав («Демонизация врага»⁵ и «Деморализация врага») и более 150 раз в русском переводе текста, а понятие

⁵ В английском тексте эта глава называется «Satanism». «Демонизация врага», поэтому, не является дословным переводом с одного языка на другой, а переводом на современный понятийный язык того, о чем там идет речь – о многочисленных способах дискредитации противника.

«ненависть/ненавидеть» – более 30 раз⁶. Наверное, более точным названием этой работы было бы «Техника ненависти в мировой войне».

Вся его книга 1927 г. строится вокруг разворачивающейся драмы ненависти. Она начинается с преодоления сопротивления войне, поскольку к началу XX в. не война, а мир считался нормальным состоянием, следовательно, война же была состоянием ненормальным, неестественным для человека. Это психологическое сопротивление в современных автору нациях, по оценке Лассуэлла, было обусловлено упадком личной преданности вождям. Оно являлось настолько большим, что участие в войне вне зависимости от того, кто ее начал, было необходимо выставить в общественном мнении обороной против «злого, кровожадного агрессора» (Лассуэлл 2021: 57, 85). Возбуждение ненависти к врагу становится лейтмотивом, отход от которого, настаивает автор, допустим только исключительных обстоятельствах. В вопросе возбуждения ненависти не должно быть и «тени двусмысленности», поэтому требуется подключение всех возможных средств, всех чувств, укорененных в социальных традициях.

Собственно, успех пропаганды состоит в том, насколько сильно она заставит людей ненавидеть врага. Лассуэлл обтекаемо говорит о том, что «правительственное управление общественным мнением есть неизбежный королларий большой современной войны». Если поменять в данном высказывании общественное мнение на ненависть, получится более точная формулировка: управление ненавистью становится государственно важной задачей, а успех войны зависит от того, кто ненавидит больше. Все это позволяет сформировать, по его образному выражению, «сплоченную массу ненависти» (*amalgamated mass of hate*)⁷ (Лассуэлл 2021: 227).

Вся «Техника пропаганды...» посвящена тому, чтобы продемонстрировать ключевые моменты управления ненавистью. Враг должен быть опознан, чтобы на него можно было выплес-

⁶ В оригинальном тексте *hate* встречается 33 раза, *enemy* – 156 раз (Lasswell 1927b).

⁷ Более точным переводом *amalgamated mass of hate* было бы «соединенная масса ненависти» или даже «амальгированная масса ненависти».

нуть все свое негодование. Для его демонизации нужно приписать ему целый спектр свойств: враг – не только нагл, но и подл, неконструктивен, корыстен, опасен, вероломен, запальчив и т.д. Если враг – это нация, которая, по утверждениям пропагандистов, затеяла войну, тогда она становится «неисправимой, порочной и развратной» (Лассуэлл 2021: 109). Массам нужна персона, чтобы привязать к ней свою ненависть, и поэтому пропаганда канализирует данное чувство в фигуре вождя враждебной нации. Такой ненавистной фигурой в Первую мировую стал германский кайзер Вильгельм II, которого пропагандисты именовали и бешеным псом Европы, и Каином, и мясником Гийомом, призывая повесить его во что бы то ни стало (Понсонби 2024: 102). Наконец, чтобы противник сам перестал питаться энергией ненависти, ее нужно перенести на другой объект. Таким объектом ненависти может стать правящий класс своей страны, который с помощью пропаганды представляется отвратительным, что способно привести к дестабилизации ситуации и революции, как это произошло с царской Россией. Или им может стать союзник: например, Антанта пыталась вбить клин в отношениях между Германией и Австро-Венгрией, выставляя австрийцев прислужниками немцев, а также подогревая слухи о том, что Австро-Венгрия хочет заключить сепаратный мир.

Но если взять, к примеру, не военную, а революционную пропаганду, возможно, обнаружится, что там в центре процессов окажутся другие мотивы? И таким образом ненависть не является ядром любой пропаганды? Увы, нет. Сравнивая революционную и военную пропаганду, Лассуэлл настаивает, что их психологическая функция одна и та же: осуществлять контроль над чувствами вины, слабости, а главное, агрессивности. Такие чувства появляются только при глубоких внутренних конфликтах, вызванных противоречиями личности с окружающей реальностью, о чем шла речь выше при описании революционной пропаганды. Марксизм, по его утверждению, точно также провоцирует агрессию, атакуя капитализм за его хищничество и проецируя на него вину за все беды человечества – войны, бедность, нищету и болезни. Всё как в случае с врагом во время войны. Другим подтверждением идентичности главных черт пропаганды является сходство политических целей войны

и революции – «достижение преобладания в силе над врагом как средства навязать ему свою волю». Более того, Лассуэлл настаивает, что и немецкий национал-социализм 30-х годов прошлого века, сделавший ставку на антисиметризм, немало позаимствовал из новейшего на то время мирового революционного паттерна, однако авторы этой новой пропаганды не могли позволить себе в этом признаться и тщательно утаивали источник кражи (Лассуэлл 2023: 103-105). В результате не остается ни одного вида пропаганды, в основе которой не лежала бы ненависть.

Заключение. Таким образом, для Гарольда Лассуэлла пропаганда – это всегда пропаганда ненависти и вражды, действующая в людях их самые темные стороны. В его интерпретации сплочение нации во время военных действий возможно только на этой основе. После завершения Первой мировой войны было немало дискуссий о том, пропаганда – это хорошо или плохо. Сторонники имелись как одной, так и у другой точки зрения. Из исследователей первой волны У. Липпман и А. Понсонби придерживались мнения о дурной природе пропаганды. Понсонби даже полагал, что отравляющее действие пропаганды намного хуже, чем реальная гибель человека, поскольку она оскверняет душу, что гораздо опаснее разрушения тела (Ponsonby 1940: 18). А Э. Бернейс, напротив, защищал пропаганду, выдавая ее за чудодейственный инструмент невидимого правительства (Бернейс 2010: 14), а для различения «хорошей» пропаганды от «плохой» выдумал новый термин – недобросовестная или недо-пропаганда (*impropaganda*) (Bernays, Martin 1929). Лассуэлл большей частью не считал пропаганду ни плохой, ни хорошей, за редким исключением придерживаясь нейтральных формулировок. Но он совершенно четко показал в своей работе, что вся пропаганда отталкивается от фигуры врага, и никакой «хорошей» пропаганды не бывает. Это обусловлено тем обстоятельством, что к ней прибегают в обстоятельствах чрезвычайного характера, когда рушится естественный порядок индивида и необходимо придать окончательную ясность в крайне противоречивых вопросах. Как только в ее основе перестает лежать конфликт и речь ведется о передаче общепринятых знаний, она превращается в образование. Тем самым Лассуэлл, по факту, вынес пропаганде свой приговор.

Применительно к ситуации в России также не стоит игнорировать понимание пропаганды, выработанное Лассуэллом. Существуют разные оценки пропаганды в российском обществе: одни считают, что она присутствует с избытком, другие говорят о ее дефиците. Как было показано выше, Лассуэлл настаивал, что пропаганда строится только на фигуре врага и чувстве ненависти к нему. Поэтому оценивая уровень сплоченности в российском обществе и вклад в него пропаганды, необходимо прежде всего оценить, насколько оно основано на чувстве ненависти к врагу. И тогда даваемые оценки станут по-настоящему объективными и основанными на научном подходе, а не на личных впечатлениях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алюшин А. 2006. Гарольд Лассуэлл о природе политической реальности // Полис. Политические исследования. № 5. С. 158–170.

Аргун Л. 2021. Пропаганда как инструмент влияния на политическое поведение в теории Г. Д. Лассуэлла // Социально-гуманитарные знания. № 2. С. 333–338. DOI: 10.34823/sgz.2021.2.51583

Баталов Э. 2014. Американская политическая мысль XX века. Москва : Прогресс-Традиция. 616 с.

Бернейс Э. 2010. Пропаганда. Москва : Hippo Publishing. 176 с.

Булкина И. 2000. Теория политической коммуникации Гарольда Д. Лассуэлла : дис. ... канд. социолог. наук. Казань. 159 с.

Гомелаури А. 2018. Изучение феномена лидерства сквозь призму концепций Г. Лассуэлла, Дж. Барбера и Ж. Блонделя // Современные научные исследования и разработки. № 10(27). С. 1008–1011.

Ефременко Д. 2023. «Новая наука о политике», чикагская версия : вступ. ст. // Чикагская школа политической мысли (1920–1940-е годы) : сб. переводов / под ред. Д. В. Ефременко; ИНИОН РАН. Москва : Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН. С. 5–52.

Ефременко Д., Богомолов И. 2021. Анатомия пропаганды, или «Война идей по поводу идей» // Лассуэлл Г. Техника пропаганды в мировой войне. Москва : Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН. С. 4–43.

Кривоносов А., Киуру К. 2022. Парадигматика современной системы массовых коммуникаций в модели Г. Лассуэлла // Вопросы теории и практики журналистики. Т. 11, № 1. С. 27–40. DOI 10.17150/2308-6203.2022.11(1).27-40

Ласвель Г. 1929. Техника пропаганды в мировой войне / сокр. пер. с англ. Н. М. Потапова. Москва : Гос. изд-во, Отд. воен. лит. 200 с.

Лассуэлл Г. 2005. Психопатология и политика. Москва : Изд-во Рос. акад. гос. службы. 352 с.

Лассуэлл Г. 2021. Техника пропаганды в мировой войне. Москва : Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН. 237 с.

Лассуэлл Г. 2023. Политика: кто достигает чего, когда и как? // Чикагская школа политической мысли (1920–1940-е годы) : сб. переводов / под ред. Д.В. Ефременко; ИНИОН РАН. Москва : Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН. С. 77–221.

Липпман У. 2004. Общественное мнение. Москва : Ин-т Фонда «Общественное мнение». 384 с.

Понсонби А. 2024. Ложь в военное время: истории зверств, фейковые фотографии, преступный кайзер, исключительная ответственность Германии за войну / пер. А.Б. Белоусов // Антиномии. Т. 24, вып. 2. С. 88–106. DOI 10.17506/26867206_2024_24_2_88

Чулков Д.И. 2022. Механизмы противодействия манипуляции и пропаганде в работах Г. Лассуэлла И Дж. Дьюи // Вопросы национальных и федеративных отношений. Т. 12, № 9(90). С. 3336–3343. DOI 10.35775/PSI.2022.90.9.017

Ascher W., Hirschfelder-Ascher B. 2004. Linking Lasswell's Political Psychology and the Policy Sciences // Policy Sciences. Vol. 37, № 1. P. 23–36. DOI 10.1023/B:OLIC.0000035460.18318.b0

Bernays E., Martin E. 1929. Are We Victims of Propaganda: A Debate // The Forum. 1929. March. Vol. 81, iss. 3. P. 142–149.

Lasswell H. 1927a. The Theory of Political Propaganda // The American Political Science Review. Vol. 21, № 3. P. 627–631.

Lasswell H. 1927b. Propaganda Technique in World War. New York : Kegan Paul, Trench, Trubner and Co. Ltd. 238 p.

Lasswell H. 1933. Propaganda // Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 12. New York : Macmillan. P. 521–528.

Lasswell H. 1935. World Politics and Personal Insecurity. New York ; London : Whittlesey House, McGraw-Hill Book Company, Inc. 328 p.

Lasswell H. 1939. World revolutionary propaganda. A Chicago study. New York [etc.] : A.A. Knopf. 393 p.

Lasswell H. 1941. Democracy through Public Opinion // The Eleusis of Chi Omega. Vol. 43, pt. 2, № 1. P. 35–37.

Lasswell H. 1946. Propaganda, communication, and public opinion; a comprehensive reference guide. Princeton : Princeton Univ. Press. 456 p.

Lasswell H. 1948. Power and Personality. New York : Norton. 262 p.

Lasswell H., Leites N. 1949. Language of Politics. Studies in Quantitative Semantics. 2nd ed. New York : G.W. Stewart, Inc. 398 p.

Lasswell H. 1950. Propaganda and Mass Insecurity // Psychiatry. Vol. 12, № 3. P. 284–285.

Ponsonby A. 1940. Falsehood in War-Time. 10th ed. London : George Allen & Unwin LTD. 192 p.

Rantanen T. 2024. Dead Men's Propaganda: Ideology and Utopia in Comparative Communications Studies. London : LSE Press. 363 p.

Sproule M. 1989. Social Responses to Twentieth-Century Propaganda // Propaganda. A Pluralistic Perspective. New York : Praeger. P. 5–22.

Alexander B. Belousov

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. E-mail: ektb@yandex.ru

The Amalgamated Mass of Hate: Harold Lasswell's Concept of Propaganda

Abstract. The presented theses consider the concept of propaganda as articulated by American political scientist Harold Lasswell. Lasswell is recognized as part of the first wave of propaganda researchers who published their works in 1920s, and he stands out as the only representative from the academic sphere among them. His renowned work Propaganda Technique in the World War (1927) has been included in all propaganda training courses; however, it was not fully translated into Russian until 2021. This delay, along with several other factors, has contributed to the relative obscurity of Lasswell's propaganda concept within Russian political science. The analysis revealed that his concept of propaganda is fundamentally anchored in the figure of the enemy and the dynamics of hate. Key aspects of hate management are explored in Propaganda Technique..., ranging from identification of the enemy, assignment of negative attributes to personalization of hate and its transference to other targets in order to destabilize the enemy. Additional strengths of his 1927 work are highlighted, including a systematic approach to the study of military propaganda, a large number of illustrative examples, an introduction of the psychological framework for understanding propaganda, and its situating within organizational, political and technological contexts. An examination of Lasswell's subsequent investigations into propaganda uncovers two main stages of his research: the conceptual and the quantitative. Nonetheless, despite his shift in focus toward revolutionary propaganda in the 1930s, the conceptual core of his work remains grounded in the manipulation of contradictory relationships. It is illustrated that Lasswell's concept of propaganda is relevant for analyzing contemporary political public processes in Russia.

Keywords: propaganda; public opinion; World War I; Harold Lasswell; society; social unity

Оксана Владимировна Головашина

Институт философии и права

Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: ovgolovashia@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9911-175X

Researcher ID: 3757-2016

SPIN-код: 3493-3930

Педагогические идеалы и школьные практики: идеи Э. Дюркгейма для воспитания гражданина в современной России

Аннотация. Автор, рассматривая противоречие между образовательными идеологиями с одной стороны и способами, при помощи которых распространяются и реализуются идеи теоретиков в реальных учебных практиках, – с другой, предлагает обратиться для его разрешения к идеям Э. Дюркгейма. В первой части статьи автор останавливается на важных для рассматриваемой темы положениях социологии французского теоретика. К числу таких автор относит обоснование Дюркгеймом автономности социального и его детерминирующей силы, проявляющейся в коллективных представлениях, конституирующих, в свою очередь, общество, а также разработку способов формирования социальной солидарности. Школа, как и религия в первобытных обществах, является одним из институтов социализации. Для успешности воспитания гражданина, по мнению Дюркгейма, нужно обратить внимание на такие аспекты, как: 1) трансляция коллективных представлений через информацию о прошлом и опыте предыдущих поколений; 2) формирование уважения к законной власти и её моральному авторитету; 3) воспитание школьников в поле общих ценностей. Подчеркивая, что образовательная система может являться следствием конфликта различных групп и их педагогических идеалов, Дюркгейм особое внимание уделяет роли государства, которое должно стоять над конфликтами и учитывать социальную морфологию. Для воспитания гражданина в России необходимо строить соответствующие программы с учетом коллективных представлений населения, задействовать общие чувства и идеи, способствовать соотношению с группой идентичности отдельного ученика; государство должно заботиться не о реализации идеала какой-либо группы, а о разработке реальных практик, которые соответствуют коллективным эмоциям и представлениям, существующим в обществе. Конфликта между педагогическими

идеалами и практиками их реализации не будет, если и те, и другие будут опираться на коллективные представления.

Ключевые слова: Дюркгейм, коллективные представления, социология образования, воспитание гражданина, образование в России, школьные практики

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Современные дискуссии исследователей образования имплицитно предполагают, что содержание учебных программ, методы обучения и т.п. влияют на развитие подрастающего поколения и, значит, на будущее страны, представляя собой определенный вариант «политики будущего», а сами образовательные институты выступают проводниками идеи прогресса (Meyer 2010). Частным случаем этой точки зрения являются многочисленные теории, авторы которых обсуждают трансформационный потенциал образования и его способность преодолевать различные формы неравенства и влиять на изменения социальной структуры (Мак-Ларен 2007; Gottesman 2016; Naarasaari et al. 2016). При этом определение государством контрольных цифр приема, утверждение ФГОС (Добрякова, Фруммин 2020; Добрякова и др. 2018), школьные и вузовские ритуалы (Линченко, Головашина 2019), все более распространяющиеся разговоры о необходимости вернуть обязательное распределение студентов после окончания вузов, традиционность образовательных методов и восприятие системы образования как одной из самых консервативных (Леонидова и др. 2018) свидетельствуют о том, что функционалистская метафора, в соответствии с которой образование направлено, прежде всего, на воспроизводство социальной структуры, сохраняет свое значение. По данным опросов россиян, эффективность школьного образования определяется тем, можно ли получить знания и навыки для последующей жизни¹, а основная функция шко-

¹ Школьное образование: оценка россиян, 29.08.2018 // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/shkolnoe-obrazovanie-ocenka-rossiyan> (дата обращения: 04.09.2024).

лы связана с подготовкой к профессиональной деятельности или расширением кругозора². В то же время современные исследования показывают, что содержание и форматы преподавания школьных программ отличаются архаичностью и не соответствуют социальным требованиям (Kuzminov et al. 2019). То есть, можно констатировать определенное противоречие между образовательными идеологиями с одной стороны и способами, при помощи которых распространяются и реализуются идеи теоретиков в реальных учебных практиках – с другой. Это проявляется в дискуссиях о роли преподавателя или об образовательном процессе (Петрова, Шкабарина 2020; Торикова 2021), в решениях администраций разного уровня, которые не могут быть воплощены в реальной педагогической деятельности, в стрессе работников школ как несоответствия между восприятием требований из организационной среды и восприятием собственных ресурсов (Ефимова, Латышев 2023), в противоречивых установках в работе учителей, взаимодействиях семьи и школы (Каспржак и др. 2015; Островерх, Тихомирова 2021) и мешает реализации одной из главных целей образования – воспитания гражданина.

В своем раннем труде «Самоубийство» Эмиль Дюркгейм утверждает, что образование является отражением общества: оно воспроизводит и отображает социальные структуры в упрощенном виде, но не формирует их (Дюркгейм 1912). Это приводит к двум ключевым выводам: во-первых, признается наличие социальной детерминированности в процессах образования, во-вторых, функции образовательной системы не могут противоречить коллективным представлениям, которые лежат в основе общественной солидарности.

В предлагаемой статье не ставится цель обосновать актуальность функционалистской метафоры для современной образовательной системы, однако взгляды Дюркгейма на формирование гражданской солидарности и место школы

²Школьное образование: кого должна готовить школа? 29.08.2005 // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/shkolnoe-obrazovanie-kogo-segodnya-dolzhna-gotovit-shkola>; Новации школьного патриотизма: за и против, 11.05.2022 // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/novacii-shkolnogo-patriotizma-za-i-protiv> (дата обращения: 04.09.2024).

в этом процессе представляются вполне релевантными для разрешения противоречия между образовательными идеологиями и практиками педагогического процесса в современной России.

Рецепция идей Дюркгейма, как правило, связана с его исследованиями практик солидарности и моральной социологией, а работам про развитие образования уделяется гораздо меньше внимания среди последователей. Однако большая часть преподавательской деятельности Дюркгейма была посвящена именно проблемам педагогики. После завершения обучения в Высшей Нормальной школе в Париже в 1882 году Дюркгейм начал свою карьеру преподавателя в лицеях. В 1887 году он поступил в Бордоский университет, где вел курсы по социальным наукам и педагогике. В 1902 году Дюркгейм перешел в Сорбонну, одновременно читая обязательные курсы по образованию в Ecole Normale. Многие его работы, посвященные вопросам образования и педагогики, такие как «Образование и социология», «Моральное образование» и «Эволюция образовательной мысли во Франции», представляют собой переработанные лекции, в том числе для учителей средней школы. Его идеи в области образования активно поддерживались правительством (Richter 1960; Wallace 1973) и, скорее всего, находили продолжение в педагогических практиках его учеников, а самого Дюркгейма можно назвать классиком образования.

Однако сводить социологию образования Дюркгейма к трансляции представлений государства о роли гражданина и обоснованию функционалистской метафоры было бы упрощением. Обращение к идеям Дюркгейма также определяется его интересом к вопросам социальной морфологии. Настаивая на том, что образование отражает общество, он подчеркивал, что общество само по себе не может быть однородно, соответственно, педагогические идеалы различных групп вступают в противоречие. Его внимательное отношение к вопросам социальной солидарности, которое проявилось и в работах, посвященных образованию, делает его идеи вполне продуктивными для прояснения образовательной политики в области воспитания гражданина в современной России и полезными для выработки практических положений, связанных с воспитанием гражданина.

Далее будет предложена характеристика некоторых значимых для рассматриваемой темы положений социологии Дюркгейма, затем проанализированы релевантные идеи воспитания гражданина, а в заключение предложена их возможная адаптация для текущей ситуации в современной России. За скобками останутся, безусловно, значимые идеи Дюркгейма, посвященные моральному образованию, так как они представляются уже достаточно изученными (Jones 1993; Pickering 1979; Wallwork 1972; Watts Miller 1997; Watts Miller 2000), в том числе и в России (Гофман 2019).

Итак, на первом шаге необходимо кратко остановится на основных положениях социологии Дюркгейма, определивших, в том числе, его взгляды на образование.

Прежде всего, Дюркгейм обосновывает *автономность социального*, говоря о приоритете социальной реальности над индивидуальной. Он считает социальное силой, детерминирующей поведение, моральные нормы, ценности, подчеркивая, что она не исходит от нас, а навязывает нам самих себя, по причине чего исследователь должен изучать механизмы этой силы (Filloux 1977). Поведение индивида, групп, их действия определяются влиянием социальных процессов, социальное принуждение связано с нормами, ценностями и ожиданиями общества, которые формируют поведение индивидов и их взаимодействие друг с другом. Ключевой категорией для Дюркгейма является понятие социального факта: именно из социальных фактов состоит социальное, а эмпирическое изучение социальных фактов является задачей социологии (Дюркгейм 1995а). Соответственно, образование, являясь, с точки зрения Дюркгейма, социальной практикой, также состоит из социальных фактов.

Детерминирующая сила социального проявляется в *коллективных представлениях*. «Коллективные представления, порожденные действиями и противодействиями между элементарными сознаниями, из которых состоит общество, прямо не вытекают из последних и, следовательно, выходят за их пределы» (Дюркгейм 1995b: 233). Дюркгейм оставляет за скобками вопрос о том, откуда берутся эти представления, но уделяет внимание механизмам их трансляции – через ритуалы, язык, законы и систему образования (Durkheim 1887; Durkheim

1973а; Durkheim, Deploige 1907; Misztal 2003). Каким бы сложным ни был их статус, представления в конечном счете создают общество (Durkheim 1900).

Социальная солидарность, которая в более ранней работе Дюркгейма выступала следствием разделения труда (Дюркгейм 1996), затем связывается им с коллективными представлениями, оказываясь следствием повторяющихся практик (ритуалов). Для Дюркгейма «солидарность составляет определяющую характеристику групповой жизни», «является неременным условием коллективного действия» (Traugott 1984: 325). Под ритуалами имеются в виду не только повторяющиеся действия австралийских аборигенов, но и такое же повторяющееся поднятие государственного флага или праздник последнего звонка в российских школах. Важным оказывается то, что в данный период времени общество считает сакральным – это может быть изображение тотемного животного, христианская символика или вечный огонь и георгиевская ленточка. Сакральное постоянно проживается как сакральное в процессе ритуалов, только в этом случае оно остается таковым: «для поддержания ощущения исторического континуитета, нужно снабжать социальную общность набором значимых ценностей и чувств» (Васильев 2014: 156). Социальная солидарность может существовать лишь тогда, когда индивиды разделяют общие ценности и нормы. В этом контексте государство играет важную роль, стремясь убедить граждан в значимости общей идентичности и системы ценностей. Оно способствует формированию общественного сознания, мотивируя людей переосмысливать одни события и уделять меньшее внимание другим, тем самым укрепляя единство общества.

В дальнейшем тема солидарности так или иначе присутствовала во всех работах Дюркгейма от небольших статей до самой крупной его книги – «Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии», в которой обосновывалось место ритуалов и религии в создании и сохранении социальной сплоченности. Можно вполне обоснованно говорить о дюркгеймовской традиции изучения социальной сплоченности и солидарности.

Таким образом, социология Дюркгейма, в том числе, его работы об образовании, строилась на признании автономии

социального и приоритета социального над индивидуальным, а также детерминирующей роли коллективных представлений, конституирующих общество. Ритуалы играют ключевую роль в поддержании и передаче коллективных представлений, однако они не формируют эти представления самостоятельно. Их основная функция заключается в укреплении уже существующих идей и норм, их сохранении и распространении в обществе.

Обратимся ко взглядам Дюркгейма на воспитание гражданина. «Образование, – писал Дюркгейм, – далеко не имея в качестве своей единственной или главной цели индивида и его интересы, прежде всего, является средством, с помощью которого общество постоянно воссоздает условия самого своего существования» (Durkheim 1956: 123). Аргумент Дюркгейма о том, что общество является «источником и целью морали», позволил ему сделать вывод, что мы «не можем стремиться к морали, отличной от той, которая связана с состоянием нашего общества» (Durkheim 1974: 59, 61). При этом любая педагогическая доктрина «представляет собой результат коллективной работы», а общество «формирует образ идеального человека, и этот образ отражает все черты его структуры и организации» (Durkheim 1956: 123).

Если рассматривать закон, язык и ритуалы как ключевые механизмы передачи коллективных представлений, о чем Дюркгейм неоднократно писал, возникает вопрос об институтах, которые способствуют этой передаче. Если в работе «Элементарные формы» социализация индивидов и социальная солидарность связаны с религией, то в современном мире эту функцию осуществляют образовательные организации (Wallace 1973: 3). То есть, школа должна транслировать сложившиеся коллективные представления, проявлявшиеся и в государственной политике, и в воспитании подрастающего поколения. Дюркгейм, понимая сложность определения коллективных представлений, а также различия их от ситуативных и контекстуальных эмоций, переживаний, реакций, предлагает довольно конкретные практики, реализация которых будет способствовать трансляции коллективных представлений.

Во-первых, для воспитания гражданина важно, чтобы ребенок «был осведомлен о наследии тех, кто предшествовал

ему» (Durkheim 1973b: 247). Дюркгейм как предтеча исследований коллективной памяти (Васильев 2014; Misztal 2003) говорит о *роли опыта предыдущих поколений в формировании гражданина*. Государственные школы должны «интерпретировать и выражать французский дух» (Durkheim 1956: 107), воспитывать подрастающее поколение с верой в моральное величие Франции (Durkheim 1977). И так же, как наши «прошлые персоналы преобладают в наших нынешних “я” и составляют бессознательную часть нас самих», образовательные идеалы и видения прошлого продолжают формировать наши сегодняшние практики и понимания (Durkheim 1977: 11). Речь при этом идет не о механической передаче сведений, а о трансляции коллективных представлений через информацию о прошлом и соответствующую практики. «Ибо истина в том, что настоящее, на которое нам предлагается направить свое внимание, само по себе ничто: это не более чем экстраполяция прошлого, от которого оно не может быть отделено, не потеряв большую часть своего значения» (Durkheim 1977: 14).

Религия как «способ, с помощью которого общества осознали себя и свою историю» (Durkheim 1973a: 270) тесно связана с мифическим прошлым, в котором содержится ключ к коллективным верованиям, страхам и знаниям. В дальнейшем эту роль берет на себя школа, от которой начинает зависеть культивирование чувства преемственности с прошлыми поколениями. Только это чувство позволяет говорить о национальной солидарности как о солидарности членов общества, которая распространяется за пределы жизни одного поколения или одного индивида (Durkheim 1973b: 246).

Скорее всего, под трансляцией опыта предыдущих поколений Дюркгейм имел в виду не только преподавание истории в школах, но и школьные традиции, ритуалы, демонстрирующие преемственность поколений, а также воспитание школьников в атмосфере национальной культуры и формирование гордости за родную страну.

Во-вторых, задача школы предполагает формирование уважения к законной власти и её моральному авторитету, а также привитие ребенку понимания «религии закона», включая восприятие школьной дисциплины как нечто священного (Durkheim 1919: 191-192). В отличие от ритуалов,

которые осуществляются периодически, образовательный процесс должен формировать эти качества постоянно и последовательно.

В-третьих, сообщество строится на разделении минимума объединяющих общих ценностей. Их не следует изобретать с нуля – важнее собрать и отобрать те ценности, которые уже присутствуют в общественном сознании и укоренены в традициях, так как именно в таких ценностях проявляются коллективные представления сообщества. Воспитание школьников в поле общих ценностей способствует формированию солидарности.

Отдельно необходимо сказать о *роли государства* в воспитании гражданина. Структура педагогических представлений имеет конкретно-исторический характер и находится в зависимости от политического контекста, развиваясь в условиях коллективной жизнедеятельности и включая подавление индивидуальной автономии. Распространенное в современных дискуссиях представление о том, что работа с молодежью определяет будущее страны, противоречит взглядам Дюркгейма: «воспитание может реформироваться лишь тогда, когда реформируется само общество» (Дюркгейм 1912: 514-515). То есть, новые образовательные программы или педагогические приемы сами по себе бессмысленны, если не меняется социальный порядок. Иными словами, реформы образовательной сферы должны следовать за изменением коллективных представлений, а не определять их. Задача школы – передавать сложившиеся традиции (Walford, Pickering 1998: 5), а не создавать новые.

В определенный исторический момент, как отмечает Дюркгейм, существует «доминирующий, регулирующий тип воспитания», отклонение от которого невозможно без значительного сопротивления общества (Durkheim 1977). Это подразумевает, что школа является отражением общества, в котором она функционирует и не может быть полностью независимой из-за своей авторитарной структуры и экономической детерминированности сообществом (Walford, Pickering 1998: 6).

Государство, заинтересованное в поддержании социальной стабильности и единства среди граждан, инициирует различные практики, направленные на укрепление этих ценностей, влияя на процесс формирования идентичности. Аргумент Дюркгейма о том, что общество является «источником и целью

морали», позволил ему сделать вывод, что мы «не можем стремиться к морали, отличной от той, которая связана с состоянием нашего общества» (Durkheim 1974: 59, 61).

Каждая педагогическая доктрина представляет собой результат работы общества; оно формирует образ того, каким хочет видеть человека, и этот образ отражает все особенности социальной организации (Durkheim 1956: 123). То есть Дюркгейм сделал ставку на идею, которую Вундт отстаивал в своей этике (Wundt 1886), а именно на то, что мораль, религия и право разных народов являются кульминацией коллективных, медленных и бессознательных разработок (см.: Durkheim 1887: 119-123).

Поскольку образование имеет решающее значение для общей жизни нации, государство «не может быть к нему безразлично». Оно должно играть активную роль, чтобы большинство не пыталось систематически «навязывать свои идеи меньшинству» (Durkheim 1956: 81). Образование также не должно быть «полностью отдано на откуп произволу частных лиц» (Durkheim 1956: 81); это означает не то, что государство обязательно должно монополизировать обучение, а лишь то, что оно обеспечивает равное распределение этого важнейшего общественного блага и не допускает его попадания под господство какой-либо конкретной группы или класса.

Однако говорить о том, что школа является только транслятором государственных представлений о роли гражданина и воспитывает таких граждан, которые на данный исторический момент нужны государству, было бы упрощением. Общество само по себе не однородно, соответственно, педагогические идеалы могут вступать в противоречие. Дюркгейм показывает, как конфликт между сторонниками воспитания элит и защитниками широкого доступа к образованию (например, между прометеевской доктриной, выраженной в раблезианском идеале образования, и доктриной джентльменов, описанной Эразмом) определил развитие образовательной системы Франции (Durkheim 1956: 81).

Еще один вид конфликта выступает следствием реальных задач, связанных с коллективными представлениями населения и идеями акторов образовательной политики, которые не соответствуют этим представлениям, но вытекают из взглядов

отдельных людей или групп. Дюркгейм критикует традиционную педагогику за то, что она сосредоточена на теоретических подходах к пониманию процесса воспитания, но не предлагает практических методов для его реализации. Этот разрыв между теоретическими концепциями и реальной практикой воспитания может вызывать различные противоречия и мешает гражданскому воспитанию.

Помимо конфликта педагогических идеалов, Дюркгейм также обращает внимание на социальную морфологию, то есть на необходимость учитывать не только публичную сферу, но и семью, социальные движения, досуговые практики, оценивать внутреннюю логику этих структур и их вклад в социальную интеграцию, индивидуальную автономию и добровольное сообщество. Социализация будущего гражданина, как пишет Дюркгейм, зависит не только от позиции государства, но и от множества социальных мероприятий – от собраний родительского комитета до национальных дебатов и общественных активностей. То есть воспитание гражданина определяется не только государством, школой и работой учителя; педагогические идеалы формируются в диалоге и конфликте различных акторов, а социализация носит дифференцированный характер, влияние ее структур зависит от того, насколько они «институционализированы или находятся в процессе институционализации» (Cohen, Arato 1992: X).

К числу недостатков социологии образования Дюркгейма можно отнести то, что она не объясняет, каким образом образовательные учреждения могут стать проводниками социальных детерминант. Педагоги не рассматриваются как активные участники, способствующие формированию образов, значимых для государства. Согласно основным принципам Дюркгейма, коллективные представления отражают естественный гражданский порядок и, исходя из этого, не могут быть интерпретированы в рамках политического дискурса. В то же время образование, нацеленное на воспитание как гражданина, так и индивидуальности, оказывается вне этого естественного порядка. Скорее, учитель и школа в целом должны понять (почувствовать) этот порядок и транслировать его; в свою очередь, именно трансляция коллективных представлений, вернее, ценностей, моральных норм, в которых они проявляются, консти-

туирует гражданский порядок и способствует солидаризации сообщества.

Стоит, однако, отметить, что, несмотря на убеждение в детерминирующей силе социальных процессов, Дюркгейм «выступает за автономность и полное развитие индивидуума. Наивысшая точка эволюционного процесса – возникновение индивида. Человек должен быть свободен, чтобы стать тем, кем, как он считает, он может стать. Образование поощряет стремление индивида приблизиться к этой цели. Но суть в том, что она не может быть достигнута вне общества» (Walford, Pickering 1998: 5). Образование, готовя человека к жизни во «взрослом» обществе, должно быть тесно связано с текущими условиями этого общества и его требованиями в конкретный исторический момент. Социальные связи играют ключевую роль в формировании человеческой сущности. Новый тип интеграции, котором упоминал Дюркгейм, предполагает, что индивидуализм в современном обществе является отражением коллективной совести.

Таким образом, школа становится заменой религиозных организаций как основного института социализации и формирования солидарности. Дюркгейм считал, что будущее сплоченного общества основывается на поддержании морального кодекса социальных обязательств и обязанностей, которые приносят пользу как индивидууму, так и обществу. Важно отметить, что сама образовательная система часто основывается на конфликтах, что добавляет сложности в этот процесс. Для Дюркгейма формальное или систематическое образование было частью его интереса к созданию и поддержанию консенсуса и солидарности в дифференцированном, специализированном и разнородном обществе.

Парадоксально, но Дюркгейм, писавший о национальных ценностях и патриотизме, считал, что общество будущего не будет связано национальными границами. В перспективе патриотизм как уважение ценностей нации будет с необходимостью заменен интернациональной религией, разделяемой всем человечеством (Wallace 1973: 9). У каждого гражданина есть обязательства перед страной, но они, как подчеркивал Дюркгейм, не могут быть выше, чем обязательства перед человечеством вообще.

Несмотря на некоторую ограниченность и противоречия во взглядах Дюркгейма на образование, его идеи вполне могут быть применимы в современной России.

Прежде всего, формирование гражданина должно основываться на коллективных представлениях, которые, как продемонстрировал Дюркгейм, определяют содержание индивидуального сознания и в большей степени создают общество, нежели отражают его. Заявленное выше противоречие между образовательными идеологиями и способами, при помощи которых распространяются и реализуются идеи теоретиков в реальных учебных практиках, разрешится, если и идеологии, и практики будут следовать за коллективными представлениями. Успешность реализации разнообразных программ патриотического воспитания и соответствующих мероприятий, достижение поставленных методологами и технологами целей зависят от того, насколько при их постановке и разработке учитывались сложившееся в обществе коллективные представления. Невозможно реформировать всю систему образования или ввести планы мероприятий патриотического воспитания без учета изменений в обществе в целом, так как образование, в том числе, воспитание гражданина, выступает только функцией от социальных процессов вообще. Понимая сложность различения коллективных представлений и социальных конструкторов, Дюркгейм в своих лекциях для учителей предлагал, как было отмечено выше, конкретные практики, связанные с необходимостью трансляции опыта предыдущих поколений, формированием уважения к законной власти и её моральному авторитету, разделению общих ценностей. Учитель должен следовать этим практикам, от него не требуется различения коллективных представлений и проявлений каких-либо актуальных тенденций.

Во-вторых, для формирования социальной солидарности важно целенаправленно задействовать общие чувства и идеи, которые объединяют людей (Lukes 1973: 166-167). Недостаточно совершать формальные действия, необходимость которых может быть непонятна и тем, кто призывает к этим действиям, и тем более – школьникам, которые вынуждены их исполнять; ритуалы – как для австралийских аборигенов, так и для современных российских школьников – должны воспроизводить

коллективные эмоции, опираясь на имеющуюся систему представлений.

В-третьих, одна из главных целей воспитания гражданина заключается в том, что ученик должен учиться соотносить свою идентичность с группой. Исходя из этого, с точки зрения Дюркгейма, следует не уделять внимание раскрытию личных качеств учеников, а интерпретировать образование как процесс, при помощи которого естественный человек становится социальным и в котором учитель выступает проводником задач группы. Это не значит, что индивидуальные особенности ученика не имеют значение, но только в группе, в соответствии с социальными и моральными нормами, ученик может раскрыть свои индивидуальные качества.

В-четвертых, существующая в настоящем система образования почти всегда оказывается следствием конфликтов различных групп и их педагогических идеалов; государство должно заботиться не о реализации идеала какой-либо группы, а о разработке тех реальных практик, которые соответствуют коллективным эмоциям и представлениям, существующим в обществе, потому что лишь они могут быть успешно реализованы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Васильев А.Г. 2014. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. Т. 13, № 2. С. 141–167.

Гофман А.Б. 2019. К теоретической реконструкции дюркгеймовской трактовки морали // Общественные науки и современность. № 6. С. 55–73. DOI 10.31857/S086904990007563-1

Добрякова М.С., Фрумина И.Д. (ред.) 2020. Универсальные компетентности и новая грамотность: от лозунгов к реальности / под ред. М.С. Добряковой, И.Д. Фрумина. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 28 с.

Добрякова М.С. и др. 2018. Навыки XXI века в российской школе: взгляд педагогов и родителей / М.С. Добрякова, О.В. Юрченко, Е.Г. Новикова. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 72 с.

Дюркгейм Э. 1912. Самоубийство : социол. этюд. Санкт-Петербург : Н.П. Карбасников. 541 с.

Дюркгейм Э. 1995а. Метод социологии // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. Москва : Канон. С. 5–164.

Дюркгейм Э. 1995б. Представления индивидуальные и представления коллективные // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. Москва : Канон. С. 208–243.

Дюркгейм Э. 1996. О разделении общественного труда. Москва : Канон. 432 с.

Ефимова Г., Латышев А. 2023. Удовлетворенность трудом у работников высшего учебного заведения // Вопросы образования. № 1. С. 72–108. DOI 10.17323/1814-9545-2023-1-72-108

Каспржак А.Г. и др. 2015. Директора школ как агенты реформы российской системы образования / А.Г. Каспржак, Н.Б. Филинов, Р.Ф. Байбурын, Н.В. Исаева, Н.В. Бысик // Вопросы образования. № 3. С. 122–143. DOI 10.17323/1814-9545-2015-3-122-143

Леонидова Г.В. и др. 2018. Учитель и образовательная реформа: взгляд из региона / Г.В. Леонидова, М.А. Головчин, Т.С. Соловьева. Вологда : Изд. Вологод. науч. центра РАН. 178 с.

Линченко А.А., Головашина О.В. 2019. «И значит нам нужна одна Победа...». Память о Победе в советской и российской школах // Диалоги со временем. № 67. С. 99–113.

Мак-Ларен П. 2007. Жизнь в школах: введение в критическую педагогику. Москва : Просвещение. 418 с.

Острверх О.С., Тихомирова А.В. 2021. Соучастное проектирование образовательного пространства новой школы // Вопросы образования. № 3. С. 260–283. DOI 10.17323/1814-9545-2021-3-260-283

Петрова О.А., Шкабарина Н.Л. 2020. Профессиональный стресс в педагогической деятельности (на примере педагогов средней школы) // Январские педагогические чтения. № 6(18). С. 129–132.

Торикова Е.Ф. 2021. Организационно-психологические условия профилактики профессионального стресса педагогов специальной общеобразовательной (коррекционной) школы-интерната // Проблемы современного педагогического образования. № 71-2. С. 465–468.

Cohen J., Arato A. 1994. Civil Society and Political Theory. Cambridge : MIT Press. 800 p.

Durkheim E. 1887. La science positive de la morale en Allemagne // Revue philosophique. № 24. P. 33–58, 113–142, 275–284.

Durkheim É. 1900. La Sociologie en France au XIXe siècle // Revue bleue, 4e serie. № 13.

Durkheim E. 1919. The School of Tomorrow // French Educational Ideals of Today / F. Buisson, F.E. Earrington (eds.). New York, NY : World. P. 188–192.

Durkheim E. 1956. Education and Society. New York : Free Press. 163 p.

Durkheim E. 1973a. Forms of the Religious Life // Durkheim, on Morality and Society / Bellah R. (ed.). Chicago : Univ. of Chicago Press. P. 269–297.

Durkheim E. 1973b. Moral Education. New York : Free Press. 320 p.

Durkheim E. 1974. Sociology and Philosophy. New York : Free Press. 97 p.

Durkheim E. 1977. The Evolution of Educational Thought. Lectures on the formation and development of secondary education in France. London : Routledge and Kegan Paul. 388 p.

Durkheim É., Deploige S. 1907. A propos du conflit de la morale et de la sociologie // *Revue néo-scholastique*. Vol. 14, N° 56. P. 606–621.

Filloux J.-C. 1977. *Durkheim et le Socialisme*. Genève : Droz. 388 p.

Gottesman I. 2016. *The Critical Turn in Education: From Marxist Critique to Poststructuralist Feminism to Critical Theories of Race*. New York : Routledge. 192 p.

Haapasaari A. et al. 2016. The Emergence of learners' transformative agency in a Change Laboratory Intervention / A. Haapasaari, Y. Engestrom, H. Kerosuo // *Journal of Education and Work*. Vol. 29, N° 2. P. 232–262. DOI 10.1080/13639080.2014.900168

Jones R.A. 1993. La science positive de la morale en France: les sources allemandes de la Division du travail social // *Division du travail et lien social*. La thèse de Durkheim un siècle après / Besnard P., Borlandi M., Vogt P. (éd). Paris : Presses Universitaires de France. P. 11–41.

Kuzminov Y. et al. 2019. Generic and specific skills as components of human capital: New challenges for education theory and practice / Y. Kuzminov, P. Sorokin, I. Froumin // *Foresight and STI governance*. Vol. 13, N° S2. P. 19–41. DOI 10.17323/2500-2597.2019.2.19.41

Lukes S. 1973. *Emile Durkheim, His Life and Work*. London : Allen Lane Penguin Press. 676 p.

Meyer J.W. 2010. World society, institutional theories, and the actor // *Annual Review of Sociology*. Vol. 36, N° 1. P. 1–20. DOI 10.1146/annurev.soc.012809.102506

Misztal B.A. 2003. Durkheim and Collective Memory // *Journal of Classical Sociology*. Vol. 3, N° 2. P. 123–143. DOI 10.1177/1468795X030032002

Pickering W.S.F. 1979. Introduction. Part I. Morals // *Durkheim: Essays on Morals and Education* / Pickering W.S.F. (ed). London ; Boston ; Henley : Routledge & Kegan Paul. P. 22–25.

Richter M. 1960. *Durkheim's Politics and Political Theory* // *Emile Durkheim, 1858–1917* / K.H. Wolf (ed.). Columbus : Ohio Univ. Press. P. 170–210.

Traugott M. 1984. Durkheim and Social Movements // *Archives Europeennes de Sociologie*. Vol. 25, iss. 2. P. 319–326. DOI 10.1017/S000397560000429X

Walford G., Pickering W.S.F. (eds.). 1998. *Durkheim and Modern Education* / G. Walford, W.S.F. Pickering (eds.). London ; New York : Routledge. 246 p.

Wallace R.A. 1973. The Secular Ethic and the Spirit of Patriotism // *Sociology of Religion*. Vol. 34, N° 1. P. 3–11. DOI 10.2307/3710275

Wallwork E. 1972. *Durkheim: Morality and Milieu*. Cambridge, MA : Harvard Univ. Press. 336 p.

Watts Miller W. 1997. *Durkheim's Course on Moral Education: The Issue of its Date, and the Lost Lectures on Autonomy* // *Durkheimian Studies*. New Series. Vol. 3. P. 21–24.

Watts Miller W. 2000. Durkheim, Morals and Modernity. London ; New York : Routledge. 300 p.

Wundt W. 1886. Über Ziele und Wege der Völkerpsychologie // Philosophische Studien. Bd. 4. S. 1–27.

Oksana V. Golovashina

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. E-mail: ovgolovashina@mail.ru

Pedagogical Ideals and School Practices: E. Durkheim's Ideas for Educating a Citizen in Modern Russia

Abstract. The author, considering the contradiction between educational ideologies, on the one hand, and the ways in which the theorists' ideas are disseminated and implemented in real educational practices, on the other, suggests turning to the ideas of E. Durkheim for its resolution. In the first part of the article, the author dwells on the important provisions of the French theorist's sociology for the topic under consideration. Among these, the author includes Durkheim's justification of the autonomy of the social and its determining force, manifested in collective representations that constitute, in turn, society, and the development of methods for forming social solidarity. School, like religion in primitive societies, is one of the institutions of socialization. For the successful education of a citizen, according to Durkheim, it is necessary to pay attention to the following aspects: 1) transmission of collective representations through information about the past and experience of previous generations; 2) formation of respect for the legitimate authority and its moral authority; 3) education of schoolchildren in the field of common values. Stressing that the educational system can be a consequence of the conflict of different groups and their pedagogical ideals, Durkheim pays special attention to the role of the state, which must stand above conflicts and take into account social morphology. In order to educate a citizen in Russia, it is necessary to build appropriate programs taking into account the collective ideas of the population, to involve common feelings and ideas, and the student must be taught to correlate his identity with the group; the state should not be concerned with the implementation of the ideal of any group, but with the development of those real practices that correspond to the collective emotions and ideas that exist in society. There will be no conflict between pedagogical ideals and the practices of their implementation if both are based on collective ideas.

Keywords: Durkheim; collective representations; sociology of education; education of citizens; education in Russia; school practices

Олег Михайлович Рой
Институт философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: roi_omsk@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1885-7865
ResearcherID: S-3643-2016
SPIN-код: 2404-7079

Территориальная идентичность российского общества: от поместной раздробленности к гражданскому согласию

Аннотация. Человек есть существо социальное, и в этом качестве он вступает в отношения с другими людьми по поводу вопросов, имеющих для него важное значение и предусматривающих участие социальных институтов. Проживая на определенной территории, индивид последовательно позиционирует себя как субъект локальной общности, входящей, в свою очередь, в общности более высокого территориального уровня. Каждый уровень этой иерархически выстроенной социальной структуры отличается по степени связности и цельности, проявляющейся в феномене территориальной идентичности, которая выражает способность социальных сообществ обеспечивать солидарную приверженность граждан общественным идеалам и нормам национального государства. Целью исследования является обоснование перспектив и ограничений формирования гражданской (национальной) идентичности российского общества с учетом видового разнообразия и ценностной неоднородности локальных сообществ. В статье представлена структура территориальной идентичности, показано ее место в системе социальной идентичности, сформулированы критерии выделения социальных сообществ. Особое внимание уделено содержанию муниципальной идентичности, в территориальном формате которой наблюдается наибольшее видовое разнообразие и ценностная неоднородность. Результатом исследования выступает разработка мер, способствующих преодолению поместной раздробленности и достижению гражданского согласия.

Ключевые слова: территориальная идентичность, муниципальная идентичность, социальное сообщество, поместная раздробленность, гражданское согласие, территориальное сообщество, социальная структура

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Введение. Разрушение СССР привело к утрате советской идентичности и размыванию общности «советский народ». Развитие российской государственности, сопровождавшееся разгосударствлением собственности и повышением самостоятельности регионов и местных сообществ, вызвало актуальную потребность в формировании гражданской идентичности, призванной консолидировать интересы граждан страны на основе гармонизации отношений между уровнями публичной власти.

Процесс создания новой российской государственности сопровождался упорными попытками ряда субъектов Федерации добиться определенных преференций и повлек за собой настойчивые усилия региональных элит, стремившихся получить преимущество перед другими регионами. Этот процесс порождал сепаратистские настроения и становился серьезной угрозой еще до конца не сложившемуся российскому федерализму.

Непростые процессы осуществлялись и на местном уровне. Проведение с начала 1990-х гг. прошлого века муниципальной реформы преследовало цель сформировать в стране сеть территориальных образований, которые примут на себя ответственность за решение жизненно важных вопросов для проживающих в данных территориальных образованиях людей. Для этого законом был определен перечень так называемых вопросов местного значения, решение которых вошло в полномочия органов местной власти, составив компетенцию местных администраций¹. Однако развитие местного самоуправления осуществлялось в масштабе страны крайне неравномерно: если в малонаселенных и отдаленных поселениях низкая бюджетная

¹ Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (утратил силу в связи с принятием 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003).

обеспеченность не способствовала активизации местных элит, то обретение статуса публичной власти на густонаселенных и географически привлекательных территориях породило высокую гражданскую активность населения и заметную динамику изменений деловых отношений.

В связи с этим важно понять, насколько сочетаются интересы местных сообществ с интересами государства в условиях нестабильности и внешних угроз и как территориальная организация местной власти может способствовать формированию новой национальной идентичности. Поскольку с 2020 г. система местного самоуправления становится одним из уровней публичной власти, следует определить, насколько органично она встраивается в структуру национальной идентичности и что мешает этому встраиванию.

Феномен территориальной идентичности. Создание органов публичной власти в формате регионов, поселений или административных районов вызвало превращение формирующихся административно-территориальных единиц в ярко выраженные центры принятия решений, объединившие вокруг себя доминирующие настроения местного населения. Эти процессы вызвали к жизни феномен **территориальной идентичности**, определенной границами территориального образования и консолидирующей интересы проживающего в этих границах населения. Территориальная идентичность трактуется учеными как ощущение социальной общности проживающих на определенной территории людей, сформированное на основе уникальных характеристик и смыслов, составляющих культурное своеобразие данной территории (см.: Смирнягин 2007; Шматко, Качанов 1998; Govers, Go 2009).

Глобализационные тенденции способствовали заметному снижению значения фактора границ во взаимоотношениях между странами, обнажив проблему сохранения национальной идентичности современных государств и социокультурного своеобразия местных сообществ. К примеру, расширение границ Европейского союза в нулевые годы, сопровождавшееся созданием системы наднациональных институтов, вызвало существенную трансформацию региональной и национальной идентичности входящих в союзное образование государств. Объединение государств с разным уровнем

социально-экономического развития и несхожими ценностными установками привело к существенной трансформации их территориальной идентичности. В этот период многие европейские регионы и муниципалитеты, участвуя в реализации установленных ЕС приоритетов, стали, минуя национальный уровень, напрямую взаимодействовать с централизованными фондами развития. Как отмечают отечественные исследователи, это привело к изменению характера и сущности лежащей в основе европейской идентичности исторической памяти, в результате которого национальные рамки исторической памяти восточноевропейских стран с течением времени начинают доминировать на всем пространстве Европейского союза (см., напр.: Лифанов 2021).

Благодаря территориальной идентичности у человека рождается ответственность за судьбы своей малой и большой родины, создается база для устойчивого развития государства путем самоорганизации социальных сообществ. Формирование территориальной идентичности осуществляется в контексте сохранения исторической памяти, составляющей основу национального единства, осмысления испытанных страданий и катастроф. (см.: Фишман 2024; Русакова 2023). Однако многоуровневое и видовое территориальное многообразие не всегда способствует складыванию национально-государственной (гражданской) идентичности, гармонизации социальных, этнонациональных и имущественных отношений в обществе.

Феномен социальной идентичности всегда находился в фокусе исследовательского интереса отечественных и зарубежных обществоведов. Он означает, что осознание человеком его места в социуме базируется на отнесении себя к определенной социальной группе, что способствует устойчивости этой социальной группы и ее готовности противостоять многочисленным угрозам.

Авторитетные исследователи теории идентичности П. Бергер и Т. Лукман писали, что мир повседневной жизни имеет пространственную и временную структуру. «Реальность повседневной жизни организуется вокруг “здесь” моего тела и “сейчас” моего настоящего времени» (Бергер, Лукман 1995: 42). Идентификация во времени означает осознание человеком своего места в историческом процессе, принадлежности к опре-

деленной исторической общности, востребованности навыков и ценностей, соответствующих данной исторической эпохе. Идентификация индивида в пространстве выражает его географическую локализацию, принадлежность к тому или иному сообществу, проживающему в определенных формальных или неформальных границах, осознание своей самобытности и исключительности по отношению к другим сообществам.

Отечественные исследования в области социальной идентичности преимущественно рассматривают ее через призму психологического подхода как способ восприятия гражданином условий своего существования и отношения к этим условиям. В этом контексте понятие «территориальная идентичность» используется как набор различных форм отношения человека к окружающей среде, представленных в понятиях «средовая идентичность», «идентичность с местом» (place-identity), «городская идентичность» (urban-related identity) (Самошкина 2008: 44). Так, по мнению Г.В. Горновой, «городская идентичность – это устойчивое представление человека о себе как жителе определенного города, непосредственное переживание своей связи с городом, чувство сопричастности городу и его жителям, приобщенность к городскому бытию, некое сложно артикулируемое чувство общей судьбы» (Горнова 2019: 12). Принимая во внимание значительное разнообразие видов и уровней территориальных образований, следует подчеркнуть, что «территориальная идентичность» является более широким понятием, нежели «городская идентичность». Поскольку территория выступает ближайшим уровнем социального мира, с которым индивиды соотносят свои социальные ориентации, то территориальная идентичность выступает составной частью социальной идентичности, отображая ее свойство представлять положение человека в границах определенного территориального образования.

Территориальная идентичность характеризует способность людей консолидировать свои интересы в границах территориальных образований того или иного уровня. П. Бергер и Т. Лукман рассматривали идентичность как феномен, возникающий из диалектической взаимосвязи индивида и общества. «Идентичность, – писали ученые, – формируется социальными процессами. Однажды выкристаллизовавшись, она

поддерживается, видоизменяется или даже переформируется социальными отношениями. Социальные процессы, связанные с формированием и поддержанием идентичности, детерминируются социальной структурой» (Бергер, Лукман 1995: 279). Территориальная идентичность имеет множество уровней, раскрывающих разнообразные аспекты позиционирования человека в социальном пространстве. Национально-государственный уровень социального пространства соответствует гражданской идентичности, субгосударственный – региональной, местный – муниципальной (локальной, городской).

Один из наиболее авторитетных российских исследователей социальной идентичности Л. Дробужева обращала внимание на то, что идентичность формируется не столько государством, сколько усилиями самого общества, вырабатывая у государства способность исполнять свои базовые функции. Во взаимодействии индивидов и социальных сообществ может проявляться множество идентичностей (гражданская, этническая, региональная, локальная и пр.), позволяющих выстроить доверительные отношения между сторонами. Именно совмещенные, а не противодействующие друг другу множественные идентичности являются признаком гармоничного развития общества (Дробужева 2020). С другой стороны попытки выстроить как универсальную иерархию идентичностей, так и теоретические модели их гармоничного мультикультуралистского сосуществования на практике оказываются противоречивыми и конфликтными (Мартьянов 2011). Научная проблема заключается в том, что для каждого общества существует своеобразная иерархия идентификаторов, лежащих в основе этих идентичностей, – и если в одном обществе значение имеют этнические или религиозные идентификаторы, то для других – экономические.

Это обстоятельство способствовало формированию сети территориальных образований, дифференцированных по различным критериям, наибольшее значение среди которых имели этнонациональный, геополитический и экономический критерии. В соответствии с этнонациональным критерием в административно-территориальной сетке страны сформировались национальные республики, национальные муниципальные районы и поселения. Геополитический критерий

потребовал особым образом обозначить роль приграничных районов и поселений, геостратегических регионов и сложно-составных субъектов Федерации. А благодаря экономическому критерию целый ряд территориальных образований разных уровней получил определенный правовой статус, позволяющий извлекать преимущества от заложенного в этот статус режима работы с резидентами (зоны территориального развития, территории опережающего социально-экономического развития, особые экономические зоны и пр.). Видовое разнообразие территориальных образований обусловило формирование типовых поведенческих реакций у проживающего в том или ином территориальном образовании населения, вызвав проблемы сочетаемости этих реакций между собой и выбора приоритетов национальных интересов.

Наличие множества территориальных образований разных типов и уровней актуализирует проблему гармонизации идентичностей и формирования гражданской идентичности как основы социокультурного воспроизводства государства. В научной литературе достаточно широко освещены методологические аспекты формирования гражданской, этнической и региональной идентичности (см., напр.: Монастырский 2017; Низамова 2014; Кожанов 2014). В меньшей степени уделено внимание локальной (муниципальной) идентичности, значение которой возрастает в условиях проведения в стране муниципальной реформы.

Роль муниципальной идентичности в достижении гражданского согласия. Создание в стране органов местного самоуправления, обеспечивающее определенную обособленность территорий в рамках локальных административных границ, способствовало расширению самоорганизационных и мобилизационных механизмов развития поселений, более тесному взаимодействию населения и органов власти в решении актуальных для поселений проблем, оперативному решению стоящих перед людьми вопросов. В то же время предоставление самостоятельности в решении ряда административных вопросов вело к усилению местных элит, которые расширяли свое влияние на протекавшие в границах муниципальных образований социальные и экономические процессы. Известный социальный антрополог Симон Кордонский в своей книге

«Как устроена Россия» писал, что часть местной власти пытается устроить жизнь на своей территории по типу прежнего, царского времени, поместья. Он отмечал, что в таких поселениях вся способная приносить доходы собственность принадлежит главам муниципальных образований, членам их семей и доверенным лицам либо предпринимателям, фактически управляющим муниципалитетом (Кордонский 2021). Кроме того, с развитием и укреплением местного самоуправления стала складываться другая, куда более опасная тенденция, которая может в перспективе повлечь за собой разрушение основ государственности и духовного единства нации. Речь идет о заметных проявлениях свойств этнической и религиозной идентичности в границах административно-территориальных образований, способной формировать нетерпимость к носителям других культурных традиций, не разделяющим ценностей местной элиты. Местная власть благодаря своему авторитету может сосредоточивать в сфере своего влияния опасные для региона и страны центры дестабилизации и агрессии, превращающиеся в ячейки откровенно экстремистских организаций (Силантьев 2009). Так, в июне 2024 г. в Дагестане произошел двойной теракт, приведший к гибели 19 человек, в том числе священника и охранника православного храма. Как оказалось, двое террористов были сыновьями главы Сергокалинского района Дагестана Магомеда Омарова. Кроме того, и другие участники этой террористической акции были высокопоставленными представителями органов местной власти².

Определенную опасность также представляют имеющиеся диспропорции в социально-экономическом положении муниципальных образований, обуславливающие существенные различия в уровне и качестве жизни местного населения. Такое неравенство порождает недоверие граждан менее развитых муниципалитетов к государственным институтам и ведет к усилению экономической зависимости муниципальной власти от государственной поддержки, что в конечном счете консервирует неравенство между самими муниципалитетами, обостряет кон-

² Миронова А. Институционализированный ваххабизм, 24.06.2024. URL: <https://360.ru/tekst/obschestvo/institutsionalizirovannyj-vahhabizm/?ysclid=lz9rbfn9x0746353931> (дата обращения: 10.10.2024).

курению между ними за государственные дотации и вызывает социальную напряженность в обществе (Чаннов 2019).

Приведенные выше примеры свидетельствуют о проявлении связанных с формированием органов местной власти опасных для российского общества тенденций, которые в различных социально-экономических и географических условиях могут стать источником разнообразных угроз.

Внутренним механизмом, формирующим в границах административно-территориальных единиц мощные центры административного влияния, базирующиеся на высокой интенсивности внутриобщинных связей при доминирующем положении местной администрации, выступает феномен *муниципальной идентичности*.

Понятие «муниципальная идентичность» широко используется в зарубежной научной литературе. Муниципальная идентичность чаще всего рассматривается в аспекте межмуниципальной конкуренции и способности муниципальных образований выработать независимую политику и самостоятельно участвовать в получении грантов международных фондов (Vogwein, Lucas 2023). Ряд авторов указывают на важность учета контекстуальных условий, поскольку развитие муниципальной идентичности человека зависит от размера соответствующего муниципалитета, а также его социально-экономических, культурных, институциональных и макроэкономических характеристик (см., напр.: Bühlmann 2012). Интерес также вызывают вопросы определения административных границ муниципалитетов в контексте разграничения собственности в агломерациях между метрополиями и пригородами (Tyson 2013). Краткий обзор публикаций зарубежных авторов о роли муниципальной идентичности в развитии современного общества свидетельствует о широком разнообразии ее проявлений и значимости политического и социально-экономического контекста для ее понимания.

В целом проблематика муниципальной идентичности в большинстве случаев раскрывается через понятие локальной идентичности. Локальная идентичность рассматривается в качестве составной части территориальной идентичности (наряду с национальной, региональной, республиканской, провинциальной и пр.). Чаще всего ее

характеризуют как социокультурный феномен, готовность к социально-преобразовательной активности и реализацию этой активности на уровне местных сообществ (Морозова, Улько 2008). Однако в научной литературе встречается и более узкое толкование понятия: под локальной идентичностью понимается локально-заводская идентичность, лежащая в основе политической активности предприятий (Витковская, Назукина 2018). Прослеживается также направление исследований, касающееся социально-профессионального аспекта социальной идентичности на местном уровне, предметом которого выступает профессиональная деятельность муниципальных служащих (Баных и др. 2017; Рочева 2011).

Муниципальная идентичность реализуется по меньшей мере в одной из форм: этнонациональной, религиозной или гражданской. К примеру, процесс установления этнической идентичности неразрывно связан с наделением своей общности определенными стереотипными характеристиками, обособлением ее от чужих общностей, их противопоставлением ей. Индивид, как правило, стремится положительно оценить группы, к которым принадлежит, отдает им преимущество по сравнению с внешними группами. Исследования российских ученых показали, что представители отдельных социальных групп склонны считать верования и убеждения внутри своей группы скорее верными, а убеждения представителей других групп – скорее ошибочными (Максимова, Морковкина 2016: 348).

Сама по себе муниципальная идентичность не несет никаких угроз. Напротив, именно благодаря консолидации общества вокруг органов местного самоуправления и повышения общей управляемости территории стимулируются формы самоорганизации и саморазвития поселений, усиливается их экономическое влияние на близлежащие поселения. Это позволяет на муниципальном уровне обрести гражданскую идентичность. Однако отсутствие или непроработанность институтов подотчетности власти, участия граждан в принятии административных решений, кумовство или пренебрежение общественными запросами могут спровоцировать серьезные последствия, грозящие разрушением гражданского согласия.

Формирование муниципальной идентичности может осуществляться автономно по отношению к региональной

или национально-государственной идентичности. Муниципальная идентичность формируется в тесной зависимости от способности власти квалифицированно решать проблемы местных сообществ. Неспособность власти выполнять эту миссию влечет за собой поместную раздробленность и апатию населения. Основными идентификаторами муниципальной идентичности являются: активность населения на местных выборах, удельное значение расходов муниципального бюджета, охват участия населения в решении вопросов местного значения и пр. Неэффективная государственная политика в отношении местных сообществ, следствием которой становятся нарастание экономических диспропорций между муниципальными образованияами или игнорирование реальных потребностей граждан, вызывает угрозу потери устойчивости современного общества.

В свете сказанного необходимо подчеркнуть актуальность исследования муниципальной идентичности в России как важнейшей основы развития гражданского общества в стране, как одной из предпосылок формирования гражданской идентичности, позволяющей сгладить этнические, религиозные или имущественные различия между поселениями.

На пути к гражданской идентичности. Консолидация общественных интересов, формирующая социальную сплоченность, идентичность граждан с местом их проживания, выступает объективным условием, обеспечивающим стабильность общества (Невеличко и др. 2022). Однако консолидация интересов разнообразных социальных сообществ, и особенно составляющих их социальных страт, представляется архисложной государственной задачей. Как показывают исследования, ни пресловутая национальная идея, ни религия, ни общественная мораль не могут служить основой объединения людей (Горшков, Тихонова 2022: 228-250). Гражданское согласие предполагает схожее ценностное отношение представителей различных социальных сообществ к общественным институтам. Для выявления такой схожести важно сформировать целостное представление о содержании регулируемых этими институтами сфер. В их перечень входят экономическая, политическая, социальная, социокультурная и прочие сферы, роль которых заключается в формировании норм и правил, определяющих

деятельность людей в наиболее значимых для них сегментах повседневного мира. Обеспечить целостность этих сфер – значит сделать их понятными для социального восприятия и придать функциональность лежащим в их основе элементам. Главным препятствием для достижения гражданского согласия и формирования гражданской идентичности является неспособность и неготовность органов власти объяснить принципы формирования базовых социальных сфер, их значение для воспроизводства локальных сообществ, ожидаемые последствия нарушения этих принципов, а также проинформировать о возможных мерах восстановления целостности этих сфер как условия развития сообществ.

Одним из способов преодоления неоднородности местных сообществ и формирования консолидирующих основ их взаимодействия друг с другом может стать наполнение правовым содержанием положения о конкретных механизмах формирования межмуниципальных хозяйственных обществ для совместного решения вопросов местного значения ст. 68 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Межмуниципальное сотрудничество в России развивается сегодня в рамках некоммерческих ассоциаций и договорных форм, в основном концентрируясь на решении вопросов защиты и отстаивания общемуниципальных интересов перед федеральными и региональными органами государственной власти. Развитие организационно-хозяйственных форм сотрудничества, способствующих социальной и экономической интеграции муниципальных образований, к сожалению, пока не получило широкого распространения (Леонов 2022).

Поместная раздробленность как фактор ограничения гражданской идентичности вызвана главным образом информационной асимметричностью между элитами и рядовыми гражданами, неспособностью последних отстаивать свои права по причине либо незнания их, либо размытости и двусмысленности действующих в границах сообществ правил. Территориальная идентичность во всех своих проявлениях выступает важной предпосылкой для формирования целостных представлений о механизмах развития общества и соблюдения прав всех его участников.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд теоретических выводов и конкретных практических рекомендаций. Территориальная идентичность является сложным многоуровневым понятием, предполагающим множество моделей поведения граждан и способов их адаптации к жизни в социальных сообществах. При сложившейся в стране иерархической системе территориальных образований могут возникать определенные диспропорции в сочетаемости видов территориальной идентичности – национальной, региональной, муниципальной и локальной, вызывающие трудности в консолидации общества и гармонизации отношений между различными социальными группами. Поместная раздробленность на муниципальном уровне во многом вызвана неравномерностью развития местных сообществ, их полной зависимостью от вышестоящих бюджетных уровней, что в конечном итоге приводит к тому, что люди не связывают свою судьбу с жизнью в данном сообществе и покидают родные места. Ключевыми факторами такой угрозы выступают слабая вовлеченность местных сообществ в процессы решения проблем государственного значения, неготовность людей влиять на развитие базовых общественных сфер, от которых зависит их судьба и благополучие, утрата доверия граждан к местной администрации и пр. Данные факторы могут провоцировать кризисные проявления территориальной идентичности на местном уровне и блокировать тенденции к общественной консолидации на более высоких территориальных уровнях. Поэтому очень важным в этих условиях становится сохранение способности граждан играть более активную роль на местном уровне – реализовывать свое право участвовать в выборах органов власти, в формировании местных бюджетов, получать всю необходимую информацию о состоянии социальной и инженерной инфраструктуры поселения и пр. Вряд ли можно рассматривать в качестве положительного опыта стремление органов государственной власти осуществлять финансирование органов местного самоуправления через централизованные фонды. Такая практика, на наш взгляд, усиливает конкуренцию между муниципальными образованиями, создает почву для коррупции и препятствует гражданскому согласию. В то же время развитие межмуниципальных союзов, позволяющее реализовывать

межмуниципальные проекты в интересах жителей участвующих в этих союзах муниципалитетов, выступает важнейшим условием достижения гражданского согласия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баных Г.А. и др. 2017. Социально-профессиональные характеристики муниципальных служащих в структуре их профессиональной идентичности: результаты социологического исследования / Г.А. Баных, Е.В. Зайцева, С.Н. Костина // Муниципалитет: экономика и управление. № 3(20). С. 31–36.

Бергер П., Лукман Т. 1995. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания; пер. с англ. Москва : Медиум. 323 с.

Витковская Т.Б., Назукина М.В. 2018. Промышленные города Урала: специфика локальной идентичности и политических практик // Вестник Пермского университета. Политология. № 3. С. 148–165.

Горнова Г.В. 2019. Городская идентичность: философско-антропологические основания: монография. Омск : Амфора. 167 с.

Горшков М.Г., Тихонова Н.Е. (ред.). 2022. Российское общество и вызовы перемен. Кн. 6 / ФНИСЦ РАН Институт социологии ; под ред. М.Г. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. Москва : Весь мир. 284 с.

Дробизева Л.М. 2020. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4 (158). С. 480–498.

Кожанов И.В. 2014. Гражданская и этническая идентичности: проблема взаимосвязи и взаимозависимости // Научное обозрение. Педагогические науки. № 1. С. 157–157.

Кордонский С.Г. 2021. Как устроена Россия. Статьи и интервью разных лет. Москва : Common Place : Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники». 312 с.

Леонов С.Н. 2022. Пространственная организация межмуниципального сотрудничества в России // Известия Байкальского государственного университета. Т. 32, № 3. С. 501–511. DOI 10.17150/2500-2759.2022.32(3).501-511.

Лифанов С.С. 2021. Историческая память и наднациональная идентичность в западноевропейских государствах // Дискурс-Пи. Т. 18, № 4. С. 78–93. DOI 10.17506/18179568_2021_18_4_78

Максимова С.Г., Морковкина А.Г. 2016. Гражданская и этническая идентичность как маркеры межэтнических отношений в приграничных регионах России // Вестник РУДН. Серия: Социология. № 2. С. 347–358.

Мартыанов В.С. 2011. Конфликт идентичностей в политическом проекте модерна: мультикультурализм или ассимиляция? //

Идентичность как предмет политического анализа. Сб. статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.) ; под ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева. Москва : ИМЭМО РАН. С. 36-42.

Монастырский Д.В. 2017. Гражданская идентичность: теоретические подходы к исследованию и формирующие ее факторы // Гуманитарий Юга России. № 1. С. 181–188.

Морозова Е.В., Улько Е.В. 2008. Локальная идентичность: формы актуализации и типы // Политическая экспертиза : ПОЛИТЭК. № 4. С. 139–151.

Невеличко Л.Г. и др. 2022. Формирование идентичности местного сообщества в условиях глобализации / Л.Г. Невеличко, И.М. Воротилкина, Н.В. Белкина, Е.П. Шарина // Мир науки. Социология, филология, культурология. Т. 13, № 3. 42SCSK322. DOI 10.15862/42SCSK322 URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/42SCSK322.pdf>

Низамова Л.Р. 2014. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробичева. Москва : Российская политическая энциклопедия. 2013 : [рецензия] // Социологический журнал. № 1. С. 181–185.

Рочева Я.С. 2011. Социально-профессиональная идентичность муниципальных служащих Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург : Изд. С.-Петербург. гос. ун-та сервиса и экономики. 131 с.

Русакова О.Ф. 2023. Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России // Дискурс-Пи. Т. 20, № 2. С. 32–51. DOI 10.17506/18179568_2023_20_2_32

Самошкина И.С. 2008. Территориальная идентичность как предмет социально-психологического исследования // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». № 3. С. 43–53.

Силантьев Р.А. 2009. Распространение ваххабизма в современной России // Вестник ЧелГУ. № 16. С. 165–171.

Смирнягин Л.В. 2007. О региональной идентичности // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Москва ; Смоленск : Ойкумена. Вып. 17: Меняющаяся география зарубежного мира. С. 21–49.

Фишман Л.Г. 2024. Эпоха потрясений как шанс на объединяющую российскую идентичность // Антиномии. Т. 24, № 1. С. 39–52. DOI 10.17506/26867206_2024_24_1_39

Чаннов С.Е. 2019. Экономическое неравенство субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в контексте обеспечения конституционных прав и свобод граждан // Журнал российского права. № 10. С. 30–41. DOI 10.12737/jrl.2019.10.3

Шматко Н., Качанов Ю. 1998. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования. № 4. С. 94–98.

Borwein S., Lucas J. 2023. Municipal identity and city interests // Political Behavior. Vol. 45, № 3. P. 877–896.

Bühlmann M. 2012. Municipal identity. A multilevel analysis of the determinants of individual attachment to municipalities // *Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft*. B. 6. S. 149–175.

Govers R., Go F. 2009. Place Branding, Glocal, Virtual and Physical Identities, Constructed, Imagined and Experienced. London : Palgrave Macmillan.

Tyson C. J. 2013. Municipal identity as property // *Penn St. L. Rev.* № 118. P. 647–696.

Oleg M. Roy

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. E-mail: roi_omsk@mail.ru

Territorial Identity of Russian Society: from Local Fragmentation to Civil Accord

Abstract. Humans are social beings; as such, they enter into relationships with other people that are structured by issues that are important to them and that involve the participation of social institutions. By virtue of habitation on a particular territory, an individual consistently positions him- or herself as a subject of a local community, which in turn, is subsumed within communities having a higher level of territorial organisation. Each level of this hierarchical social structure differs in the degree of its coherence and integrity as manifested in the phenomenon of territorial identity, which expresses the ability of social communities to maintain the solidarity of citizens' commitment to the social ideals and norms of the national state. The aim of the study is to substantiate the prospects and limitations affecting the formation of civil (national) identity of Russian society while taking the sociocultural diversity and value heterogeneity of local communities into account. Criteria for characterising social communities are formulated according to the structure of territorial identity, which is discussed in terms of its role in the wider system of social identity. Particular attention is paid to the content of municipal identity, within whose territorial format the greatest sociocultural diversity and axiological heterogeneity are observed. On the basis of the results, a number of measures to help overcome local fragmentation and achieve civil harmony are formulated.

Keywords: territorial identity; municipal identity; social community; local fragmentation; civil harmony; territorial community; social structure

Тинвэй Цзян
Институт марксизма
Фуданьского университета,
г. Шанхай, Китай
E-mail: jiangtingwei1997@163.com

Опыт Китая по позитивному взаимодействию между общественным мнением и законодательством

Аннотация. Целью данной работы является подчеркивание важной роли общественного мнения в продвижении поправок в законодательство. На примере совершенствования закона о необходимой обороне в Китае автором показывается, что общественное мнение может сформировать широкое социальное влияние через обсуждение типичных дел, приводя к поправкам в законодательство. В тексте указывается, что законодательные власти должны уделять больше внимания общественному мнению в законодательном процессе для обеспечения соответствия закона общественному мнению и повышения легитимности и социального признания закона. В то же время отмечается риск радикализации общественного мнения и риск внесения поправок в законы под влиянием такого общественного мнения. Отмечается, что у России и Китая есть обширное пространство для сотрудничества в правовой сфере, укрепление которого позволит обеим странам глубже понять законодательный опыт друг друга и будет способствовать совершенному прогрессу в совершенствовании законодательства двух стран.

Ключевые слова: общественное мнение, законодательные поправки, необходимая самооборона, Китай и Россия

В сентябре 2020 г. Верховный народный суд КНР, Верховная народная прокуратура КНР и Министерство общественной безопасности КНР совместно опубликовали документ под названием «Руководящие рекомендации применения необходимой самообороны» для того, чтобы систематически и всесторонне определить ее рамки. 27 ноября того же года Верховная народная прокуратура КНР опубликовала шесть типичных дел об отказе от ареста или судебного преследования лиц, действовавших

в целях самообороны. Это дополнительно уточняет возможности самообороны граждан. На ВСНП и НПКС Китая в марте 2024 г. в докладе о работе Верховного народного суда КНР отмечалось, что в период с 2021 по 2023 г. 77 обвиняемых были оправданы в случаях самообороны. В докладе четко указывалось, что «закон не должен отступать перед преступлениями» и «статья 20» должна практически претворяться в жизнь¹. Начиная с дела Дэн Юйцзяо, Юй Хуана и Юй Хаймина (в Кунышане провинция Цзянсу), в целом общественное мнение сыграло важную роль в эффективном применении правил самообороны, а теория уголовного кодекса КНР стала более совершенной.

1. Типичные дела о самообороне и общественное мнение. Вместе с развитием науки и техники и пробуждением субъективного сознания граждан общественность постепенно избавляется от пассивной позиции, начиная активно участвовать в общественных делах и стремясь выражать свои интересы в Интернете. Поэтому общественное мнение (особенно онлайн) оказывает важное влияние на законодательный процесс в XXI в. В 2009 г. дело Дэн Юйцзяо впервые вывело «самооборону» на всеобщее обозрение, а общественное мнение в онлайн-пространстве формально оказало влияние на решение суда. Последующие дела Юй Хуань и Юй Хаймин стали знаковыми событиями в судебной практике, повлияли на ряд судебных решений и даже на совершенствование китайского законодательства. Нахождение баланса между эмоциями, разумом и законодательством крайне важно для законодательной и судебной власти.

По мнению общественности, Дэн Юйцзяо, Юй Хуань и Юй Хаймин были вынуждены прибегнуть к самообороне, не превышая ее, и не должны были привлекаться к уголовной ответственности. В центре общественного обсуждения были срочность, необходимость и намерение самообороны в их случае. Многие начали выражать сомнение в решениях о «превышении самообороны» в аналогичных делах в прошлом и в действующем законодательстве, призывать к срочному внесению поправок в законодательство, к его совершенствованию.

¹ «Закон не должен поддаваться противозаконности» и «статья 20» пробуждается. URL: <https://www.shszx.gov.cn/shzx/mtsd/content/7ebf8ce7-51ff-4ae2-a6f1-5c36ba276642.html> (дата обращения: 09.03.2024). (на кит. яз.).

Внимание общественности к «проблеме самообороны» объясняется тем, что самооборона подразумевает основную потребность граждан в самозащите и сопротивлении внезапной противозаконной агрессии для защиты своей личной жизни. В процессе построения правового общества определение и применение самообороны в качестве важного правового средства самозащиты граждан всегда привлекало большое внимание. Согласно статье 20 уголовного кодекса КНР, «предпринятое для пресечения незаконного посягательства действие, совершенное для защиты государства, общественных интересов, жизни, имущества и прочих прав обороняющегося или других лиц от совершаемых в тот момент незаконных посягательств, если при этом лицу, осуществляющему незаконное посягательство, был нанесен вред, считается необходимой обороной и не влечет уголовного ответственности. Если действия необходимой обороны явно превысили необходимые пределы и причинили существенный вред, то уголовная ответственность наступает; однако предусмотренное за это наказание должно быть смягчено или совершившее такое действие лицо должно быть освобождено от наказания. Если против осуществляемых в тот момент драки, убийства, ограбления, изнасилования, похищения людей и прочих представляющих серьезную опасность для личной безопасности и связанных с применением насилия преступлений была применена оборона, причинившая физический ущерб лицу, совершившему незаконное посягательство, или повлекшая за собой его смерть, то такая оборона не является превышением пределов необходимой обороны и уголовная ответственность не наступает»².

2. Позитивное взаимодействие между общественным мнением и законодательством. От дела Дэн Юйцзяо до дела Юй Хуана и Юй Хаймина – эти дела способствовали глубокому взаимодействию между общественным мнением и законодательством. В 2009 г. Дэн Юйцзяо была первоначально задержана за умышленное убийство, но в итоге суд постановил, что это было превышение самообороны, и освободил ее от уголовного наказания; в 2016 г. приговор Юй Хуану был заменен

² Статья 20 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики (в ред. от 2011 г.). (на кит. яз.).

с пожизненного заключения на пять лет лишения свободы; в 2018 г. прокуратура постановила, что Юй Хаймин действовал в рамках самообороны, и прекратила возбужденное против него дело. Если взять эти три дела в качестве примера, то на протяжении почти десятилетия китайская судебная система уделяла серьезное внимание общественному мнению касательно законодательного процесса с целью демонстрации отражения в законодательстве общественного мнения и повышения легитимности и социальной признанности законов.

Во время как многие страны вводят ограничения на условия оправдания самообороны во избежание злоупотребления правом на нее, Китай также жестко отстаивает «необходимые пределы» для оправдания самообороны. В Китае подавляющее большинство судебных решений, связанных с актами самообороны, имели заключение о превышении самообороны: 95% из них были признаны умышленными причинениями вреда здоровью, а 4% – умышленными убийствами³. С эмоциональной точки зрения общество очень сочувствует людям, находящимся в слабом положении, таким как Дэн Юйцзяо, Юй Хуань и Юй Хаймин, испытывает к ним сильное чувство сопереживания, что вызывает недоверие к судебной системе и правительству, недовольство ими.

Судебная система КНР реагирует как на спорные вопросы общественного мнения, так и на проблемы, существующие в судебных решениях. «Руководящие рекомендации по применению необходимой самообороны» требуют, чтобы в судебных процессах учитывалась субъективность лиц, принималось во внимание намерение защищаться. Следует также отказаться от консеквенциализма и эффективно трансформировать судебные концепции, находящиеся под его влиянием. При определении того, имеет ли сторона оборонительные намерения, следует вынести здравый приговор с точки зрения защищающегося, исходя из характера, интенсивности и опасности правонарушения и ситуации, в которой находится защищающийся.

3. Влияние СМИ и общественного мнения на законодательство. СМИ, являясь важным каналом распространения

³ Тунг Юктинг, Цюань Цюань. Защитное намерение как недостаток теории самообороны // Политика и право. 2021. № 310(3). С. 118–127. (на кит. яз.).

информации, играют ключевую роль в обсуждении дел о самообороне. СМИ не только сообщают фактические подробности дела, но и делают акцент на спорных моментах при помощи глубокого анализа и интерпретации профессиональными юристами, вызывая более широкое общественное обсуждение. СМИ не только расширяют обсуждение дела, но и углубляют знания и понимание вопросов самообороны. Однако анонимность Интернета предоставляет людям свободную площадку для выплеска их негативных эмоций, и этот групповой отрицательный настрой может оказать негативное влияние на качество консультаций по вопросам законодательства⁴. Эмоциональный настрой и обилие слухов затрудняют широкое распространение рациональной информации, что приводит к феномену отчуждения в публичной сфере, который, как отмечает Хабермас, воплощает в себе тиранию большинства, значительную эмоциональность общественного мнения и отсутствие рациональных процессуальных механизмов⁵. Законодательные процессы под напором общественного мнения несут за собой определенные риски. Ускорение темпов законодательства может привести к несовершенству законодательных процедур, однако спешно принятое законодательство может стать инструментом для смягчения общественного давления⁶. Следовательно, качество законодательства страдает под давлением общественного мнения.

Таким образом, путь от общественного мнения до поправок к законодательству – сложный и динамичный процесс. Он включает в себя расширение общественного мнения, повестку дня СМИ, формирование общественного консенсуса, а также пересмотр и совершенствование законов. Этот процесс не только демонстрирует положительное взаимодействие

⁴ Чжан Айцзюнь, Чжан Юань. Практические преимущества, дилеммы и решения сетевой консультативной демократии // Форум Цзяньхуай. 2019. № 296(4). С. 63–69. (на кит. яз.).

⁵ Сюй Ян. Повторный суд над общественным мнением: дилемма и выход из судебного процесса // Китайский юридический журнал. 2012. № 2. С. 182–193. (на кит. яз.).

⁶ Чжан Синь. Новые СМИ: участие общественности и законодательство под напором // Закон Хэбэя. 2016. Т. 34, вып. 10. С. 90–101. (на кит. яз.).

между общественным мнением и законодательством, но и воплощает социалистический дух верховенства права.

У России и Китая есть обширное пространство для сотрудничества в правовой сфере. Укрепление обменов и сотрудничества позволит обеим странам глубже понять законодательный опыт друг друга и будет способствовать их совместному прогрессу в совершенствовании законодательства. В будущем Россия и Китай могут еще больше расширить сферу сотрудничества в правовой области, включая охрану окружающей среды, защиту интеллектуальной собственности, электронную коммерцию и другие области развивающихся рынков. Россия и Китай также могут совместно работать в правовой сфере для решения глобальных проблем, таких как транснациональная преступность, кибербезопасность и терроризм, и вносить позитивный вклад в поддержание мира и стабильности в мире.

Tingwei Jiang

School of Marxism, Fudan University, Shanghai, China. E-mail: jiangtingwei1997@163.com

The Positive Impact of Public Opinion on Legislation in China

Abstract. The study highlights the important role of public opinion in driving legislative changes. By illustrating the positive impact of public opinion on refining the law of necessary defense in China, it demonstrates how public discourse surrounding notable cases can generate substantial social influence, prompting legislative changes. The study argues that legislative bodies should give greater consideration to public sentiment during the lawmaking process to align legislation with public expectations, thereby enhancing its legitimacy and societal acceptance. Furthermore, the study outlines the potential risks associated with radicalized public opinion and the possibility of laws being modified due to excessive pressure. It also highlights the considerable potential for cooperation in the legal sphere between Russia and China. Strengthening mutual exchanges and collaborative efforts could allow both nations to gain valuable insights into each other's legislative practices, fostering progress in refining their respective legal systems.

Keywords: public opinion; legislative amendments; necessary defense; China and Russia

**Научно-методические
и экспертные рекомендации
по итогам работы Первой Международной
научной конференции
«Философское осмысление
историографических и перспективных задач
современного публичного права»
(Екатеринбург, 14 ноября 2024 г.)**

Институтом философии и права УрО РАН в 2024 году проделана фундаментальная научно-исследовательская и организационная работа, направленная на получение нового научного знания в области исследования особенностей и противоречий становления в публичной сфере общегражданского российского нарратива, связанного с выработкой консолидирующей идентичности, объяснением исторического и культурного единства суверенной нации. По тематике научного проекта организованы и проведены всероссийские и международные научные конференции: «Наследие Иммануила Канта и современность – к 300-летию со дня рождения великого мыслителя», Екатеринбург, 22–23 апреля 2024; круглый стол в рамках международного Уральского научного форума, посвященного 300-летию РАН «Историческая правда и коллективная память: механизмы регулирования российской исторической политики», Екатеринбург, 26–27 апреля 2024; конференция «Культура отмены и социальный остракизм в истории и современности», Екатеринбург, 16–17 мая 2024; международная научная конференция «Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права», Екатеринбург, 14 ноября 2024. Подготовлены десятки докладов на научных мероприятиях разного уровня и статей в ведущих научных изданиях, входящих в RSCI и ядро РИНЦ («Государство и право», «Россия в глобальной политике», «Changing Societies & Personalities», «Антиномии», «Дискурс-Пи» и др.).

Среди наиболее значимых научно-методических и экспертных рекомендаций для специалистов, федеральных,

государственных и муниципальных органов законодательной и исполнительной власти, заинтересованных учреждений и организаций можно отметить следующие.

1. Повышение эффективности нормативно-правового регулирования вопросов исторической политики, политики памяти, гражданского воспитания и образования

1. Совершенствовать разработку концепций демократического устройства современных обществ с учетом развития институтов демократии в российской истории. Способствовать развитию механизмов взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления с гражданами, внедрению правовых институтов, содействующих вовлечению представителей различных слоев российского общества в обсуждение вопросов государственной важности и вопросов местного значения. Исследовать политико-правовые проблемы открытости власти, в том числе с учетом возможностей цифровизации общественных отношений.

2. Совершенствовать форматы сотрудничества с государствами – членами и государствами – партнерами БРИКС по вопросам защиты прав человека. Выработать экспертные рекомендации по взаимным национальным режимам для граждан государств БРИКС, развивать механизмы правовой помощи по уголовным делам. Принять на уровне БРИКС акты мягкого права в области регуляции прав человека, которые в будущем могли бы стать основой для разработки юридически обязывающих документов БРИКС в этой сфере.

3. Рекомендовать конкретизировать в российском законодательстве нормативно-правовую защиту универсальных ценностей, находящихся поддержку у подавляющего большинства граждан России в качестве основы консолидирующей общегражданской идентичности. Отсылки к историческому опыту в нормативно-правовых актах целесообразно усилить акцентом на современных (модерных) ценностях и устремленности в будущее.

4. В интересах разработки документов стратегического планирования предложить уточненные формулировки таких категорий как ценности, правда, историческая правда и др. Провести обсуждение указанных категорий с привлечением

экспертных сообществ из профильных институтов РАН, а также других научных и образовательных организаций.

5. Выработать четкие и недвусмысленные критерии отнесения локальных территорий к самоуправляемым, сформировать прозрачные и продуктивные правила взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти субъектов федерации.

II. Противодействие идеологическим заимствованиям, деструктивным идеологиям, искажениям цивилизационного развития России

1. В области научного и идеологического обеспечения цивилизационного развития России рекомендуется отказаться от стратегии представления противостояния России и коллектива Запада как противостояния Традиции и Модерна. Из нее вытекает, что Россия уступает Западу монополию на Модерн (Современность). Предлагается исходить из того, что Традиция не существует вне связи с высоким модернизмом, с которым вместе они и составляют актуальный Модерн. Вытекающий из этого подход заключается в рассмотрении Модерна как постоянно воспроизводящегося пространства альтернативности. С данной точки зрения Россия в силу актуально существующего в ней разнообразия социальных практик и осуществляемой ею политики поддержания пространства альтернативности на мировой арене является историческим субъектом, формирующим достаточно эффективную и привлекательную для многих современных обществ модель Модерна.

2. В сфере философско-правового описания России как государства-цивилизации следует избегать не критического увлечения концепциями в духе реакционной цивилизационной риторики, не отвечающей потребностям сегодняшнего дня. Концепция «государства-цивилизации» может стать эффективной и убедительной, если сформируется как прагматическая альтернатива устаревшему цивилизационизму XIX – начала XX века. Концепция государства-цивилизации не должна опираться на спекулятивное осмысление прошлого и настоящего с точки зрения теорий, представляющих по большей части лишь историческую ценность.

3. В актуальных условиях особое значение приобретает защита ценностного ядра российского государства-цивилизации. Целесообразно осуществить системный анализ российских общественных теорий и учебников, концептуализирующих актуальное состояние российского общества и государства в постсоветский период, с целью выявить и оценить объем нарративов, направленных на делегитимацию российских ценностей.

4. В области подготовки школьных и вузовских учебников, учебных курсов, мероприятий и программ патриотического воспитания рекомендуется обосновать приоритет единства российской нации перед интересами отдельных групп; при разработке рекомендаций опираться на коллективные представления, сложившиеся на основе ценностей, выработанных посредством широких общественных дискуссий.

5. Развивать сотрудничество юридических вузов, академических институтов, экспертно-аналитических центров и органов государственного управления, повышая эффективность коммуникации между ними с целью выработки эффективных стратегий и концепций развития, обеспечивающих историческое и культурное единство суверенной российской нации.

III. Повышение качества образования и историографической компетентности юристов и иных представителей социальных наук

1. Системно изучать наследие российских правоведов – классиков юридической мысли, способствующее утверждению ценностей конституционализма, демократии, прав и свобод человека, традиционных ценностей российского общества.

2. Обеспечить проработку теоретико-методологических основ изучения историографических источников. Организовать постоянно действующий научно-теоретический семинар «Историография философско-правовых и теоретико-исторических наук».

3. Инициировать подготовку и издание академического курса «История государства и права России», отражающего современный уровень развития историко-юридических исследований.

4. Сохранить преподавание философии права на уровне юридической магистратуры в качестве обязательного предме-

та. Создать учебно-методический комплекс по преподаванию философии права на уровне юридической магистратуры с привлечением как правоведов, так и философов. Рекомендовать при изучении отечественной истории философии права учитывать исторический генезис политико-правовых концепций, в том числе связанных с византийским наследием.

Информация об авторах

Аникин Даниил Александрович – доцент кафедры истории и теории политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы, кандидат философских наук, доцент (Москва, Россия).

Балакаев Виктор Дмитриевич – младший научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва, Россия).

Белоусов Александр Борисович – заведующий лабораторией социально-политических коммуникаций, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, кандидат политических наук, доцент (Екатеринбург, Россия).

Го Лишуан – научный руководитель Школы марксизма Фунданьского университета, доктор философии, профессор (Шанхай, Китай).

Головашина Оксана Владимировна – ведущий научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, доктор философских наук, доцент (Екатеринбург, Россия).

Казанцев Михаил Федорович – заведующий отделом права Института философии и права УрО РАН, доктор юридических наук (Екатеринбург, Россия).

Кодан Сергей Владимирович – главный научный сотрудник Управления научных исследований, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного

- юридического университета им. В. Ф. Яковлева; ведущий научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Москва, Россия).
- Лобовиков Владимир Олегович** – главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, доктор философских наук, профессор (Екатеринбург, Россия).
- Мартьянов Виктор Сергеевич** – директор Института философии и права УрО РАН, доктор политических наук, доцент (Екатеринбург, Россия).
- Панкевич Наталья Владимировна** – научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат политических наук, доцент (Москва, Россия).
- Рой Олег Михайлович** – ведущий научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, доктор социологических наук, профессор (Екатеринбург, Россия).
- Руденко Валентина Викторовна** – научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, доцент (Москва, Россия).
- Руденко Виктор Николаевич** – вице-президент РАН, председатель Уральского отделения РАН, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор (Екатеринбург, Россия).
- Фишман Леонид Гершевич** – научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор политических наук, профессор РАН (Москва, Россия).
- Цзян Тинвэй** – докторант Школы марксизма Фуданьского университета (Шанхай, Китай).
- Шавеко Николай Александрович** – научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук (Москва, Россия).

Научное издание

**Философское осмысление историографических
и перспективных задач современного публичного
права**

*Сборник научных трудов по итогам
Первой Международной научной конференции,
посвященной 100-летию С.С. Алексеева
(Екатеринбург, 14 ноября 2024 г.)*

Рекомендовано к изданию
Ученым советом
Института философии и права УрО РАН
(протокол № 9 от 25.11.2024)

Редакторы: М.И. Лаевская, В.А. Голоскоков
Корректор: Е.М. Олову
Компьютерная верстка: А.Э. Якубовский
Дизайн обложки: А.Э. Якубовский

Подписано в печать 27.11.2024 г. Формат 60x84/16
Бумага типографская. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 14,0
Уч.-изд. л. 12,38 Тираж 500 экз. Заказ № 7995

Институт философии и права УрО РАН.
620108. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Гагарина, д.35-а, офис 2